

Учредитель – Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ

TEXT. BOOK. PUBLISHING

Научно-практический журнал

2018

№ 18

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52489 от 21 января 2013 г.)

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 42043

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны
быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой
степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «Текст. Книга. Книгоиздание»

Айзикова Ирина Александровна – главный редактор
д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета
E-mail: wand2004@mail.ru

Воробьева Татьяна Леонидовна – зам. главного редактора
канд. филол. наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета

Баль Вера Юрьевна – ответственный секретарь
канд. филол. наук, ст. преп. кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета

Гридина Татьяна Александровна – д-р филол. наук, зав. кафедрой общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета
Ершов Юрий Михайлович – д-р филол. наук, зав. кафедрой телерадиожурналистики Томского государственного университета

Есипова Валерия Анатольевна – д-р ист. наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета

Жиликова Наталия Вениаминовна – д-р филол. наук, зав. кафедрой теории и практики журналистики Томского государственного университета

Калиткина Галина Васильевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Томского государственного университета

Мароши Валерий Владимирович – д-р филол. наук, профессор кафедры русской литературы и теории литературы Новосибирского государственного педагогического университета

Пугачев Валерий Вениаминович – д-р филол. наук, профессор кафедры русской, зарубежной литературы и издательского дела Башкирского государственного университета

Старикова Галина Николаевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета

Шарафадина Клара Ивановна – д-р филол. наук, профессор кафедры журналистики Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

Щитова Ольга Григорьевна – д-р филол. наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Томского политехнического университета

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, сайт <http://journals.tsu.ru/book/>

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

<i>Шарафадина К.И.</i> Текстовый семиозис этнофитонимики и проблема ее культурной адаптации при переводе (на материале произведений И.С. Тургенева)	5
<i>Горенинцева В.Н.</i> Стратегии перевода кроссовер-литературы (на материале русскоязычных версий эпического фэнтези Р. Адамса «Обитатели холмов»)	24
<i>Олицкая Д.А.</i> Образы Сибири в немецкой паралитературе XIX и XX вв.	44

КНИГА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

<i>Перевалова Е.В.</i> В борьбе за литературные таланты: гонорарная политика журнала «Русский вестник» в 1850–1880-е гг.	65
<i>Ромашина Е.Ю., Безрогов В.Г.</i> Книгоиздатель и автор: азбука в России середины XIX в.	91
<i>Подчиненов А.В., Снигирева Т.А.</i> Авторская воля и редакторский произвол: к истории публикации романа Василия Аксенова «Таинственная страсть»	124

ВОПРОСЫ КНИГОИЗДАНИЯ

<i>Есипова В.А., Карташова Т.П.</i> Книжные памятники в цифровую эпоху: проблемы создания и использования электронных ресурсов	138
<i>Динер Е.В.</i> Опыт разработки концепции мультимедийного учебного пособия для средней школы (на примере электронного приложения к основному учебнику английского языка для начальной школы)	152
<i>Курьянович А.В.</i> Современные исследования в области лингвосенсорики: семантика восприятия и способы ее языкового воплощения в поэтическом тексте. Рецензия на книгу: Поэтическая картина мира сквозь призму категории перцептивности / Симона Корычанкова, Лариса Крюкова, Анна Хизниченко. Brno: Masarykova univerzita, 2016. 236 с.	169
Сведения об авторах	175
Правила оформления статей	177

CONTENTS

PROBLEMS OF TEXT: THEORY AND PRACTICE

<i>Sharafadina K.I.</i> Text semiosis of ethnophytonymy and the problem of its cultural adaptation in translation (a case study of I.S. Turgenev's works)	5
<i>Gorenintseva V.N.</i> The translation challenges of crossover fiction (R. Adams's <i>Watership Down</i> and its Russian versions)	24
<i>Olitskaya D.A.</i> Images of Siberia in German Paraliterature of the 19th and 20th centuries	44

BOOK IN CULTURE

<i>Perevalova E.V.</i> In the struggle for literary talents: The fee policy of <i>The Russian Messenger</i> (<i>Russkiy Vestnik</i>) in the 1850s–1980s	65
<i>Romashina E.Yu.</i> Publisher and author: the Russian primer in the middle of the 19th century	91
<i>Podchinenov A.V., Snigireva T.A.</i> Author's intent and editor's license: on the publication of Vasily Aksyonov's <i>Mysterious Passion</i>	124

BOOK PUBLISHING

<i>Esipova V.A., Kartashova T.P.</i> Book monuments in the digital age: Problems of creation and use of electronic resources	138
<i>Diner E.V.</i> On developing the concept of a multimedia educational textbook for secondary schools (a case study of an electronic application to the English language textbook for elementary school)	152
<i>Kuryanovich A.V.</i> Modern research in the field of linguosensorics: Semantics of perception and ways of its linguistic embodiment in the poetic text. Book review: <i>Poetic Picture of the World Through the Prism of the Category of Perceptivity</i> / Korychankova Simona, Kryukova Larissa, Khiznichenko Anna. Brno: Masarykova Univerzita, 2016	169
Information about the authors	175
Rules for article submission	177

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

УДК 81'255.2

DOI: 10.17223/23062061/18/1

К.И. Шарафадина

ТЕКСТОВЫЙ СЕМИОЗИС ЭТНОФИТОНИМИКИ И ПРОБЛЕМА ЕЕ КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И.С. ТУРГЕНЕВА)

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о культурологической переводимости этнофитонимики – используемой в художественных произведениях растительной лексики, имеющей ярко выраженный национальный колорит. Представлен обзор переводческих версий этнореалий (в основном на английский язык) из произведений И.С. Тургенева (рассказов из цикла «Записки охотника»: «Свидание» и «Касьян с Красивой Мечи», романа «Дворянское гнездо»). Ставится вопрос о системной текстовой стратегии, которой должен придерживаться переводчик, сталкиваясь с переводом национальных реалий. Она предполагает учет при переводе этнореалий, текстовый семиозис которых отличается латентностью и пролонгированностью контекстно-композиционного окружения, диктующего стилевую доминанту.

Ключевые слова: теория и практика художественного перевода, этнофитонимика, лингвоэтническая асимметрия, культурологическая переводимость, культурная трансформация и адаптация.

В теории перевода в последнее время обострился интерес к проблеме лингвоэтнического барьера и способов его нейтрализации [1–5]. Еще И.-В. Гёте, рассуждая о принципах художественного перевода, предлагал два пути: «...один требует переселения автора к нам – так, чтобы мы могли видеть в нем соотечественника; другой, напротив, предъявляет к нам требование – самим отправиться к этому чужеземцу и применяться к его условиям жизни, складу его языка, его особенностям» [6. С. 17]. И в том и в другом случае возникает необходимость нейтрализации лингвоэтнического барьера, создаваемого различиями национальных культур.

Но на этом пути неизбежна культурная трансформация. Одной из причин переводческих неудач исследователи называют неправильный выбор баланса, что оборачивается либо недостаточной, либо излишней культурно-прагматической адаптацией текста оригинала. Наибольшие трудности у переводчика вызывают лексемы с ярко выраженным «этническим фоном», обозначающие уникальные понятия, отображающие культурную ментальность. Внимание привлекает, в частности, этноботаническая народная таксономия, предмет изучения этноботаники, которая представляет «определенный способ видения культуры, а именно... сквозь призму мира растений» [7. S. 5], и этнолингвистики, исследующей интерпретацию флоры традиционной культурой, включая диалектные фитонимы, или этнофитонимы.

В этой статье мы проанализируем конкретные примеры переводов на английский язык этноботанической топики из рассказов И.С. Тургенева «Свидание» и «Касьян с Красивой Мечи» (из цикла «Записки охотника») с точки зрения обоснованности ее культурной трансформации и адаптации герменевтической поэтологией переводимого текста.

Название рассказа «Свидание» отражает его фабульную ситуацию: молодая крестьянка Акулина пришла поздней осенью в березовую рощу на последнее свидание с соблазненным ее камердинером богатого барина, уезжающим вместе с хозяином в Петербург. Рассказчика-охотника она поразила необыкновенной трепетной одухотворенностью своего облика: «Я взгляделся: то была молодая крестьянская девушка. Она сидела в двадцати шагах от меня, задумчиво потупив голову и уронив обе руки на колени; на одной из них, до половины раскрытой, лежал густой пучок полевых цветов и при каждом ее дыханье тихо скользил на клетчатую юбку. <...> Она, видимо, ждала кого-то; в лесу что-то слабо хрустнуло: она подняла голову и оглянулась. <...> в прозрачной тени быстро блеснули передо мной ее глаза, большие, светлые и пугливые, как у лани» [8. С. 242–243].

Обратим внимание на цветочный мотив в ее портретировании: он гармонично вписывается в облик Акулины и вторит малейшим

нюансам ее поведения и смены эмоций: «Несколько мгновений прислушивалась она, не сводя широко раскрытых глаз с места, где раздался слабый звук, вздохнула, повернула тихонько голову, еще ниже наклонилась и принялась медленно перебирать цветы» [8. С. 242–243].

Разговор Акулины с пришедшим на свидание Виктором в определенный момент касается цветов: «Что это у тебя, – прибавил он, придвинувшись к ней, – цветы? – Цветы, – уныло отвечала Акулина. – Это я полевой рябинки нарвала, – продолжала она, несколько оживившись, – это для телят хорошо. А это вот черда – против золотухи. Вот поглядите, какой чудный цветик; такого чудного цветика я еще отродясь не видала. Вот незабудки, а вот маткина-душка... А вот это я для вас, – прибавила она, доставая из-под желтой рябинки небольшой пучок голубеньких васильков, перевязанных тоненькой травкой, – хотите?» [Там же. С. 245].

Крестьянскую девушку Тургенев недаром наделил цветолюбием и травознанием. Они – естественное продолжение присущей ей внутренней одухотворенности, способной живо и непосредственно откликаться на окружающую ее неброскую красоту родной природы. В ее пояснениях незамысловатые полевые цветы и травы представлены образно-эмоциональными диалектными фитонимами: полевая рябинка, маткина-душка, чудный цветик, голубенькие васильки.

Свой перечень девушка-крестьянка начинает и заканчивает выразительными метафорическими простонародными (обыденными) названиями растений: «полевая / желтая рябинка» и «маткина-душка». Пояснения Акулины свидетельствуют о несомненном знакомстве писателя с этноботаническими фитонимами. Приведем и другие примеры из «Записок охотника». В рассказе «Льгов», описывая прибрежную растительность, Тургенев упомянет «густой тростник» и посчитает нужным дать читателю этноботаническое пояснение, связанное с родной для него Орловщиной: «Льгов – большое степное село с весьма древней каменной одноглавой церковью и двумя мельницами на болотистой речке Росоте. Эта речка верст за пять от Льгова превращается в широкий

пруд, по краям и кое-где посередине заросший густым тростником, по-орловскому – майером» [8. С. 245]. В рассказе «Бежин луг» тоже есть отсылка к орловскому наречию, связанному с речной растительностью: «– Во-вон, в камыши полез, – прибавил он, прислушиваясь. Камыши точно, раздвигаясь, “шуршали”, как говорится у нас» [Там же. С. 102].

Под псевдонимом «полевая / желтая рябинка» скрыто травянистое растение лесной и лесостепной зоны пижма (*Tanacetum vulgare*), произрастающее в луговых степях и берёзовых лесах, на суходольных лугах, по дорогам, полям, межам, в кустарниках и на опушках. В романе «Дворянское гнездо» (1859) в XVIII главе она также будет упомянута писателем под этим привлекательным именем как растительная примета национального топоса – степного пейзажа, недаром навеявшего на Лаврецкого давние воспоминания, в частности о матери и отце:

...Лаврецкий глядел на пробегавшие веером загоны полей, на медленно мелькавшие ракиты, на глупых ворон и грачей, с тупой подозрительностью взиравших боком на проезжавший экипаж, на длинные межи, заросшие черныбыльником, полынью и полевой рябиной; он глядел... и эта свежая, степная, тучная голь и глушь, эта зелень, эти длинные холмы, овраги с приземистыми дубовыми кустами, серенькие деревеньки, жидкие березы – вся эта, давно им невиданная, русская картина навела на его душу сладкие и в то же время почти скорбные чувства, давила его грудь каким-то приятным давлением [9. С. 59].

В «Пособии по переводу русской художественной прозы на английский язык» М. Морозова приведена версия перевода на английский язык этого фрагмента романа в лондонском издании 1947 г.:

Lavretsky looked at the fields, whose furrow, seeming to merge in the distance, resembled huge fans watched the flitting fields spreading out like a fan before him; at the broom groves as they slowly drifted past, at the silly crows and rooks which with dull suspicion looked askance at the passing vehicle, at the long ditches overgrown with wormwood and mountain ash;

he looked... and the fresh and fertile wilderness of the steppe, the bright verdure, the long hillocks, the ravines with their stumpy little oak trees, the grey little villages, the sparse thin birches, the whole of this Russian landscape, so long unseen by him, filled his soul with sweetness and sorrow that lay both light and heavy on his heart. His thoughts were slowly roving; they were as hazy and indistinct as the shapes of the clouds which also seemed to be roving high overhead [10. С. 67–68].

Следует исправить казус, который подстерег переводчика, атрибутировавшего «полевую рябину» (судя по буквальному переводу *mountain ash*) как дерево. Но общий ландшафт («загоны полей», «длинные межи») и растительные «соседи» (травянистые растения чернобыльник и полынь) не оставляют сомнений в том, что под этим диалектным фитонимом скрыта именно пижма, но никак не рябина. А упоминание пижмы под «рябиновым» псевдонимом в рассказе «Свидание», хронологически предшествующем роману «Дворянское гнездо», с очевидностью свидетельствует о знании этого словоупотребления Тургеневым.

Акулина настойчиво именуется обыденное лекарственное растение поэтичным именем-уподоблением, отсылающим к богатому поэтологическому фонду рябины в фольклоре. Так или иначе актуализированной культурной памятью читателя не могла не стать общая позитивная, в частности апотропейная, репутация дерева и особенно ее феминный код, предполагающий уподобление / соположение с девушкой / женщиной.

Этнофитоним «полевая / желтая рябинка» в выявленных нами англоязычных переводах чаще всего атрибутирован как пижма и переведен ее номенклатурным названием в англоязычном ботаническом лексиконе – *tansy*. Это название восходит к *tanacetum* – латинизация греческого *athansia* – отрицание Танатоса, бессмертие: подобно цветкам бессмертников, сухие соцветия пижмы сохраняют желтый цвет. В южных англо-саксонских графствах времен королевы Елизаветы молодые листья пижмы считали ценной весенней зеленью, их употребляли во время Великого поста для очищения организма. Пудинг и омлеты с пижмой, подаваемые к

столу в пасхальные дни, символизировали горечь и скорбь, но в то же время воскресение и весеннее пробуждение природы.

Таким образом, лингвокультурная информация, закреплённая за пижмой в англоязычной традиции, явно имеет иное направление, чем этнофитоним «полевая рябинка». Следуя ботаническому буквализму, эта версия попутно жертвует национально-культурным колоритом исходного текста. Возможно, стоило поискать в английском ботаническом лексиконе среди синонимов лекарственных растений дендронимические уподобления либо применить прием описательного перевода. Наконец, напомним, что пижма имеет в английском ботаническом лексиконе метафорический синоним *buttons*, т. е. «кнопочки». Такая версия перевода выглядела бы более релевантной, будучи хотя бы частично эквивалентной поэтичности этнофитонима «полевая рябинка».

В переводе К. Гарнетт (отметим: не с русского оригинала, а с французского перевода) был использован функциональный аналог пижмы по ее лекарственной репутации – *milfoil*, т.е. тысячелистник:

- What have you got there? ...flowers? Added he, sitting closer to her.
- Yes, flowers, replied Akoulina mournfully; I gathered some *milfoil* for myself, pursued she, arranging them a little; they are very good for the calves. I have some *plantain* too, some *bidents*... to cure *scrofula*. But look at this curious flower, I never saw such a plant as that, never one with such a shape. Here are some *germanders*... But see what I've got for you, added she, drawing from the heap of yellow *bidents* a little bunch of pretty wild *corn-centauries*, tied round with a blade of grass; will you take them?

Victor stretched out his hand with an effort, took the bouquet, passed it carelessly over his face several times, and commenced fingering the *corn-centauries* with his eyes on the trees before him. <...>

I got home, and enjoyed excellent sleep, as I always do. But it was a long time before I got the image of the poor Akoulina out of my mind; and the *corn-centauries*, long since faded, with the *germanders* surrounding them, still remain in my cabinet («The assignation») [11].

Ср.: There is some I gathered some *field-milfoil*, she continued, brightening a little: it is good calves [12. P. 232].

Русское название «подорожник», как пишет Н.И. Анненков, «заимствованное, но употребительное в большей части Великой России» [13. С. 5], относится к фитонимам с числовым мотивом. Значение числительного 1000 в этом фитониме неоднозначно. Ср.: «что светков многого, и не сошшитащ, сколь их тамо-ка» [14. С. 195]. Поэтому иногда «тысяча» в названиях заменяется на другие числительные: столистник, сорокалистник, пятидесятилистка, ср. серб. столика, столистац [13. С. 5].

Выбранный переводчиком английский фитоним *milfoil* также буквально означает «тысяча листьев» (из ст.-фр. *milfoil* от лат. *mile-*, *millefolium*, форма *mile-*, *mille* 'тысяча' + *folium* 'лист', после греч. *miriophallon* (*mirios* 'мирады', *phallon* 'лист')). Это название связано с ботанической латынью и восходит к видовому обозначению растения (Ахиллея тысячелистная). Мотивационным признаком названия стала структура листьев, многократно рассеченных, отчего создается впечатление их множества. Но это название – не из разряда обыденных или народных. В то же время фонд английских этнофитонимов для этого растения богат и ассоциативен. В частности, можно выделить группу названий, апеллирующих к лекарственным свойствам растения, а именно его кровоостанавливающим и ранозаживляющим возможностям. Часто такие названия имеют «военный» акцент: *Herbe Militaris*, *Sanguinary*, *Bloodwort*, *Soldiers woundwort*. Ср. культурологическую ориентацию немецкого фитонима *Achillenkraut* – «трава Ахиллеса», французских фитонимов *Herbe á la coupure* – «трава от пореза», *Sorcil de Vénus*, т.е. «бровь Венеры» (молодые зеленые побеги), немецкого *Katzenschwanzel* «кошачий хвостик» и словацкого *Myši chvostik* – «кошачий хвостик»; чешского *Zajecí chleb*; *Husí jazusek*; словацкого *Panny Márie kúpel'* – «ванна (как процедура) Девы Марии»; русского и украинского этнофитонима «девичьи пупки», а также русского «маточник», «порезная трава», «кровеник», «рудометка», «порезница», «грязная трава», «растиральник», «носочистка», «женский деревей», «белоголовец», «красноцветка» (красный в значении красивый), «золотень» (указывает на ценность растения), «пижмочка», «гусиная гречка», «белая кашка», «змеиная трава» и наконец «рябинка» (см.: [15]).

Мотивацией замены пижмы, выбор которой для своего пучка крестьянка Акулина поясняла «практически» («это для телят хорошо»), на тысячелистник могла стать его репутация как фуражной культуры: с 1842 г. его широко использовали при закладке многолетних пастбищ, в том числе и потому, что он не боится вытаптывания, а его целебные свойства возбуждают аппетит и укрепляют пищеварительные органы скота.

Таким образом, тысячелистник совпадает с пижмой по лечебной и «кормовой» репутации, сходен и их габитус: перисторассеченные листья и верхушечные соцветия с плоскими цветками. Но избранный переводчиком английский фитоним нивелирует этническую поэтологию русского диалектного названия растения «полевая рябинка», семантика которого в рассказе Тургенева удвоена фольклорными «рябиновыми» коннотациями.

Интересен выбор переводчиком этнофитонима для пижмы в переводе на болгарский язык – «вратика», что означает «вертеться»:

– Цветя – отговори тъжно Акулина. – Откъснах си полска вратика – продолжи тя, като малко се оживи, – за телегата е добра. А това е редушка – против скрофули. Я вижте какво чудно цвете; такова чудно цвете досега не съм виждала. Ето незабравки, а това са мамини душички... А това набрах за вас – прибави тя, като извади изпод жълтата вратика малко букетче синички метличини, превързани с тънка тревица, – искате ли? [16. С. 244].

Дело в том, что пижма имела широкое применение в магии у славян с целью возвращения возлюбленного. В.Б. Колосова в своей работе «Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект» приводит описание такого южнославянского обычая: девушка делает из теста с пижмой колечко, высушивает его на солнце. После нужного заговора она должна сквозь него посмотреть на парня, чтобы завоевать его расположение. По другой версии, «девушка тайком смотрела на юношу, который ее оставил, сквозь веночек из пижмы» (см.: [17. С. 176]). Здесь же приводится описание чешской традиции, сделанное В. Махеком: «Цветочку этому народ приписывает такую способность, что

с помощью его может благополучно домой возвратиться тот, кто выйдет в путь. Поэтому советуют человеку, который отправляется из дому, чтобы сорвал себе пижмы. В моравской песне говорится: «Еще себе нарву пижмочки, вернись ко мне, вернись, пригожий паренек» [17. С. 177]. Именно с этими верованиями этнолингвисты увязывают большое количество диалектных названий пижмы у славян с корнями врат- / врот- со значением «вертеться», «вращаться», «возвращаться»: словен. чеш. словац. *vrateč*, *vratečka*, *vratuč*, пол. *wrotucz*, *wrotysz*. В болгарской традиции название пижмы – *вартика*, *влатлика*, *вратига* (повсем.), а также *вратика* – пароним к слову *въртя се* «вертеть(ся)», поэтому пижма используется, чтобы «вертелись парни около девушки» [Там же. С. 176].

Обратимся ко второму метафорическому псевдониму, которым Акулина завершает свой перечень – «маткина-душка».

Наши разыскания выявили литературный прецедент использования этого фитонима. В.А. Жуковский в своей повести «Марьяна роща» (впервые опубликована в «Вестнике Европы» за 1809 г.) делает образ этого цветка лейтмотивным и многофункциональным¹. Один из фрагментов текста с очевидностью свидетельствует о знакомстве писателя с народной этимологией фитонима: «Молодые сельские девушки любили слушать Услава, когда он простыми стихами прославлял весну... или изображал приятность маткиной-душки, которой запах он сравнивал с милою душою чадолубивой матери» [19. С. 342].

Тематическая мотивированность избранного героиней «материнского» названия растения очевидна: оно косвенно корреспондирует с признаниями Акулины в сиротстве: «Хоть бы доброе словечко мне сказали на прощанье; хоть бы словечко мне сказали, горемычной сиротинушке...»; «И что же со мной будет, что станет со мной, горемычной? За немилото выдадут сиротиночку... Бедная моя головушка!» [8. С. 247]. Речь Акулины отсылает к поэтическим формулам свадебной поэзии, в частности к причитаниям невесты-сироты. Ассоциация с несчастливой девичьей долей, за-

---

¹ См. об этом в нашей монографии [18].

ложенная в «рябиновом» псевдониме пижмы, подхвачена и продолжена аллюзией этноботанического названия с «материнской» доминантой.

Поясним его происхождение. Колоритно-славянское по фонетике и словообразовательным моделям, оно восходит, как выяснили лингвисты, к латинскому источнику: *matris animula* происходит из Севильи и восходит к VI в. Как отмечает В.Б. Колосова, не являясь родными, «материнские» названия широко распространились у славян: пол. *macierzyduszka*, чеш. *materi douška*, *materie dausska*, рус. *materduszka*, *matkina duška*, луж. *babduška*, бел. мацержанка, мацердушка, укр. чепчик-матерзанка, русин. материнка, србх. Мајкина душица, материна душа, болг. майчина душица, материна душица, материка, матерка, србх. матерка, материнка, мајчина душица [17. С. 82].

Атрибуция растения с поэтично-трогательным «материнским» псевдонимом вариативна. Называют минимум три растения, носящие это имя: тимьян (чабрец), мята и душистая фиалка. Два первых – душистые травы, третье – цветок.

Такое имя эти растения получили на разных основаниях и за разные качества. Так, В.Б. Колосова, со ссылкой на этноботанические очерки М. Хенслековой, указывает, что тимьян заслужил имя-уподобление *macierzaduszka* за свое матерински-исцеляющее действие: «Тимьян, что в сильной тошноте... и других тяжелых случаях, когда кажется, что уже душа тело покидает, дает быструю помощь и душу, как бы убежавшую, возвращает, и становится как мать, укрепляющая силы сердечные и оживляющая тело» [Там же]; ср. английское название тимьяна – *Mother of Thyme* [13. С. 355].

Когда тимьян (чабрец) был оценен за свои лекарственные качества (его использовали при лечении женских болезней, ванны с этой травой принимали замужние женщины, желающие иметь потомство) и глубоко вошел в культуру славян, название подверглось показательному конкретному переосмыслению: «душка» стала толковаться как обозначение душистого растения, а эпитет «материна» указывал на матку (женский орган): так, по мнению М. Фасмера, *macierzaduszka* означает растение, которое влияет

своим запахом на «utrzymanie macicy w spokoju»; по мнению Й. Постафиньского macierz означает матку, a duszka – благовоние, macierzaduszka означает растение, душистый настой которого полезен для матки [17. С. 82].

Народная фантазия не могла пройти мимо такого соблазнительно-сюжетного фитонима и дала ему истолкование в аспекте природной реинкарнации. Эти этиологические легенды исходят из иного, чем в целительной версии, толкования словосочетания: «маткина» – принадлежащая матери, «душка» – «душа». По одной из версий (болгарская легенда и сказание из Крушевца), душистый цветок стал воплощением души умершей матери для опечаленных детей: он вырос на ее могиле, куда дети приходили каждый день и горько плакали; однажды, вновь придя туда, они нашли очень красивый душистый цветок – это мать отозвалась на слезы своих опечаленных детей. По другой версии (известны чешский и словацкий варианты), такой цветок вырос на могиле матери из слез девочки-сироты [Там же. С. 83].

Мята и душистая фиалка получили имена «маткина-душка» и «материнка» из-за их аромата: «Ароматный фиалковый запах обличал в сочной траве притаившийся цветок, еще весь обсыпанный блестящими каплями росы» («Маленький герой» Ф.М. Достоевского). Согласно «Ботаническому словарю» Н. Анненкова фиалку душистую называли «маткиной душкой» в родной Тургеневу Орловской губернии, и там же сходно – «материнкой» – мяту [13. С. 381–382].

Однако Тургенев предпочел конкретной атрибуции этнофитоним, ассоциативный фонд которого был ему необходим для дальнейшей пролонгации в тексте мотива сиротства Акулины.

Наиболее близко перевел этнофитоним Дж. Раск (James Rusk), используя прием частичного калькирования, который позволил сохранить часть лингвокультурной информации, а именно передать «материнский» смысловой вектор фитонима – «mother-darling»:

"What have you got there?" he added, moving closer to her; "flowers?" – "Yes," Akulina responded dejectedly. "That's some wild tansy I

picked," she went on, brightening up a little; "it's good for calves. And this is bud-marigold – against the king's evil. Look, what a funny flower! I've never seen such a funny flower before. These are forget-me-nots, and that's mother-darling. And these I picked for you," she added, taking from under a yellow tansy a small bunch of blue corn-flowers, tied up with a thin blade of grass. "Do you like them?" [11].

Эту версию повторили Н. и Ч. Хэпбёрн:

"Yes", answered Akulina sadly. "This I picked from a wild costmary," she went on, with somewhat more animation, "it's good for calves. This one's marigold – good against scrofula. Then look at this wonderful flower; such a wonderful flower as I've never seen in all my days. These are forget-me-nots, and this one's called mother's darling. And these are for you," she added, taking out, from below the yellow costmary, a small bunch of blue cornflowers beund with a slender grass. "Would you like them?" [20. P. 266].

И все же частичное калькирование этнофитонима, сохранив «материнский» вектор семантики, редуцировало принципиальную для нее и текстового семиозиса базовую сему «душка / душа».

Другие переводчики решили пойти по пути ботанической атрибуции этнофитонима «маткина-душка», поэтому букет Акулины конкретизировался в одной версии душистыми фиалками (Violets):

I have been plucking some wild tansy, – she went on, after a brief pause: It's good for the calves. And this here is a good remedy for scrofula. See, what a wonderfully beautiful flower! I have never seen such a beautiful flower in my life. Here are forget-me-nots, and here is a violet. And this, here, I got for you, – she added, drawing from beneath the yellow tansy a small bunch of blue corn-flowers, bound together with a splendor blade of grass: Will you take them? [21. P. 138–139].

А в другой версии конкретизация обернулась мятой (Mint):

That's some wild tansy I picked, she went on, brightening up a little; it's good for calves. And this is marigold – against the king's evil. Look, what a nice flower! I've never seen such a nice flower before. These are forget-me-

nots, and that's mint. And these I picked for you, she added, taking from under yellow tansy a small bunch of blue corn-flowers, tied up with a thin blade of grass. Do you like them? («The tryst») [22. P. 258].

Однако фиалка не совпадает с букетом Акулины по календарной приуроченности (начало осени – «около половины сентября»), так как прочно ассоциируется с весенним хронотопом как его ольфакторная примета: «Так обаятелен этот чудный запах леса после весенней грозы, запах березы, фиалки, прелого листа, сморчков, черемухи, что я не могу усидеть в бричке» («Отрочество» Л.Н. Толстого). Поводом для выбора мяты из трех претендентов мог стать не в последнюю очередь тот факт, что вид «мята перечная» был выведен в XVII в. из диких форм именно англичанами и долгое время имел обозначение «мята английская».

Завершает линейку выявленных нами переводов этнофитонима «маткина-душка» версия с его исключением из текста: переводчица оставила только «лекарский» комментарий Акулины: «And this here is a good remedy for scrofula» (перевод Изабель Хэпгуд) [21. P. 139].

В рассказе «Касьян с Красивой Мечи» народный травознавец упоминает череду и подорожник, аттестуя их как «чистые травы – божи»: «А есть... есть травы, цветы есть: помогают, точно. Вот хоть череда, например, трава добрая для человека; вот подорожник тоже; об них и говорить не зазорно: чистые травы – божи» [8. С. 118].

Сравним переводы:

But there are... yes, there are herbs, and there are flowers; they are of use, of a certainty. There is plantain, for instance, a herb good for man; there is marigold too; it is not sinful to speak of them: they are holy herbs of God (перевод К. Гарнетт) [11].

Ср. другие переводы:

But there are... there are grasses and flowers; that help, certainty. Take the marigold, for instance – there is a herb that is good for man; there is plantain, too; there is no shame in speaking of that: they are wholesome herbs, herbs of God (перевод Ч. и Н. Хэпбёрн) [20. P. 127].

But there... there are herbs, there are flowers: they help, it's true. There's marigold, there's one, a kindly herb for curing human beings; there is the plantains, too; there is nothing to be ashamed of in talking about them – good clean herbs are of God's making (перевод Р. Фриборна) [23. С. 134].

Take, for instance, bur-marigold; a herb usefull to man; than again there is plantain also («Kazian») (перевод Э. Рихтера) [24. С. 83].

bur-marigold... a good weed for man; here's the plantain (перевод И. Хэпгуд) [21. С. 210].

Как видим, все переводчики предпочли выбрать для череды этнофитоним, сопоставляющий ее с другим лекарственным растением – календулой: череду англичане называют (bur)-marigold, т.е. «(колючая) календула». Название marigold было «говорящим»: буквальное значение «золотая Мэри / Мария». Словарь дает такую этимологическую справку: «В раннем употреблении часто мн. ч. *marygoulden, marygoldes*; форма собственного имени *Mary* (вероятно, относится к деве Марии) + диал. *gold*, др.-англ. *golde*, возможно, родственно *gold*. Ноготки названы именами, содержащими *gold* и *Mary*, и в других языках, таких как дат. *goldbecem*, нем. *goldblume*, ср.-ниж.-нем. *marienblome*, ср.-дат. *Marienbloemkijn*» [25. С. 113]. «Приписывание» календулы Деве Марии имело следующие основания: в Англии издавна эти «золотые» цветы выращивали в монастырских садах и использовали для украшения алтаря [26. Р. 139].

Таким образом, выбранный переводчиками этнофитоним не повторял семантику русского фитонима, но, в то же время, будучи текстовым маркером аллюзийного мотива религиозной направленности, транслировал важную для оценки персонажа рассказа информацию, выражающую отношение Касьяна к своей миссии народного травознавца-«лекарки» («чистые травы – божи»).

Этнофитоним *plantain*, дружно выбранный переводчиками для подорожника, почти тождественно транслировал семантику привычного русского названия, связанного с темой «дороги». Большая группа русских диалектных названий в основе имеет лексемы «дорога» или «путь»: подорожник, дорожник, попутник (в большей части России), придорожник (калуж.), путник (вят.), путик (твер.)

[13. С. 258–259; 27. С. 122]. Целебные свойства подорожника отражены в русских фитонимах второй группы: лечебник, лечебная трава, а также доктор (зафиксировано в Орловской губернии). Другие фитонимы связаны с названиями болезней, от которых он помогает: в народной медицине листья подорожника прикладывают «к ранам, вередам, нарывам» [13. С. 259], отсюда названия «ранник» (также характерный для орловских говоров), опорез-трава (тул.). Впечатляющее число болезней в «послужном списке» подорожника породило даже легенду, что он может и смерть одолеть.

Этимология английского фитонима, известного с XIV в., тоже восходила к теме дороги, хотя и опосредованно-метонимически: «от ст.-фр. *plantain*, устаревш. *-ein*, = прованс. *plantage*, исп. *plantem*, португ. *tanchagem*, рум. *patlagina*, которое от лат. *plantagine*, и. п. *plantago*, ж. р. *planta* ‘пятка’, названо так за свои широкие стелющиеся листья» [25. С. 128].

Подводя итог нашим размышлениям над культурологическим аспектом художественного перевода и обобщая конкретные наблюдения над разнообразной степенью сохранения или элиминации национально окрашенной культурной информации в процессе перевода произведений И.С. Тургенева, мы пришли к выводу о необходимости дальнейшего теоретического обоснования и практической разработки системной текстовой стратегии, которой должен придерживаться переводчик, сталкиваясь с переводом национально окрашенных реалий, воплощенных этнофитонимами. Она предполагает при переводе этнофитонимов, текстовый семиозис которых отличается пролонгированностью и функциональной значимостью, учет и предварительный анализ контекстно-композиционного окружения, диктующий выбор стилевой доминанты перевода, которая и определит степень возможной культурной адаптации.

Очевидна необходимость нейтрализации лингвоэтнической асимметрии, создаваемой различиями национальных культур, и на этом пути почти неизбежна культурная трансформация, границы которой должна определять бережная, сбалансированная культурная адаптация, подчиненная выбранной переводчиком текстовой стратегии лингвокультурной трансляции.

Литература

1. Алексеева М.Л. Проблема лексической безэквивалентности в науке о переводе: исторический, теоретический и лексикографический аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2016. 47 с.
2. Васильев С.К. Лингвистический и культурологический анализ текста оригинала для перевода : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 22 с.
3. Войнич И.В. Стратегии лингвокультурной адаптации художественного текста при переводе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2010. 19 с.
4. Гончар Н.Г. Асимметрия в переводе художественного текста: этнолингвокультурный аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2009. 21 с.
5. Гусаров Д.А. Языковое выражение смысла в условиях лингвоэтнического барьера: прагматический аспект немецко-русских и англо-русских переводов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 17 с.
6. Тимко Н.В. Фактор «культура» в процессе перевода. Курск, 2007. 163 с.
7. Etnobotanika: Materialy I Ogolnopolskiego Seminarium Etnobotanicznego. Kolbuszowa 19–20 VII 1980. Wroclaw, 1985. 147 s.
8. Тургенев И.С. Записки охотника // ПССиП : в 30 т. М., 1979. Т. 3. 526 с.
9. Тургенев И.С. Дворянское гнездо. Накануне. Первая любовь. 1858 – 1860 // Тургенев И. С. ПССиП : в 30 т. М., 1981. Т. 6. 395 с.
10. Морозов М.М. Пособие по переводу русской художественной прозы на английский язык. М., 2009. 336 с.
11. Turgenev I. A Sportsman's Sketches. London, Heinemann, 1897. Translated by Constance Garnett. [Note: translation corrected and names modernized by James Rusk.] URL: <https://ebooks.adelaide.edu.au/t/turgenev/ivan/index.html> (дата обращения: 30.11.2018).
12. Turgenieff I. Annals of a Sportsman. N. Y., 1885. Translation Franklin Pierce Abbott. 311 p.
13. Анненков Н.И. Ботанический словарь. СПб., 1878. 674 с.
14. Коновалова Н.И. Словарь народных названий растений Урала. Екатеринбург, 2000. 233 с.
15. Панасенко Н.И. Фитонимическая лексика в системе романских, германских и славянских языков (опыт ономаσιологического и когнитивного анализа). Черкассы, 2010. 451 с.
16. Тургенев И.С. Записки на ловеца. София : Народна култура, 1955. Переведе от руски Васил Каратеодоров. 346 с.
17. Колосова В.Б. Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М., 2009. 350 с.
18. Шарафадина К.И. Floro-поэто-Logia // Литература в синтезе искусств : в 3 т. СПб., 2012. Т. 2. 596 с.
19. Жуковский В.А. Сочинения : в 3 т. М.: Художественная литература, 1980. Т. 3. 621 с.

20. Turgenev I. *A Sportsman's Notebook*. London, 1992. Translated by Charles and Natasha Hepburn. 391 p.
21. Turgenev I. *Memoirs of a Sportsman*. N.Y., 1903. Translation Isabel F. Hapgood. 307 p.
22. Turgenev I. *A Hunter's sketches*. Moskow, 2000 (1 – 1955). Translation from the Russian Olga Shartse. 349 c.
23. Turgenev I. *Sketches from a hunter's album*. London penguin books, 1990. Translated by Richard Freeborn. 403 p.
24. Turgenev I. *Tales from the notebook of a Sportsman*. London, 1895. Translation Edward Richter. Series 1. 247 p.
25. Савенко А.С. Мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков: Фитонимы. М., 2012. 187 с.
26. Wells D. *100 Flowers and How They Got Their Names*. 1997. 257 p.
27. Словарь русских народных говоров. СПб., 1994. Вып. 28. 433 с.

TEXT SEMIOSIS OF ETHNOPHYTONYMY AND THE PROBLEM OF ITS CULTURAL ADAPTATION IN TRANSLATION (A CASE STUDY OF I.S. TURGENEV'S WORKS)

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2018, 18, pp. 5–23.

DOI: 10.17223/23062061/18/1

Sharafadina Klara I., St. Petersburg University of Humanities and Trade Unions (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: belkaklara@mail.ru

Key words: theory and practice of literary translation, ethnophytonymy, linguo-ethnic asymmetry, culture-bound issues of translation, cultural transformation and adaptation.

The article focuses on cultural translatability of ethnophytosis, i.e. plant vocabulary with a pronounced national flavour used in fiction. In her overview of translations from I.S. Turgenev (*Date* and *Kasyan from Krasivaya Mecha* from the series *A Hunter's Sketches*, the novel *Home of the Gentry*), who was known for his particular interest in ethnorealia, the author compares translations into English with phytonyms in other languages (German, French, Czech, Bulgarian, and Slovak). In particular, she examines the botanical, ethnomental and folklore content of dialect phytonyms 'polevaya ryabinka', 'matkin-dushka', used by the characters of the cycle, folk herbalists Akulina and Kasyan from *Krasivaya Mecha*, and the associative fund of synonymous or equivalent phytonyms from the botanical lexicon of the target culture. Using a variety of translation techniques (transliteration, loan translation, description, functional analogues), the translators either translate or neutralize or modify the national and cultural semantics of ethnonyms. The ethnofitonym 'matkin-dushka' is translated with the attributive botanical denotates 'violet' and 'mint', losing the original ethno-poetics of the Russian phytonym. The ethnofitonym 'polevaya ryabinka' corresponds to the functional analogue 'yarrow', which reflects only a utilitarian medical part of the plant's reputation. On the contrary, the ordinary phytonim 'chereda' is translated with the English synonym "barbed calendula / bud marigold, thus receiving unexpected ritual and cult

connotations, appropriate in the further Herbalist Kasian's reasoning about the "god's" herbs. Basing on this analysis, the author raises the question of a systemic textual strategy the translator must adhere to when translating national realities. It implies taking into account the context and compositional environment in translating ethnorealia with the textual semiosis distinguished by latency and prolongation. There is an obvious need to neutralize the linguo-ethnic asymmetry created by differences in national cultures, but inevitable cultural transformation should result in an alternative of a careful, balanced cultural adaptation.

References

1. Alekseeva, M.L. (2016) *Problema leksicheskoy bezekvivalentnosti v nauke o perevode: istoricheskiy, teoreticheskiy i leksikograficheskiy aspekty* [The problem of lexical non-equivalence in translation: Historical, theoretical and lexicographical aspects]. Abstract of Philology Dr. Diss. Ekaterinburg.
2. Vasilyev, S.K. (2010) *Lingvisticheskiy i kul'turologicheskiy analiz teksta originala dlya perevoda* [Linguistic and cultural analysis of the text of the original translation]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
3. Voynich, I.V. (2010) *Strategii lingvokul'turnoy adaptatsii khudozhestvennogo teksta pri perevode* [Strategies of linguocultural adaptation of artistic texts in translation]. Abstract of Philology Cand. Diss. Perm.
4. Gonchar, N.G. (2009) *Asimetriya v perevode khudozhestvennogo teksta: etnolingvokul'turnyy aspekt* [Asymmetry in translation of an artistic text: The ethno-linguistic and cultural aspect]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tyumen.
5. Gusarov, D.A. (2013) *Yazykovoe vyrazhenie smysla v usloviyakh lingvoetnicheskogo bar'era: pragmaticheskiy aspekt nemetsko-russkikh i anglo-russkikh perevodov* [The linguistic expression of meaning in the context of a linguistic and ethnic barrier: The pragmatic aspect of German-Russian and English-Russian translations]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
6. Timko, N.V. (2007) *Faktor "kul'tura" v protsesse perevoda* [The factor of "culture" in translation]. Kursk: Kursk State University.
7. Paluch, A. (ed.) (1985) *Etnobotanika: Materialy I Ogolnopolskiego Seminarium Etnobotanicznego* [Ethnobotany: Materials of the First All-Poland Ethnobotanical Seminar]. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.
8. Turgenev, I.S. (1979) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem. V 30-ti tomakh* [Complete Works and Letters. In 30 vols]. Vol. 3. Moscow: Nauka.
9. Turgenev, I.S. (1981) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem. V 30-ti tomakh* [Complete Works and Letters. In 30 vols]. Vol. 6. Moscow: Nauka.
10. Morozov, M.M. (2009) *Posobie po perevodu russkoy khudozhestvennoy prozy na angliyskiy yazyk* [A Handbook on Translation of Russian prose into English]. Moscow: R. Valent.
11. Turgenev, I.S. (1897) *A Sportsman's Sketches*. Translated from Russian by C. Garnett. London, Heinemann: [s.n.]. [Online] Available from: <https://ebooks.adelaide.edu.au/t/turgenev/ivan/index.html>. (Accessed: 30th November 2018).

12. Turgenieff, I. (1885) *Annals of a Sportsman*. Translated by F.P. Abbott. New York: Kessinger Publishing.
13. Annenkov, N.I. (1878) *Botanicheskiy slovar'* [The Botanical Dictionary]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
14. Konovalova, N.I. (2000) *Slovar' narodnykh nazvaniy rasteniy Urala* [Dictionary of folk names of plants of the Urals]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
15. Panasenko, N.I. (2010) *Fitonimicheskaya leksika v sisteme romanskikh, germanskikh i slavyanskikh yazykov (opyt onomasiologicheskogo i kognitivnogo analiza)* [Phytonymic vocabulary in the system of Romance, Germanic and Slavic languages (onomasiological and cognitive analysis)]. Cherkassy: Brama-Ukraina.
16. Turgenev, I.S. (1955) *Zapiski na lovetsa* [A Hunter's Sketches]. Translated from Russian by V. Karateodorov. Sofia: Narodna kultura.
17. Kolosova, V.B. (2009) *Leksika i simbolika slavyanskoy narodnoy botaniki. Etnolingvisticheskiy aspekt* [Vocabulary and symbolism of the Slavic folk botany. The ethnolinguistic aspect]. Moscow: Indrik.
18. Sharafadina, K.I. (2012) Floro-poeto-Logia. In: Domanskiy, V.A., Kafanova, O.B. & Sharafadina, K.I. *Literatura v sinteze iskusstv: v 3 t.* [Literature in the Synthesis of Arts. In 3 vols]. Vol. 2. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design.
19. Zhukovskiy, V.A. (1980) *Sochineniya: v 3 t.* [Works: in 3 vols]. Vol. 3. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
20. Turgenev, I. (1992) *A Sportsman's Notebook*. Translated by Ch. and N. Hepburn. London: Everyman.
21. Turgenev, I. (1903) *Memoirs of a Sportsman*. Translated by I.F. Hapgood. New York: Charles Scribner's Sons.
22. Turgenev, I. (2000) *A Hunter's Sketches*. Translated from Russian by O. Shartse. Moscow: [s.n.].
23. Turgenev, I. (1990) *Sketches from a Hunter's Album*. Translated by R. Freeborn. London: Penguin Books.
24. Turgenev, I. (1895) *Tales from the Notebook of a Sportsman*. Translated by E. Richter. London: Lamley And Co.
25. Savenko, A.S. (2012) *Motivatsionno-sopostavitel'nyy slovar' russkogo i angliyskogo yazykov: Fitonimy* [Russian and English Motivational Comparative Dictionary: Phytonyms]. Moscow: URSS.
26. Wells, D. (1997) *100 Flowers and How They Got Their Names*. 6th ed. Algonquin Books.
27. Sorokoletov, F.P. (ed.) (1994) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [The Dictionary of Russian Folk Dialects]. Issue 28. St. Petersburg: Nauka.

В.Н. Горенинцева

**СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА КРОССОВЕР-ЛИТЕРАТУРЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ВЕРСИЙ
ЭПИЧЕСКОГО ФЭНТЕЗИ Р. АДАМСА
«ОБИТАТЕЛИ ХОЛМОВ»)¹**

Аннотация. На материале романа Р. Адамса «Обитатели холмов» и его переводов рассматривается проблема трансляции кроссвер-литературы, обусловленная размыванием в ней традиционных границ возрастной адресации. Утверждается, что выбор переводческой стратегии в этом случае определяется скопосом перевода и возрастной категорией целевой аудитории, а продуктом деятельности переводчика становится как собственно перевод, так и адаптация, которую можно считать равноправным репрезентантом оригинала в принимающей культуре.

Ключевые слова: кроссвер-литература, универсальная адресация, скопас перевода, инициатор перевода, стратегии адаптации, перевод для детей.

Одной из тенденций последних десятилетий становится стирание критериев возрастной адресации литературного произведения. Раньше читатель, несмотря на все многообразие жанров, ориентировался внутри бинарной оппозиции «взрослое – детское», не испытывая особых трудностей, и, как утверждают И.Н. Арзамасцева и С.А. Николаева, мог «по одной строфе или даже стиху, по одному абзацу или фразе определить читательскую адресацию текста, поскольку образ читателя-ребенка пронизывал все произведение» [1. С. 17]. В настоящее время классификация литературы на «детскую» и «не-детскую» не представляется столь легкой задачей, поскольку авторы все чаще сознательно пишут книги с двойной или универсальной адресацией («cross-writing») или, по наблюдению О.Н. Мязотс, вообще уходят «играть на детскую террито-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (РГНФ) в рамках научного проекта № 17-03-00528 «Семейное чтение как помогающая практика в условиях социально-культурных трансформаций».

рию» [2. С. 170]. Писатели намеренно избегают возрастной поляризации и создают особое пространство взаимодействия читателей всех возрастов. Можно утверждать, что на современном этапе на книжном рынке сформировался особый сегмент гибридной литературы, названной кроссовер-литературой («crossover fiction»), основной характеристикой которой, по определению С. Беккет, является размывание традиционных границ возрастной адресации [3. Р. 3]. Несмотря на относительную новизну термина (впервые он появился в англоязычных СМИ в 1990-х гг. после публикации первой книги серии о Гарри Поттере Дж. Роулинг), само явление имеет давнюю историю. Потенциалом универсальной адресации обладают народные и волшебные сказки, басни и мифы. Многие произведения литературной классики, создававшиеся для взрослой аудитории, часто находили путь к читателю-ребенку в виде адаптаций, пересказов и переложений. С другой стороны, классика детской литературы, к примеру, произведения А. Милна, Л. Кэррола, К.С. Льюиса, К. Грэма, в равной степени интересны и востребованы среди взрослых читателей. В XXI в. кроссовер-литература выступает как один из основных трендов литературного рынка, являясь одновременно частью более широкого культурного контекста, включающего фильмы, телевизионные шоу, видео и компьютерные игры.

Произведения кроссовер-литературы возникают при совмещении двух структурных моделей: архетипической, обращенной к читателю-ребенку, и усложненной, экспериментальной, обращенной к взрослому читателю, вырастающей из переосмысления, адаптации, пародирования первой модели и создаваемой с использованием сложных нарративных приемов (жанровой гибридации, множественной фокализации, метаповествования и т.д.). При переносе в инокультурную среду двуплановость текста создает потенциал для переадресации произведения: поскольку кроссовер-литература не только жанровая, но и маркетинговая категория, возникают разные ситуации, когда кроссовер-потенциал произведения не сохраняется автоматически, а стратегия перевода будет зависеть от поставленной перед переводчиком цели. Согласно тео-

рии К. Райс и Х. Фермеера, именно скопос, т.е. цель и функции переводного текста в принимающей культуре, формулируемые инициатором перевода (заказчиком, издателем, автором, иногда переводчиком), имеют решающее влияние на решения, принимаемые переводчиком [4. Р. 54]. Исходя из читательски-ориентированного определения жанра кроссовер-литературы и заложенного в ней потенциала универсальной адресации, определяющим фактором при формулировании скопаса перевода становится целевая аудитория, поскольку, как утверждает К. Норд, «перевод всегда адресован кому-то и выполняет определенную функцию, даже если оригинальный текст создавался без какой-либо конкретной цели или намерения» [5. Р. 83]. При этом целевая аудитория в данном случае не является какой-то обобщенной категорией, а представляет запланированную инициатором перевода целевую «аудиторию-в-ситуации», имеющую совершенно определенные характеристики [6. Р. 24]. В случае, когда издатель планирует выпустить произведение в сегменте кроссовер-литературы, от переводчика естественно ожидать стремление максимально сохранить двуединство «детского» и «взрослого» планов текста. Если принято решение о позиционировании произведения в сегменте детской литературы, перед переводчиком возникают особые задачи, обусловленные спецификой детской литературы и перевода для детей.

Принадлежит одновременно двум системам – художественно-эстетической и социально-образовательной, детская литература многофункциональна и, в отличие от «взрослой» литературы, в большей степени регламентирована. Являясь мощнейшим инструментом социализации, она транслирует ценности, нравственные ориентиры, социальные и культурные нормы, характерные для разных стран в разные эпохи. Поскольку переводные произведения также должны вписаться в систему ценностей реципиента, переводчику приходится адаптировать оригинал для создания сообщения, адресованного новой аудитории с ее особыми социолингвистическими потребностями. Вопрос о статусе адаптации в детской литературе до сих пор является дискуссионным, причем отношение к адаптации варьируется от полного неприятия и осуж-

дения до признания неизбежности. Противники адаптации, или «одомашнивания», в переводе детской литературы утверждают, что такой подход лишает детей нового знания о мире [7. Р. 58] и является знаком неуважения к читателю-ребенку [8. Р. 28]. С другой стороны, Дж.Л. Бастин понимает адаптацию при переводе детской литературы как «набор трансляционных вмешательств», в результате которых текст, тем не менее, признается как репрезентант исходного текста [9. Р. 3]. По мнению Т. Пууртинен, адаптация при переводе для детей неизбежна, поскольку детская литература регулируется многочисленными ограничениями, варьирующимися от культуры к культуре [10. Р. 525]. Р. Ойтиннен считает адаптацию формой перевода, представляющей собой, как и перевод, переписывание текста для новой целевой аудитории. Таким образом, по мнению исследователя, любой перевод можно считать адаптацией («одомашниванием»), поскольку за каждым переводческим решением стоит представление о будущем читателе и о функции текста в принимающей культуре. Ойтиннен утверждает, что переводчик может адаптировать оригинал с учетом особенностей читателя-ребенка и оставаться при этом лояльным автору, если ему удастся в переводе создать такой текст, «через который оригинал будут любить в принимающей культуре» [11. Р. 76–77].

При переводе произведения кроссовер-литературы с целью последующего выпуска книги в детском сегменте адаптация представляется неизбежной. Полученный продукт в этом случае чаще всего маркируют как сокращенный / адаптированный перевод, пересказ или переложение. При этом наибольшим трансформациям подвергается «взрослый план» художественного текста: оригинал приспособляется к существующей в принимающей культуре жанровой модели детской литературы, осуществляются манипуляции с целостностью, уровнем сложности и стилистикой текста, изменяется этико-аксиологический компонент. З. Шавит выделяет две основные причины для такого «одомашнивания» текста в переводе для детей. Во-первых, когда ведущей функцией детской литературы в принимающей культуре является дидактическая, приспособление текста осуществляется в соответствии с приняты-

ми в обществе образовательными и нравственными нормами: переводчик изменяет текст, чтобы сделать его «хорошим и полезным» в соответствии с тем, что считается таковым в принимающей социокультуре. Во-вторых, если дидактическая функция не рассматривается как основная, при переводе может произойти приспособление сюжета, персонажей и языка произведения в зависимости от когнитивных способностей и читательского опыта ребенка в культуре-реципиенте. Иногда, замечает Шавит, происходит столкновение этих двух принципов, но чаще всего они дополняют друг друга и диктуют как выбор текста для перевода, так и «весь комплекс манипуляций», к которому прибегает переводчик [12. Р. 112–113].

Эпическое фэнтези британского писателя Р. Адамса «Обитатели холмов» (Richard Adams, *Watership Down*, 1972) [13] считается классикой британской детской литературы XX в. В романе, представляющем собой переработанное собрание сказок, которые писатель рассказывал своим дочерям во время поездок по стране, рассказывается о приключениях диких кроликов, покинувших свою колонию и отправившихся на поиски нового дома. Испытывая влияние трудов по сравнительной мифологии Дж. Кэмпбелла [14], в свою очередь уходящей корнями к юнгианским архетипам и коллективному бессознательному [15], Адамс создает «кроличий» мономиф со всеми присущими характеристиками: герой (кролик Орех) покидает знакомую территорию и отправляется в путь, на котором он, пройдя многочисленные испытания, преобразуется и в конечном итоге присоединяется к сонму богов, чтобы дать начало новому мифу. Спутники Ореха и другие персонажи романа также представляют определенные архетипы: среди них есть Воин (кролик Лохмач), Шаман (Пятик), Мудрец (Смородина), Сказитель (Одуванчик), Антагонист (Генерал Дурман), Трикстер (Эль-Ахрайрах). В романе переплетаются многочисленные мифологические, сказочные и эпические мотивы. Исследователи обнаруживают в «Обитателях холмов» прямые параллели с «Энеидой» Вергилия и «Одиссеей» Гомера, реализованные через прямые сюжетные заимствования, на уровне прототипизации персонажей и в

форме своеобразной игры с читателем, ведущей к переосмыслению роли эпоса и эпического героя в современном мире [16, 17]. Так, Дж. Рателифф считает, что Адамс создает альтернативную версию «Энеиды»: как могли бы развиваться события, если бы Кассандре (у Адамса кролику Пятику, обладающему даром предвидения) поверили и народ смог бы покинуть Трою (Сэндлфордскую кроличью колонию) до того, как она была разрушена [18]? Предваряя каждую главу эпиграфом-подсказкой, раскрывающей сюжетную перспективу, Адамс вводит свое произведение в широкий контекст мировой художественной литературы и культуры: среди цитируемых авторов Эсхилл, Ксенофонт, Вергилий, Гомер, Шекспир, У.Б. Йейтс, Р. Браунинг, Дж. Баньян, Т. Мэлори, У.Х. Оден, У. Блейк, У. Конгрив, Дж. Кэмпбелл, Дж. Остин, Ф.М. Достоевский, «детские» авторы К. Грэм, Дж.Ч. Харрис, Л. Кэрролл, а также анонимные цитаты из публицистических текстов, фельетонов, песенок из популярных мюзиклов, американских народных песен, романтических баллад. Создавая более чем увлекательное повествование, Адамс включает в ткань романа свои рассуждения об устройстве мира, человеческой природе, жизни и смерти, социальных проблемах. Эффект реалистичности происходящего усиливается и благодаря тому, что в описании кроличьего быта Адамс опирается на труд британского натуралиста Р. Локли «Частная жизнь кролика» [19]. Как и Локли, Адамс романтизирует своих героев, представляет кроличье общество как модель человеческого: хотя кролики у него живут в естественной среде, не носят одежду и не имеют человеческих привычек, у них есть своя культура, игры, фольклор, боги и герои, поэзия, мифология. Адамс изобретает особый кроличий язык – «лапинь», состоящий из нескольких десятков различных слов, используемых в основном для обозначения привычек, мифологических персонажей и объектов кроличьего мира. Другие анималистические персонажи романа (мышь, буреветник) также говорят с узнаваемым акцентом. Неологизмы вводятся с изначальным объяснением и переводом, затем неоднократно используются в повествовательной ткани романа. Не позволяя читателю забыть, что персонажи – кролики,

Адамс индивидуализирует своих героев, наделяя каждого узнаваемой личностью, и создает полноценный мир, отличающийся сложным устройством: здесь есть демократии, диктатуры, социальное расслоение и классы. Соединяя эпос, фэнтези и каноны детской литературы, писатель моделирует особое пространство: действие развивается в привычном для людей мире, но читатель видит его под новым углом, через перспективу кроличьего восприятия, совершая удивительное открытие о том, что человеческий мир не единственный. О сложности произведения свидетельствуют его многочисленные интерпретации: «Обитателей холмов» относили к научным произведениям, объединяющим художественную и научную культуру [20], называли политическим трактатом [21. Р. 9–10], аллегорией с архетипическим сюжетом [22], произведением о «выживании интуитивного человека в его конфликте с современными технологиями и индустриальной цивилизацией» [23. Р. 7].

Роман Р. Адамса имел огромный успех у читателей и рецензентов, получил ряд престижных наград, среди которых медаль Карнеги. Однако критики долгое время не могли прийти к общему мнению о возрасте целевой аудитории произведения. Изначально книга получила теплый прием критиков именно как произведение для детей. В журнале «Economist» анонимный рецензент писал, что если «Обитателям холмов» нет места в детской литературе, то «детская литература мертва» [24]. Однако нельзя было однозначно считать роман Адамса детским из-за сложного языка, поднимаемых автором «недетских» тем смерти, тирании, выживания и продолжения рода, а также обилия натуралистических описаний и жестоких сцен (к примеру, кролики, умирающие от отравления газом; пытки, которым подвергаются герои, восставшие против диктатора Дурмана, и т.д.).

На русский язык роман Р. Адамса переводился дважды. Первый перевод-пересказ Е.В. Догель вышел в советском издательстве «Детская литература» в 1988 г. [25]. При публикации издательство определило жанр произведения Адамса как повесть-сказку, ограничив целевую аудиторию средним школьным возрастом. Из аннотации к изданию, имеющей выраженный дидактический харак-

тер, читатель узнавал, что в книге «в сказочной форме разоблачается насилие, социальная несправедливость, провозглашаются принципы добра, честности, равноправия» [25. С. 2]. В соответствии с выбранной жанровой принадлежностью подвергается адаптации заглавие произведения: вариант Е.В. Догель «Удивительные приключения кроликов» эксплицирует сюжетную перспективу и звучит понятно и привлекательно для детей. Сигнал подкрепляется внетекстовыми компонентами: оформлением обложки, декоративными изображениями, орнаментами и иллюстративным рядом, стилизованным под детские рисунки. Художник Ю. Бочкарева создает сказочный мир забавных игрушечных зверей, которые, вопреки авторскому замыслу, очеловечены: они носят одежду и ходят на задних лапах.

Второй перевод, выполненный Т.Н. Чернышовой, был опубликован в 1996 г. издательством «Азбука-Терра» [26]. В аннотации к нему произведение Адамса определяется как «эпический роман», который будет интересен читателям «от восьми до восьмидесяти лет», что демонстрирует намерение издательства продвигать книгу в сегменте кроссовер-литературы. Вариант заглавия «Обитатели холмов» (либо «Корабельный холм» в последующих изданиях) в переводе Т.Н. Чернышовой максимально приближен к оригиналу и также рассчитан на универсальную аудиторию. На обложки изданий разных лет обычно помещают кроликов на фоне пасторального пейзажа, а иллюстративный ряд отсутствует.

Сравнительно-сопоставительный анализ русскоязычных перевода и пересказа романа Р. Адамса демонстрирует, что в обоих случаях переводчики действуют в рамках скопоса, определенного инициатором перевода, в данном случае издательством: Чернышова стремится создать перевод, коммуникативно адекватный оригиналу, в то время как Догель, ориентируясь на детскую читательскую аудиторию – учеников советской средней школы, – существенно «одомашнивает» текст, прибегая к различным манипулятивным техникам.

Прежде всего, если перевод Чернышовой является целостным репрезентантом оригинала, то в пересказе Догель оригинал суще-

ственно сокращен. Приспосабливая исходный текст к заданной скопосом модели приключенческой повести-сказки, переводчик, с целью усиления динамики повествования, исключает фрагменты, не участвующие в развитии сюжетной линии напрямую. Роман Адамса включает пространные пейзажные зарисовки, выступающие одновременно как средство характеристики эмоционального состояния персонажей и как способ моделирования утопической реальности, альтернативной деструктивному воздействию урбанизации и индустриального общества. Описания английского сельского пейзажа в романе Адамса не только указывают на «путь к спасению», но и исподволь формируют консервативное мировоззрение, где во главу угла поставлен традиционный жизненный уклад [27. Р. 220]. В пересказе Догель описания пасторальных пейзажей существенно сокращаются или остаются вообще непереверенными, поскольку замедляют быструю смену занимательных событий, т.е. именно то, что больше всего нравится детям. Стремление адаптировать оригинал в соответствии с предполагаемой степенью сформированности языковой личности потенциального читателя-ребенка и объемом его знаний об окружающем мире приводит к упрощению авторских подстрочных комментариев, объясняющих явления из кроличьей жизни. Комментарии в пересказе Догель сокращаются в объеме, из них убираются отсылки к прецедентным именам и ситуациями, которые могут оказаться неизвестными ребенку, в то время как перевод Чернышовой приближен к оригиналу. На этом же основании переводчик исключает все эпиграфы к главам: цитируемые произведения не входили в круг чтения советского ученика среднего школьного возраста, а значит, не могли служить основой для интертекстуальной игры, в результате которой читатель мог испытать «радость узнавания».

Показательным примером адаптации является сокращение ольфакторной единицы, создающей у читателя оригинала своеобразный «мост» с памятью через вербализацию обонятельных ощущений: «*The strange fragrance was stronger now, coming over the top of the rise in a wave of scent that struck him powerfully – as the scent of orange blossom in the Mediterranean strikes a traveler who smells it*

for the first time» (здесь и далее курсив наш. – В.Г.) [13. Р. 43]. Догель исключает соответствующий одоризм как не обеспечивающий эффект узнавания: вряд ли советский ребенок имел возможность бывать на Средиземном море и вдыхать аромат цветущих апельсинов, в то время как в переводе Т.Н. Чернышовой ольфакторная единица сохраняется:

Пересказ Е.В. Догель
Из-за холма по-прежнему
неслись волны *странно-*
го аромата, становившиеся
все отчетливей
[25. С. 29].

Перевод Т.Н. Чернышовой
Необычное благоухание усилилось, обрушившись на Ореха мощными волнами, шедшими с вершины склона. *Так на путешественника, который впервые попал на побережье Средиземного моря, обрушивается волнами аромат апельсиновых рощ*
[26. С. 54].

Упрощение оригинала в пересказе Догель осуществляется и посредством других переводческих трансформаций. К примеру, на лексико-синтаксическом уровне текст становится более приспособленным для детского чтения и ориентированным на ребенка за счет подбора более удобопроизносимых лексических единиц, простых синтаксических структур, перевыражения сложных цепочек из причастных оборотов, а также благодаря активному использованию переводчиком уменьшительно-ласкательных форм. Для снятия возможных трудностей в запоминании единиц изобретенного Адамсом кроличьего языка «лапинь» Догель прибегает к дублирующему переводу, добавляя к окказионализмам знакомое детям параллельное наименование: «Солнце-Фрис», «лендрибарсук», «йона-ежик». Чернышова, в свою очередь, практически не использует дублирующий перевод. Наконец, симплификацию можно наблюдать на уровне стилистики текста. Так, описывая кроличью версию мифа о Сотворении мира, Адамс на синтаксическом уровне стилизует текст под библейский, используя эмфазу, повторы и библейско-эпическое «и» в начале фраз:

And all the creatures set out to go to the meeting place. <...> And when the blackbird came, he gave him his beautiful song. And when the cow

came, he gave her sharp horns and the strength to be afraid of no other creature. *And* so in their turn came the fox *and* the stoat *and* the weasel. *And* to each of them Frith gave the cunning and the fierceness and the desire to hunt and slay and eat the children of El-ahrairah. *And* so they went away from Frith full of nothing but hunger to kill the rabbits [13. P. 26].

В переводе Чернышовой стилизация сохраняется частично, в то время как в пересказе Догель аллюзия не прочитывается:

Пересказ Е.В. Догель

Когда пришел дрозд, он получил чудесную песню, а когда пришел бык, он получил неустрашимость. В свою очередь пришли горностай, лиса и ласка. Каждому из них Фрис подарил страстное желание пожирать детей Эль-Эхрейры [25. С. 18].

Перевод Т.Н. Чернышовой

И все твари живые пришли к тому месту, куда велел Фрит. <...> И когда пришел дрозд, Фрит подарил ему прекрасную песню, *а* когда пришел бык, дал быку рога и силу, чтобы никого не бояться. *А* потом по очереди пришли лиса, горностай и ласка. *И* он дал им хитрость, жестокость *и* жажду охоты *и* приказал убивать детей Эль-Ахрайраха *и* кормиться ими [26. С. 37].

Наконец, этико-аксиологическая адаптация в пересказе Е.В. Догель осуществляется путем «санации» оригинала. Переводчик имплицитно формирует детское мировоззрение, подвергая замене, сокращению или перевыражению элементы текста, которые, по мнению взрослых, не соответствуют морально-этическим нормам принимающей социокультуры и, соответственно, являются неприемлемыми для советской детской литературы, которая должна была решать дидактическую задачу, объясняя ребенку, что хорошо и что плохо. У Догель такой цензуре на разных уровнях текста и в разном объеме подвергаются половые отношения, телесность, экскременты, физические оправления, насилие, религиозные мотивы, пугающие предметы или события. К примеру, на лексическом уровне для перевода английских лексем «buck» и «doe» (рус. «самец» и «самка») Догель выбирает более подходящие для детской сказки варианты «кролик», «крольчиха / мамаша»; английский

глагол «to mate» (русс. «спариваться (о животных)») заменяется на «заключать брак, жениться».

На тематическом уровне переводчик убирает из пересказа неприемлемую для детского чтения тему многоженства, адаптируя к детскому чтению миф о кроличьем прародителе Эль-Ахрайрахе и трансформируя кролика-трикстера в заботливого отца, в то время как перевод Чернышовой следует оригиналу:

Пересказ Е.В. Догель

У него было *столько детей, что их не сумел бы сосчитать сам Фрис*. И все они питались травой и одуванчиками, салатом и клевером, а Эль-Эхрейра был им *всем отцом* [25. С. 18].

Перевод Т.Н. Чернышовой

<...> и было у него много жен. У него было так много жен, что не рассказать, а у жен – так много детей, что сам Эль-Ахрайрах не знал им счета, и все они ели траву, одуванчики, клевер, салат, а Эль-Ахрайрах был им отец [26. С. 37].

В другом случае Догель приспособливает для детского чтения неблагозвучную версию кроличьего мифа о Сотворении мира, связанную с описанием естественных опавлений, в то время как Чернышова придерживается оригинала:

Пересказ Е.В. Догель

В незапамятные времена *Солнце-Фрис сотворил нашу Землю* [25. С. 18].

Перевод Т.Н. Чернышовой

Давным-давно сотворил Фрит землю. Сотворил он еще и звезды, а земля наша тоже звезда. А чтобы сотворить их, он *разбросал свой помет по всему небу, потому и растут теперь на земле такие большие деревья да такая густая трава* [26. С. 37].

Догель полностью исключает эпилог, рассказывающий о смерти протагониста, кролика Ореха, который, состарившись, был призван на службу прародителем кроликов Эль-Ахрайрахом, т.е. отправился в «кроличий» рай. У Р. Адамса смерть Ореха не выглядит трагичной или героической, а предстает неотъемлемой частью

жизненного цикла. Однако советская детская литература, одной из основных черт которой считался оптимизм, признавала лишь разговор о героической смерти, в то время как все остальные «виды» смерти (например, смерть в мирное время или по старости) принадлежали частной человеческой жизни и поэтому считались недостойными разговора [28]. Более того, идеологически неприемлемым было любое упоминание о небесном рае и жизни после смерти. В отличие от сокращенного перевода Догель, перевод Чернышовой включает эпилог полностью. Наконец, в пересказ Догель не входит вставная легенда про Эль-Ахрайрах и Черного Кролика Инле, полубожественного персонажа кроличьей мифологии, который приходит за каждым кроликом в момент его смерти. По сюжету легенды Эль-Ахрайрах, пытаясь спасти свое племя, заключает сделку с Черным Кроликом и подвергается ужасным мучениям: ему постепенно отрезают усы, хвост и уши, сбрасывают в чумную яму и т.д. Вероятнее всего, переводчик не включает этот фрагмент в пересказ как потенциально способный травмировать детскую психику.

Наиболее заметно подобные манипуляции в пересказе Догель проявляются на персонажном уровне. Отличие романа Адамса от традиционной сказки заключается в том, что фэнтези не предполагает однозначной трактовки героев, деления их на «хороших» и «плохих». Если сказка создается с установкой на вымысел, то автор фэнтези моделирует реалистичный и логично устроенный мир, в котором нет четкого деления на «черное» и «белое». Положительный герой не может быть идеально положительным, так же как и отрицательный герой не может быть абсолютным воплощением зла, однако именно эту тенденцию можно наблюдать в пересказе Догель, приближающей героев к схематическому делению на «хороших» и «плохих», чтобы сделать их более однозначными и понятными для читателя-ребенка. Так, если в оригинале показана эволюция протагониста Ореха, который из сомневающегося и нерешительного кролика-аутсайдера вырастает в настоящего мудрого и справедливого лидера, то у Догель этот персонаж задан изначально и остается статичным. Для моделирования заданного обра-

за Догель активно изменяет модальность высказываний Ореха, так что в его речи по сравнению с оригиналом сокращаются вставные конструкции, выражающие сомнение и неуверенность, начинают преобладать повелительное наклонение и глаголы долженствования:

Пересказ Е.В. Догель

Здесь мы можем хоть целый день проспять! – сказал Орех. – *Только кто-нибудь должен все время стоять на страже. Я буду первым!* [25. С. 31]

Перевод Т.Н. Чернышовой

Здесь можно спать хоть целый день, – сказал Орех. – *Но, по моему, пусть лучше кто-нибудь все же останется сторожить. Если вы согласны, я подежурю первый <...>* [26. С. 58].

Характерным является отличное от оригинала употребление притяжательных местоимений в пересказе: для Ореха вся компания – это «его» кролики, за которых он как лидер несет ответственность.

Главный антагонист романа Генерал Дурман также неоднозначный персонаж. Он единственный, чьей предыстории автор посвящает отдельную главу, из которой читатели могут узнать, под влиянием каких жизненных обстоятельств формируется личность Дурмана. Это кролик с очень сложной судьбой: почти всю его семью убили люди, а мать растерзал хищник у него на глазах. Дурману удалось не только выжить в ситуации, когда большинство кроликов погибло бы, но и подчинить себе племя диких кроликов и основать свою колонию, в которой постепенно сложился тоталитарный режим правления (в отличие от колонии Ореха и его друзей, основанной на демократических принципах). Однако рассказывая предысторию Генерала, писатель показывает его с другой стороны. Дурман – прирожденный лидер, умный, мужественный, но суровый и беспощадный к врагам. Создавая колонию, он мечтает не только о безграничной власти, но и о мирной и счастливой жизни для своих кроликов. На начальном этапе строительства колонии Генерал способен на преданность, самопожертвование и заботу – качества, которые не может априори иметь сказочный злодей: «From the first the warren prospered. Woundwort watched

over them with a tireless zeal that won their loyalty even while they feared him. When the does stopped digging, Woundwort himself went on with their work while they slept. <...> Woundwort was no mere bully. He knew how to encourage other rabbits and to fill them with a spirit of emulation. It was not long before his officers were asking to be allowed to lead patrols» [13. P. 304]. Проведенный анализ показывает, что в пересказе Догель образ генерала значительно скорректирован; описания, которые могут заставить читателя сочувствовать персонажу, опущены или значительно искажены:

Пересказ Е.В. Догель
Зверобой следил за всем с неутомимым рвением и дрался с крысами, белками, сороками и один раз даже с вороной. <...> [25. С. 94].

Перевод Т.Н. Чернышовой
Жизнь в городке пошла на лад. Дурман отдавал ему всю душу, чем завоевал сердца кроликов куда больше, чем силой. Если крольчихи уставали рыть норы, он отпускал их поспать, а сам становился на их место. <...> Дурман был не просто громила, он умел и подбодрить своих, и зажечь в них жажду соревнования [26. С. 384–385].

Проведенный сравнительно-сопоставительный анализ двух русскоязычных версий романа Р. Адамса демонстрирует, что амбивалентный текст кроссовер-литературы представляет особую переводческую проблему в силу заложенного в нем потенциала одновременно апеллировать к читателю разных возрастных групп, невзирая на их разный языковой, социальный, мировоззренческий и общекультурный опыт и уровень развития когнитивных способностей. При переносе такого текста в инокультурную среду универсальность адресации не сохраняется автоматически, вследствие чего произведение может появиться в разных сегментах книжного рынка. Поскольку кроссовер-литература не только жанровая, но и маркетинговая категория, решение о том, как переведенное произведение будет функционировать на принимающем книжном рынке и в какой возрастной сегмент оно попадет, зависит от инициатора перевода, чаще всего издателя. Переводчик, в свою очередь, рассматривает текст оригинала как информационное предложение,

которое он будет модифицировать не только в зависимости от языковых особенностей и функции источника в оригинальной культуре, но главным образом в зависимости от скопоса перевода, который формулируется с учетом экстратекстуальных факторов (ситуации коммуникации, цели перевода, особенностей автора и получателя). Для перевода кроссовер-литературы, ключевым в жанровом определении которой является фактор целевой аудитории, наиболее релевантными представляются функциональный подход и теория скопоса, позволяющие при выборе переводческих решений ориентироваться не на микро-, а на макротекст. Если в принимающей культуре произведение кроссовер-литературы планируется к выпуску в сегменте детской литературы, то текст оригинала подвергнется существенной адаптации при переводе уже в силу специфики детской литературы, к которой в любой культуре предъявляются особые требования. Этот процесс в чем-то схож с возрастной адаптацией классики «взрослой» литературы, в связи с чем ошибочно было бы считать полученный переводческий продукт фальсификацией оригинала. Таким же заблуждением было бы считать адаптированную версию «плохим» переводом, поскольку в рамках теории скопоса качество перевода оценивается соответствием выбранной стратегии поставленной цели, а достижение этой цели определяется успехом у целевой аудитории, как в случае с двумя русскоязычными версиями романа Р. Адамса «Обитатели холмов», каждая из которых регулярно переиздается и пользуется успехом у читателей разных возрастных категорий.

Литература

1. Арзамасцева И.Н., Николаева С.А. Детская литература : учеб. для студ. вузов по специальности «Педагогика и методика нач. образования». М. : Академия, 2009. 576 с.
2. Мязэц О.Н. Конфликт отцов и детей: для кого пишут детские книги и кто их читает? // Детские чтения. 2014. № 2(6). С. 170–183.
3. Beckett S.L. Crossover Fiction: Global and Historical Perspectives. London : Routledge, 2008. 346 p.
4. Reiss K., Vermeer H.J. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie. Tübingen : Walter de Gruyter, 1984. 253 p.

5. Nord C. Text Analysis in Translation: Theory, Methodology, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis. Amsterdam ; New York : Rodopi, 2005. 274 p.
6. Gritsenko M. Functional Approach to Translation of Crossover Fiction // Science and Education a New Dimension. Philology. 2015. Vol. III(10), is. 47. P. 23–25.
7. Klingberg G. Children's fiction in the hands of the translators. Malmö : Libervörlag, 1986. 90 p.
8. Shavit Z. Poetics of Children's Literature. Athens ; London : The University of Georgia Press, 1986. 216 p.
9. Bastin G.L. Adaptation // Baker, M. & Saldanha, G. (ed.) Routledge Encyclopedia of Translation Studies. London : Routledge, 2009. P. 3–5.
10. Puurtinen T. Syntax, Readability and Ideology in Children's Literature // Meta: Translators' Journal. 1998. Vol. 43, № 4. P. 524–533.
11. Oittinen R. Translating for children. New York ; London : Garland Publishing Inc., 2000. 205 p.
12. Shavit Z. Translation of children's literature as a function of its position in a literary polysystem // Poetics Today. 1981. Vol. 2 (4). P. 171–179.
13. Adams R. Watership Down. London : Rex Collings, 1972. 476 p.
14. Campbell J. The Hero with a Thousand Faces. Princeton : Princeton University Press, 1949. 432 p.
15. Юнг К.Г. Психология бессознательного. М. : Когито-Центр, 2010. 352 с.
16. Rothen K.J., Langston B. Hazel, Fiver, Odysseus, and You: An Odyssey into Critical Thinking // The English Journal. National Council of Teachers of English. 1987. Vol. 76 (3). P. 56–59.
17. Kitchell K.F.Jr. The Shrinking of the Epic Hero: From Homer to Richard Adams's Watership Down // Classical and Modern Literature. 1986. № 7 (1). P. 13–30.
18. Rateliff J.D. Classics of Fantasy. URL: https://web.archive.org/web/20081228025527/http://ww2.wizards.com/books/Wizards/default.aspx?doc=main_classicswatership (дата обращения: 9.09.2018).
19. Lockley R. The Private Life of the Rabbit : An Account of the Life History and Social Behavior of the Wild Rabbit. New York : Macmillan, 1964. 172 p.
20. Flanagan D. To Each Generation Its Own Rabbits // Wilson Library Bulletin. 1974. № 49. 153 p.
21. Kemball-Cook J. Richard Adams // Kirkpatrick D.L. (ed.) Twentieth-Century Children's Writers. New York : Macmillan International Higher Education, 1978. P. 9–10.
22. Kadish R. Whose Parable Is It Anyway? URL: <https://web.archive.org/web/20111004081325/http://momentmag.com/moment/issues/2011/10/speakingvolume.s.html> (дата обращения: 9.09.2018).
23. Chapman E.L. The Shaman as Hero and Spiritual Leader: Richard Adams' Mythmaking in Watership Down and Shardik // Mythlore: A Journal of J.R.R. Tolkien, C.S. Lewis, Charles Williams, and Mythopoeic Literature. 1978. № 5 (2). P. 7–11.
24. The Economist. Pick of the Warren. 23rd December, 1972.

25. Адамс Р. Удивительные приключения кроликов / пер. с англ. Е.В. Догель. М. : Детская литература, 1988. 288 с.
26. Адамс Р. Обитатели холмов / пер. с англ. Т.Н. Чернышова. М. : Азбука-Терра, 1996. 591 с.
27. Pawling C. *Watership Down: Rolling back the 1960s* // Pawling C. (ed.) *Popular Fiction and Social Change*. London : MacMillan Press, 1984. P. 212–235.
28. Аромштам М. Нужны ли детям книги о смерти. URL: <http://www.pap-mambook.ru/articles/970/> (дата обращения: 9.09.2018).

THE TRANSLATION CHALLENGES OF CROSSOVER FICTION (R. ADAMS'S *WATERSHIP DOWN* AND ITS RUSSIAN VERSIONS)

Текст. Книга. Книгоиздание – Text. Book. Publishing, 2018, 18, pp. 24–43.

DOI: 10.17223/23062061/18/2

Gorenintseva Valentina N., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: anatol_valya@mail.ru

Keywords: crossover fiction, universal addressee, skopos of translation, translation commissioner, adaptation strategies, translation for children.

The research focuses on the problem of translating crossover fiction caused by its simultaneous addressing a diverse cross-generational audience due to the blurred borderline between traditionally separate readerships. Resulting from the combination of two structural models – one archetypal and addressed to children and the other experimental and addressed to the adults – the crossover fiction does not necessarily retain its potential to appeal to multiple audience in the target-culture. In the process of translation, this hybrid literature genre allows various approaches to harnessing its crossover potential ranging from cooperation with its double audience to the ultimate confrontation and rejection, when the adults and children cannot share their reading experience. Since crossover fiction is not only a literary phenomenon, but also a marketing category, the translation commissioner often plays a crucial role in determining how the translated text will function in the target culture. The translator, in turn, considers the source-text as an information field, which (s)he modifies not only depending on the linguistic features and source function of the text in the original culture, but mainly depending on extratextual parameters: the target-text purpose (skopos) and the target-text audience. The commissioner's decision to position the text under translation in the book market opens several options in terms of the target age group of the reader-in-situation, which may be mixed audience, adults, or children. Of them all, translating for the latter seems to be most disputable and challenging, as children's literature of any culture and epoch is more subject to regulations and restrictions than that for adults. The author argues that adaptation, or domestication, is inevitable in translating a crossover text for children. Though this product is not translation proper and thus should be marked as an abridgement or adaptation, it can represent the original work of literature in the target-culture. The comparative analysis of two Russian translations of R. Adams's epic fantasy *Watership Down* – one by E.V. Dogel published by the *Detskaya*

literatura Publishing House in 1988 under the title *Udivitelnye priklyucheniya krolikov* and the other by T.N. Chernyshova published by *Azbuka-Terra Publishing House* as *Obitately kholmov* – clearly demonstrates the possible changes (genre model adaptation, manipulation with style, integrity, complexity, ethical and axiological component) that happen to the double focus of the origin in terms.

References

1. Arzamastseva, I.N. & Nikolayeva, S.A. (2009) *Detskaya literatura* [Children's Literature]. Moscow: Akademiya.
2. Myaets, O.N. (2014) Conflict of "Fathers and Sons": Who are the Children's Books Witten For and Who Reads Them? *Detskie chteniya – Children's Readings: Studies in Children's Literature*. 2(6). pp. 170–183. (In Russian).
3. Beckett, S.L. (2008) *Crossover Fiction: Global and Historical Perspectives*. London: Routledge.
4. Reiss, K. & Vermeer, H.J. (1984) *Grundlegung einer allgemeinen Translations-theorie* [Foundation of a General Translation Theory]. Tübingen: Walter de Gruyter.
5. Nord, C. (2005) *Text Analysis in Translation: Theory, Methodology, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis*. Amsterdam; New York: Rodopi.
6. Gritsenko, M. (2015) Functional Approach to Translation of Crossover Fiction. *Science and Education a New Dimension. Philology*. 3(10). pp. 23–25.
7. Klingberg, G. (1986) *Children's fiction in the hands of the translators*. Malmö: Libervörlag.
8. Shavit, Z. (1986) *Poetics of Children's Literature*. Athens; London: The University of Georgia Press.
9. Bastin, G.L. (2009) Adaptation, In: Baker, M. & Saldanha, G. (eds) *Routledge Encyclopedia of Translation Studies*. London: Routledge. pp. 3–5.
10. Puurtinen, T. (1998) Syntax, Readability and Ideology in Children's Literature. *Meta: Translators' Journal*. 43(4), pp. 524–533. DOI: 10.7202/003879ar
11. Oittinen, R. (2000) *Translating for Children*. New York; London: Garland Publishing Inc.
12. Shavit, Z. (1981) Translation of children's literature as a function of its position in a literary polysystem. *Poetics Today*. 2(4). pp. 171–179.
13. Adams, R. (1972) *Watership Down*. London: Rex Collings.
14. Campbell, J. (1949) *The Hero with a Thousand Faces*. Princeton: Princeton University Press.
15. Jung, K.G. (2010) *Psikhologiya bessoznat'nogo* [Psychology of the Unconscious]. Moscow: Kogito Tsentr.
16. Rothen, K.J. & Langston, B. (1987) Hazel, Fiver, Odysseus, and You: An Odyssey into Critical Thinking. *The English Journal. National Council of Teachers of English*. 76(3). pp. 56–59. DOI: 10.2307/818545

17. Kitchell, K.F.Jr. (1986) The Shrinking of the Epic Hero: From Homer to Richard Adams's *Watership Down*. *Classical and Modern Literature*. 7(1). pp. 13–30.
18. Rateliff, J.D. (2008) *Classics of Fantasy*. [Online] Available from: https://web.archive.org/web/20081228025527/http://ww2.wizards.com/books/Wizards/default.aspx?doc=main_classicswatership. (Accessed: 9th September 2018).
19. Lockley, R. (1964) *The Private Life of the Rabbit : An Account of the Life History and Social Behavior of the Wild Rabbit*. New York: Macmillan.
20. Flanagan, D. (1974) To Each Generation Its Own Rabbits. *Wilson Library Bulletin*. 49. 153 p.
21. Kemball-Cook, J. (1978) Richard Adams. In: Kirkpatrick D.L. (ed.) *Twentieth-Century Children's Writers*. New York: Macmillan International Higher Education. pp. 9–10.
22. Kadish, R. (2011) Whose Parable Is It Anyway? [Online] Available from: <https://web.archive.org/web/20111004081325/http://momentmag.com/moment/issues/2011/10/speakingvolumes.html>. (Accessed: 9th September 2018).
23. Chapman, E.L. (1978) The Shaman as Hero and Spiritual Leader: Richard Adams' Mythmaking in *Watership Down* and *Shardik*. *Mythlore: A Journal of J.R.R. Tolkien, C.S. Lewis, Charles Williams, and Mythopoeic Literature*. 5(2). p. 7–11.
24. *The Economist*. (1972) Pick of the Warren. 23rd December.
25. Adams, R. (1988) *Udivitel'nye priklyucheniya krolikov* [Amazing Adventures of Rabbits]. Translated from English by E.V. Dogel. Moscow: Detskaya literatura.
26. Adams, R. (1996) *Obitateli kholmov* [Dwellers of the Hills]. Translated from English by T.N. Chernyshova. Moscow: Azbuka-Terra.
27. Pawling, C. (1984) *Watership Down: Rolling back the 1960s*. In: Pawling, C. (ed.) *Popular Fiction and Social Change*. London: MacMillan Press. pp. 212–235.
28. Aromstam, M. (n.d.) *Nuzhny li detyam knigi o smerti* [Do children need books about death?]. [Online] Available from: <http://www.papmambook.ru/articles/970/>. (Accessed: 9th September 2018).

Д.А. Олицкая

ОБРАЗЫ СИБИРИ В НЕМЕЦКОЙ ПАРАЛИТЕРАТУРЕ XIX И XX вв.¹

Аннотация. В статье выявляется место Сибири как одного из самых заметных географических и социокультурных пространств на «ментальной карте» современных немцев, с опорой на исследования немецких гуманитариев выделяются основные составляющие образа Сибири, определяющие восприятие региона в немецком коллективном сознании. На материале произведений К. Май и Х. Конзалика рассматриваются репрезентации образа Сибири как воображаемого локуса в немецкой паралитературе XIX и XX вв., которые отражают процессы конструирования Западом образа России в рамках цивилизаторского дискурса. Оценивается влияние массовой литературы на формирование стереотипов и клише, послуживших основой немецкого ментального образа Сибири.

Ключевые слова: образы Сибири, немецкая массовая литература, «воображаемая география», К. Май, Х. Конзалик.

В современных исследованиях литературы и культуры очевиден интерес к изучению «воображаемых географий», возникший в контексте осуществившегося в гуманитарной науке второй половины XIX в. «пространственного поворота» (spatial turn), который не только актуализировал существующие концепции пространства (М. Бахтин, Ю. Лотман), но и обогатил научную парадигму новыми идеями и подходами. Перешагнув границы географии, пространство стало интерпретироваться «как носитель социальных и символических значений» и как «продуктивный участник культурных процессов» [1. С. 5]. В рамках имагинативных географий пространство трактуется как подвижный конструкт, формирующийся из его географических, геополитических, социокультурных образов в коллективном восприятии [2]. Автор термина «вообра-

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ и Администрации Томской области № 17-14-70006 ОГН СИБ-А и программы повышения конкурентоспособности ТГУ («Фонд им. Д.И. Менделеева», проект № 8.1.17.2018).

жаемые географии» Эдвард Саид в своём фундаментальном труде «Ориентализм» подчеркивает «совершенно произвольный характер» границ и различий имагинативных пространств, а также определяющую роль медиа в их конструировании и распространении [3. С. 54].

В силу эмоционального воздействия и образного языка тексты художественной литературы становятся наиболее активными посредниками «воображаемой географии»: от изобретения пространства в процессе творческого воображения до концептуализации и распространения его характерных примет в форме локальных мифов. Последнее же в еще большей степени касается текстов массовой литературы, формирующих и отражающих (стерео)типизированные коллективные представления о «чужом».

Интересный объект исследования в свете идеи о воображаемых географиях представляют собой образы Сибири в современной литературе и культуре Германии. Изучение Сибири как значимого локуса мирового геокультурного пространства через обращение к словесной культуре региона в общероссийском и европейском контекстах является задачей обширного проекта, осуществляемого силами томских филологов в рамках исследовательской деятельности центра «Транссибирский научный путь» (TSSW), созданного в Национальном исследовательском Томском государственном университете. Одно из магистральных направлений данного проекта представляет исследование творческого восприятия наследия европейской литературы и театра в Сибири в 1880–1910-х гг. – уникального с точки зрения историко-культурной значимости комплекса литературно-художественных текстов, системно раскрывающего важнейшие черты культурного сознания региона сквозь призму имагологической парадигмы [4]. Результаты уже осуществленных исследований не только подтверждают широкую включенность немецкого текста в данную парадигму, но раскрывают его конститутивную роль в восприятии разных иноязычных литературных течений [5]. Также они заставляют задуматься и об «обратном» имагологическом векторе, связанном с изучением репрезентаций образа Сибири в немецком культурном сознании.

Не вызывает никакого сомнения, что Сибирь является одним из заметных географических и социокультурных пространств на «ментальной карте» современных немцев (ментальная карта предполагает присвоение пространства через субъективное наполнение образа территории различными значениями). Их особое отношение к этому российскому региону заметил, например, родившийся в Москве и эмигрировавший в 1990 г. в Германию, а ныне популярный там писатель Владимир Каминер. В 2006 г. немецкая газета «Die Welt» опубликовала отрывок из его книги, который был озаглавлен «Süße Sehnsucht Sibirien» («Сладкая ностальгия по Сибири»):

Уже 11 лет я нахожусь в Германии и не устаю удивляться сильному, даже какому-то нездоровому интересу местных жителей к Сибири. Этот регион притягивает немцев так же, как русских – Париж. “Откуда вы родом? Из Сибири?”, – часто спрашивают меня немолдые люди. <...> Когда они узнают, что я не из Сибири, а из Москвы, они теряют всяческий интерес к беседе. Ни в какой телепрограмме мира нет столько документальных фильмов о чудесном сибирском крае, как на немецком телевидении. Это происходит уже на протяжении десятилетий. Каждый год на Рождество немецкие телезрители отправляются в воображаемое путешествие по тайге. С чашкой глинтвейна и теплым пледом на коленях путешествовать по Сибири особенно приятно. <...> То же самое – в книжной индустрии. Как только где-нибудь в мире выходит книга о Сибири, все равно, любовный ли это роман или научные результаты геолого-разведочной экспедиции, она сразу же переводится на немецкий язык. Никакой народ мира не обладает такой обширной литературой о Сибири, какая создана в Германии [6].

Несмотря на то что экзотизация Сибири, как и всей России, изначально является для Каминера продуманным коммерческим ходом и используется им для создания желаемого образа автора, его утверждения имеют под собой вполне реальную почву. Об этом свидетельствует целый ряд исследований немецких ученых, посвященных данной теме. Основываясь на них, можно сделать вывод, что немецкий образ Сибири проявляет все признаки имаголо-

гического (инонационального) мифа – «устойчивого ментального образования, порождаемого коллективным сознанием в процессе схождения с другой культурой при чувственном, нерациональном сопоставлении его со “своим”» [7. С. 16].

В проанализированных нами исследованиях немецких гуманитариев можно выделить три основных наблюдения. Во-первых, в восприятии современных немцев Сибирь является географической точкой, в которой локализуется все пространство России. Как пишет Кристина Энгель, обратившаяся к образу Сибири в немецком телевизионном дискурсе, в коллективном сознании немцев Россия и Сибирь неотделимы друг от друга, так как Сибирь для немцев – это все, что севернее и восточнее Москвы. Поэтому на воображаемой немецкой карте России, считает К. Энгель, по сути, существуют только Москва, Петербург и Сибирь [8. S. 103–104]. В связи с этим закономерен вывод немецкого историка Евы-Марии Штольберг о значительной роли, которую играют представления о Сибири в общем русско-немецком межкультурном диалоге. Именно Сибирь, по ее мнению, во многом утверждала существующие коллективные представления немцев о России в целом [9].

Во-вторых, немецкие исследователи подчеркивают устойчивость стереотипных образов Сибири, транслируемых в современную немецкую культуру в самых разных жанрах и дискурсах, будь то художественная литература, мемуары, травелог или путеводитель. В частности, Отто Хабек, автор проекта «Культурные ландшафты Сибири», профессор Института этнологии Общества Макса Планка отмечает, что образ Сибири, который сложился в сознании как западных, так и восточных немцев в последние десятилетия, по-прежнему замкнут в привычный круг ассоциаций: бескрайние просторы, трескучие морозы, тучи комаров, ссылка и рабочие лагеря, добыча полезных ископаемых, нефтепроводы и железная дорога [10]. Того же мнения придерживается немецкий славист и культуролог Том Юргенс. С его точки зрения, в XX в. немецкая поп-культура активно эксплуатировала клише и стереотипы о Сибири, возникшие еще в позапрошлом столетии на страницах очерков первых немецких путешественников, затем закрепившиеся в

массовой литературе конца XIX и XX вв. и, наконец, перековавшие на телевизионные экраны¹ [11]. При этом, как утверждает К. Энгель, новые научные разыскания и доступность более достоверной информации не приводят к значительным изменениям существующих в коллективном сознании немцев культурных представлений о Сибири, так как слишком велико желание сохранить образ, «не испортить уже привычную картину» [8. S. 102]. Необходимо отметить, что такую точку зрения немецких исследователей в целом разделяют и российские германисты, подчеркивающие, что основные открытия в восприятии друг друга русской и немецкой культурой были сделаны в XIX в., именно тогда сформировались «те элементы русской культурной мозаики, которые находили отражение в немецком сознании» [12. С. 229].

Наконец, размышляя над причинами привлекательности Сибири в глазах немцев и устойчивости сложившегося образа, исследователи акцентируют амбивалентность его характеристик, которая отчетливо маркирует область «чужого» и подчеркивает мифологический характер представлений о нем. В частности, Е.-М. Штольберг говорит о сложившемся в сознании немцев образе Сибири как «земли контрастов» («Land of Extremes»). Начиная с ранних путевых заметок, Сибирь воспринимается как неразделимое единство противоположностей: она настолько же притягательна, насколько опасна (*schön/ schaurig*) [9]. К. Энгель считает, что в этом парадоксальном сочетании положительных и отрицательных коннотаций заключается принципиальное отличие Сибири от образов других стран и регионов в немецком восприятии, например, от «исключительно гармоничного и прекрасного» образа Италии [8. S. 101].

На страницах немецкой массовой литературы образ Сибири возникает уже в конце XIX в., с этого времени она становится источником формирования и трансляции представлений о далеком крае для широкого читателя. Давая в своей работе краткий обзор некоторых авторов и произведений, Е.-М. Штольберг прежде всего

---

¹ По мнению автора работы большое влияние на формирование представлений о Сибири оказали экранизации романа Й.-М. Бауэра «*So wei die FüÙe tragen*».

показывает, как складывалась в немецком коллективном сознании семантика основных полюсов в восприятии Сибири. При этом тяготение к одному из полюсов восприятия не исключало, а лишь редуцировало или затеняло до определенной степени присутствие другого, в результате чего образ Сибири всегда оставался неоднозначным. В немецкой приключенческой литературе и литературе путешествий 1880–1930-х гг. (К. Май, П. Этингхофер, Э. фон Каффер и др.) Сибирь предстает пространством экзотики и авантюры, сказочно богатым и свободным краем, но в то же время и пространством суровой стихии, выживания, возникает миф о Сибири как о русском «диком Востоке». Этот образ сменяется противоположным, отягощенным комплексом негативных значений, в литературе о ссыльных и пленных, представленной преимущественно автобиографическим жанром – наследием двух мировых войн (Эрих Э. Двингер, Т. фон Штакельберг, Й.М. Бауэр). Сибирь обретает семантику места изоляции, принудительного труда, болезней и голода, места страданий («сталинский ад») [7]. Но и здесь остается место для идеализации и романтизации, объектами которой прежде всего выступает сибирская природа.

В рамках данной статьи нам хотелось бы обратиться подробнее лишь к двум репрезентативным примерам – произведениям Карла Мая и Гюнтера Конзалика, которые оказали большое влияние на формирование мифов, стереотипов и клише, послуживших основой ментального образа Сибири в немецком коллективном сознании XIX и XX вв. соответственно.

Первый – это Сибирь в романе «Немецкие сердца – немецкие герои» («*Deutsche Herzen – Deutsche Helden*») Карла Фридриха Мая (1842–1912), одного из самых издаваемых и переводимых немецких писателей, автора популярных приключенческих романов (200 млн изданий по всему миру, около 100 млн в Германии). Из биографии К. Мая известно, что в молодости он не раз оказывался в заключении, так как из-за нищеты и в силу авантюрного склада характера промышлял мошенничеством и кражами. В совокупности будущий «немецкий Фенимор Купер» провел в тюрьме около семи лет своей жизни. Предположительно именно там, будучи

назначен ответственным за тюремную библиотеку, Май сначала увлекся чтением приключенческой литературы, а затем начал писать свои истории, главным образом адресованные юношеской аудитории. Сквозными героями в них являются отважные путешественники по самым отдаленным уголкам света, как правило, немецкого происхождения, шутя расправляющиеся с преступниками.

Объемное наследие писателя включает в себя более 90 томов, но наибольшую известность как в Германии, так и за ее пределами получила написанная им всего за несколько месяцев в 1893 г. тысячестраничная трилогия романов-вестернов о вожде апачей Виннету и его белом друге Олде Шеттерхэнде, ставшая в XX в. классикой приключенческого жанра, о чем свидетельствуют многочисленные переиздания, переводы на другие языки, экранизации (особенно 1960-х гг.), радиоспектакли, театральные постановки и т.д. Вследствие огромной популярности романов Мая созданный им образ благородного индейского дикаря – присвоенный западной культурой образ «другого», несущий в себе «репрессированные» черты европейца, – повлиял на формирование представлений о северо-американских индейцах у нескольких поколений немецких читателей и сегодня уже получил свое первое научное осмысление в контексте концепции ориентализма Э. Саида [13].

В целом же воображаемая география романов-путешествий Мая, не покидавшего во время их написания пределов Саксонии, необычайно широка и простирается далеко за пределы американского Дикого Запада. Только в так называемом восточном цикле она охватывает территории Балкан, Османской империи, Сахары и Ближнего Востока. Сам Май, а также его немецкие издатели настойчиво возвращали среди читателей миф о писателе-путешественнике, повествующем о своих приключениях от первого лица. На самом деле мнимая достоверность в описании далеких стран опиралась исключительно на богатую фантазию и умелую работу с доступными источниками: географическими картами, путеводителями, учебниками истории, заметками путешественников, научными отчетами экспедиций и работами по антропологии, которые Май абзацами цитировал в своих произведениях.

Образ Сибири впервые возникает в одном из ранних рассказов Мая («Nach Sibirien», 1878), действие которого разворачивается в России, в городе Великий Устюг. Сибирь становится в рассказе справедливым возмездием преступникам, так как там они обречены на смерть. Хотя Сибирь обозначается как место ссылки, представление о ней как о гибельном пространстве связано с суровыми природными условиями, это царство холода – отправленные зимой в сибирскую ссылку преступники замерзают еще в пути. Данная ключевая черта топоса Сибири как экзотического, неведомого пространства получает выражение в гиперболизированной метафоре «холодный Север» («der kalte Norden») ¹ [14].

Более обширно образ Сибири представлен в уже упомянутом нами романе Мая «Немецкие сердца – немецкие герои», который был написан им по заказу издательства Генриха Готхольда Мюнхмайера в 1885–1888 гг. Текст романа насчитывал около двух с половиной тысяч страниц и на протяжении трех лет знакомил публику с увлекательными приключениями юного Германа фон Адлерсхорста. Поиск следов благородной семьи, из-за роковых обстоятельств оказавшейся рассеянной по всему миру, приводит главного героя и двух его друзей сначала в Северную Африку, затем на Дикий Запад и, наконец, в «самое дикое место в мире» – Сибирь. Посвященная сибирским приключениям третья часть романа получила название «Ангел ссыльных» («Engel der Verbannten»), а после переработки романа издателями Мая в начале 1900-х гг. до сих пор публикуется как в собраниях сочинений писателя, так и отдельно под заголовком «Охотники на соболя и казаки» («Zobeljaeger und Kosake»).

Географически описанное в романе Мая пространство маркировано некоторыми сибирскими топонимами, позволяющими условно соотнести его с территорией Северного Забайкалья. К ним относятся города Верхнеудинск (ныне Улан-Уде), в котором проходят ярмарки и стоит казачий острог, Иркутск, фигурирующий в романе как резиденция губернатора, Нерчинск, относившийся в

---

¹ Здесь и далее перевод мой. – Д.О.

XIX в. к Иркутской губернии и являвшийся местом политической каторги и ссылки, а также озеро Байкал. Непосредственным местом действия является вымышленный город Платова (Platowa), имеющий однако вполне реальные географические ориентиры, он «расположен на реке Амга, которая впадает в Алдын, один из притоков Лены» [15].

Не подлежит сомнению, что в этих географических маркерах, как и в обилии российских и сибирских реалий (Тројка, Kibitka, Zabolniki, Sotnja, Perednjaja и т.д.), описаниях нравов и уклада жизни сибиряков, создающих у читателя ощущение экзотического, но реального пространства, нашли широкое отражение доступные автору материалы о Сибири его немецких современников, учёных и путешественников, которые в романе получили определенную имагологическую интерпретацию. С большой вероятностью одним из источников такого рода для автора мог являться труд Георга Адольфа Эрмана, немецкого физика, с 1828 по 1830 г. совершившего кругосветное путешествие по Северной Азии, Тихому и Атлантическому океанам с целью создания сети точных геомагнитных наблюдений Земли [16]. В ходе своей экспедиции он посетил северную часть Урала, проделал путь из Тобольска в Иркутск, откуда в конце лета 1829 г. добрался до Камчатки. Как известно, Эрман занимался не только геомагнетизмом, в Сибири он встречался со ссыльным декабристом А.А. Бестужевым¹, а среди прочих наблюдений и исследований значительную часть его труда составили этнографические записки, очевидные переключки с которыми обнаруживаются в тексте романа Мая. Кроме этого, в «Атласе к Эрмановскому путешествию вокруг света» упоминается и город Верхнеудинск.

Сибирь в романе Мая воплощает представления Запада о России как загадочном и диком «чужом», в контексте процессов колонизации образ Сибири выстраивается по образцу американского Дикого Запада, черты которого приобретают закономерный с точ-

---

¹ Известным литературным фактом является поэма в двух частях «Ссылные» А. Шамиссо, написанная по рассказам и записям Г.-А. Эрмана.

ки зрения западных имагитивных географий гиперболизм. В глазах главных героев романа русский Восток оказывается еще более диким, чем американский Запад. В первую очередь это выражается в насыщенных соответствующими эпитетами описаниях природы Сибири, мифологизирующих огромные, неосвоенные человеком пространства дикой тайги и тундры (пустынный, глухой, бесконечный) и невыносимый холод (страшный, невозможный, лютей). Вынести такие условия жизни могут только сибиряки либо ссыльные, ибо все они «сделаны совсем из другого теста», что не под силу «американским трапперам, свободно разгуливающим по опасным лесам Миссисипи».

Представления о сказочных богатствах Сибирского края, формирующие его образ как ресурсной кладовой, читатель романа в полной мере получает из колоритного описания костюма дочери тунгусского князя, сшитого из «самых дорогих и редких соболей» и обильно украшенного золотом, серебром и алмазами. В силу удаленности территории от центра империи и отсутствия должного государственного контроля в Сибири, как и на Диком Западе, царит не только свобода, но и беззаконие. В романе рисуется отрицательный образ государевых людей, в Сибири особенно жадных до легкой наживы. Чтобы попасть к губернатору, главному герою приходится пройти через комнаты трёх чиновников, каждый из них требует взятку, сумма которой с каждым разом возрастает. От местного населения он узнает об основных законах суровой жизни в Сибири: «Небо высоко, а царь далеко», «Царь далеко, а тюрьма близко».

Отдельного внимания заслуживает в романе Мая собирательный образ населения Сибири, который репрезентативен в плане имагологических установок автора, прочитываемых в контексте процессов культурного конструирования образа «другого» эпохой Просвещения [17] уже на уровне заглавия романа («Немецкие сердца – немецкие герои»). Гельмут Шмидт, один из наиболее активных немецких исследователей творчества Мая, усматривал в них очевидное проявление следов национализма, широко распространенного в беллетристике XIX в., в которой «„чужое“ было все-

гда ниже (minderwertig) “своего”, примитивно в сравнении с ним и, в лучшем случае, выглядело чем-то безобидно-нелепым» [18].

Ключевую роль в сюжете романа играют тунгусы как представители коренных сибирских народов, часть из них несет службу в забайкальском казачьем войске. В соответствии с общим конструируемым в рамках цивилизаторского дискурса образом Сибири как русского дикого Востока в характеристиках населяющих его людей на первый план выходит тема их недоцивилизованности, маркированная в описаниях прилагательным «полудикий» (halbwild) и реализующаяся сразу в нескольких мотивах. В описании зимней ярмарки в Верхнеудинске, которым открывается повествование, звучит мотив угрозы, исходящей от «настоящего *столпотворения народов*», которое «даже бывалому человеку *внушает ужас*». Далее повествователь все же уточняет, что в своем большинстве сибирские народы характеризуются скорее мирным нравом, чем внушающими опасность качествами. К нему добавляется мотив «азиатскости», которая выступает как синоним дикости в описаниях забайкальских казаков: «Многие *полудикие, азиатские* народы, живущие около озера Байкал, организованы в военные части, они несут пограничную службу и зовутся забайкальскими казаками». Кроме того, в описаниях казаков-тунгусов присутствует и мотив варварства, выраженный, прежде всего, в таких их чертах, как невежество и безбожничество, суеверие. Читатель узнает, что тунгусы верят в духов, а шаманы имеют на этот народ намного больше влияния, чем священники на своих прихожан в Европе.

Наивность и легковерие тунгусов, которые в отдельных эпизодах романа откровенно высмеиваются и охотно используются приехавшими в Сибирь европейцами в своих целях, напрямую связываются ими с местом обитания, оторванным от цивилизации. Но образ «сибирского дикаря» имеет в романе и другую семантическую проекцию, подразумевающую иное, чем в европейской цивилизации, отношение человека с окружающим природным миром. С этой точки зрения коренные народы Сибири воплощают в романе образ «естественного», не развращенного цивилизацией

человека, им дарованы крепкое здоровье, острый слух, способность выживать в самых суровых условиях, они умелые пловцы, наездники, охотники, руководствуются прежде всего своими чувствами, не способны на предательство. Одной из заслуживающих похвалу нравственных черт в системе европейских ценностных координат выступает в романе доброта жителей Сибири, которую они проявляют по отношению к ссыльным. Сибиряки ставят замороженное молоко и хлеб у окон для беглецов, скитающихся зимой по деревням и селам, в связи с чем повествователь замечает, что сибиряки особенно выделяются среди всех русских именно этой добродетелью.

Изображение ссыльных в романе заметно идеализируется, а сибирская ссылка выступает центральным образом, раскрывающим весь деспотизм российского государственного устройства. Сибирь предстает пространством, где в результате ненадлежащего управления «необъятной империей» томятся и гибнут «либо совсем невинные, либо совершившие незначительные проступки» люди. Видение цивилизаторской роли Запада в романе реализуется через двух персонажей, в финале неожиданно раскрывающих свое немецкое происхождение. Дочь тунгусского князя Карпарла, получившая имя «Ангел ссыльных», и Ссыльный № 10, в котором главный герой романа узнает своего пропавшего родственника Георга фон Адлерсхорста, организуют в Сибири спасение беглых ссыльных, укрывая их в тайной пещере и под видом местного населения переправляя в безопасное место.

Дикий край, в котором живут дикие люди, – такое представление о Сибири, но с поправкой на идеологию транслируют и приключенческие романы-бестселлеры Хайнца Гюнтера Конзалика (1921–1999), получившие широкую популярность в Германии во второй половине XX в.

Конзалик изучал медицину, театральное искусство и германистику в Кёльне, в юности состоял в организации «Гитлерюгенд», в 1939 г. работал в гестапо. Во время Второй мировой войны был военным корреспондентом во Франции, затем солдатом попал на Восточный фронт, где был тяжело ранен под Смоленском. Данный факт биографии наложил значительный отпечаток на его произве-

дения, подавляющее большинство которых посвящено теме Второй мировой войны, чаще всего её центральному эпизоду – войне на Восточном фронте. Первый значительный успех писателю принес роман «Сталинградский врач» («Der Arzt von Stalingrad»), опубликованный в 1956 г. и повествующий о немецком враче, после поражения под Сталинградом более десяти лет находившемся в русском плену. По мнению современной немецкой критики, роман полон «клише из немецких 1950-х», а созданный автором «героический образ милосердного и самоотверженного немецкого врача», по своим морально-нравственным и профессиональным качествам превосходившего русских военных врачей, не соответствует очевидной исторической правде [19]. Безусловно, роман Конзалика выражал общую тенденцию восприятия войны против СССР и поражения под Сталинградом как её главного события в Западной Германии первых послевоенных десятилетий, создавая миф о «чистом» вермахте. Конзалик принадлежал к тому большинству авторов, которые, оправдывая войну с Советским Союзом как оборонительную, «ставили в центр своих повествований страдания немецкого солдата, не очень задумываясь об общеисторическом контексте» [20]. При этом жертвы войны с советской стороны в этих произведениях обычно не упоминаются, а описания России и русских не выходят за рамки стереотипов. Тематика романов Конзалика, действие которых происходит в послевоенное время, определялась реалиями холодной войны и образом России как восточного противника. Какую же роль сыграла Сибирь в формировании и закреплении стереотипов о России в его произведениях?

В 1960–1970-х гг. Конзаликом в общей сложности было написано более 150 романов, общий тираж которых составил свыше 85 млн. Во многих из них Сибирь, определявшаяся автором в географическом отношении как территория России, лежащая за Уралом, стала постоянным локусом воображаемой географии. Непосредственно в Сибири происходит действие романов «Die Verdammten der Taiga» («Проклятые тайгой»), «Ninotschka, die Herrin der Taiga» («Ниночка – хозяйка тайги»), «Liebesnächte in der Taiga» («Ночи любви в тайге»), «Der Himmel über Kasachstan»

(«Небо над Казахстаном»), «Das sibirische Kreuz» («Сибирский крест»), «Kosakenliebe» («Казачья любовь»), «Das Wilde Land» («Дикая страна») и др.

В них, как следует из перечисленных названий, за Сибирью закрепляется символическая репрезентация России как пространства, попадая в которое люди прокляты и вынуждены до конца жизни нести свой крест. Сибирь предстает перед немецким читателем как самая большая тюрьма Советского Союза, вся её территория испещрена сторожевыми вышками («Сибирский крест») [9]. Помимо этого она служит местом расположения секретных военных объектов, на возведении которых работают заключенные («Ночи любви в тайге»). Так Конзалик формирует образ Сибири, транслирующий идеологический миф о Советском Союзе как символе угрожающего Европе с Востока тоталитаризма, однако следует подчеркнуть, что имагологическое основание этого образа остается неизменным – это акцент на азиатской, чуждой Западу природе российской цивилизации, дикие черты которой в Сибири проявляются особенно заметно.

В изображении Конзалика вся Россия представляет собой «азиатский ландшафт», главным проявлением которого является бескрайнее пространство (Weite), именно оно становится доминирующим мотивом в его произведениях. Это пространство служит воплощением «чужого», т.е. «русского», нагружено негативными коннотациями (огромный, холодный, враждебный, беспощадный, вероломный, варварский, смерть, ночь) и противопоставлено «своему» обозримому пространству (Enge), заряженному обратными коннотациями [21. S. 91]. В Сибири такое пространство, «поглощающее человека, как песок воду», проявляет свои крайние, агрессивные формы:

А немислимые просторы этой страны? Кто сможет победить Россию? Если даже ему удастся преодолеть Уральские горы, останется только опуститься на колени и молиться: перед ним Сибирь, вот где открывается непостижимость этой страны. Кому придет в голову захватить бесконечность? («Женский батальон»).

Характеристики пространства переносятся и на человека, в соответствии с образом врага основными чертами русских солдат являются жестокость и коварство, они выступают как насильники, преступники и убийцы, способные на настоящие зверства. Образ сибирской тайги используется Конзаликом, чтобы показать, что русскому человеку изначально свойственно дикое животное начало, в тайге он чувствует себя на равных со зверем. Роман «Женский батальон» начинается с эпизода, в котором муж главной героини Стеллы погибает в тайге от лап медведя. Стелла хранит на груди ампулу с кровью мужа и выслеживает медведя до тех пор, пока ей не удастся его убить. После этого она совершает ритуал мести, выливая кровь мужа в пасть медведя. Такие женские образы, воплощающие жестокие проявления русской, т.е., с точки зрения автора, азиатской природы, их зооморфность, типичны для романов Конзалика и усиливают конструируемое им представление о русских как об опасной, дикой нации.

Сквозь призму Сибири Россия рисуется в романах Конзалика как оторванная от современной цивилизации и культуры страна. В наиболее известном, пожалуй, сибирском романе Конзалика «Ночи любви в тайге», экранизированном в ФРГ (1967), спасающиеся от КГБ бегством в тайгу главные герои (русская девушка Людмила Баранкова, работавшая на расположенной в Сибири ракетной базе, и американский разведчик Фрэнк Хеллер) добираются до деревни, которую повествователь называет колонией. В ней за высоким частоколом в рубленых избах вместе с домашней живностью обитают сибирские отшельники, ведущие практически первобытный образ жизни и подчиняющиеся законам общины. Дикий нрав жителей тайги проявляется в полной мере, когда они, решив избавиться от чужаков, привязывают их к деревьям, растущим над обрывом, и начинают рубить их стволы. Образ Сибири, а с ней и всей России как дикого Востока дополняется набором говорящих эмблематических реалий: красная звезда, снег, икона, водка, шкуры животных, кнут и т.д. Как отмечает Е.-М. Штольберг, штампы и стереотипы из романов Конзалика, вплетенные в увлекательный детективный сюжет и любовные приключения героев, имели

огромное влияние на целое поколение немцев. Добавим, что о том, насколько прочно произведения Конзалика вписали образ Сибири в «ментальную карту» немцев, позволяют судить произведения современных немецких писателей, посвященные сибирской теме.

Автор травелога о России «Сибирский маятник» (*Das sibirische Pendel*, 2005), писатель и переводчик Элмар Шенкель отмечал, что одной из целей его путешествия в Россию стало стремление освободиться от навязанных ему литературных клише: «Мне хотелось в безлюдные края, в тундру и тайгу Конзалика или Живаго, на край цивилизации, я хотел оказаться вдали от всех книг, от печатного слова... Оно постоянно вводит нас в заблуждение и морочит переживаниями, которых мы лишены. Я хотел в чашу, в Сибирь, чтобы обрести свободу» [22]. «Тайга Конзалика» невольно всплывает и в сознании главного героя романа о Сибири «Новичок» («*Der Neuling*», 2009) немецкого писателя Михаэля Эбмайера. Оказавшись в сибирской тайге, немецкий менеджер Маттиас Блойель вдруг вспоминает, что ее первый образ он почерпнул из «низкопробного чтива» – романа Конзалика «Ночи любви в тайге» – примерно в 12 лет, «слишком рано для того, что находилось примерно в двух тысячах километров за железным занавесом и что, судя по всему, никогда не суждено было увидеть» [23]. Эти примеры свидетельствуют об устойчивости сконструированного немецкой массовой литературой XIX–XX вв. образа Сибири как объекта воображаемой географии, но также и о стремлении к его демифологизации через собственное, индивидуальное постижение, тенденцию к которой обнаруживает современная литература Германии.

Таким образом, рассмотренные нами тексты К. Мая и Х. Конзалика как авторов, пользовавшихся каждый в свое время огромной популярностью в Германии, показывают, что немецкая массовая литература XIX–XX вв. активно обращалась к образу Сибири при формировании общего образа России в рамках восходящего еще к эпохе Просвещения «колонизаторского» (цивилизаторского) дискурса (К. Май), получившего после событий двух мировых войн дополнительное идеологическое измерение (Х. Конзалик). В этом

контексте воображаемая Сибирь являлась локусом, наиболее очевидно выражавшим культурную дистанцию России по отношению к Западу, выступала как территория, особенно нуждающаяся в его цивилизаторском влиянии. На примере образов Сибири и сибиряков в произведениях К. Мая и Х. Конзалика в немецкой массовой литературе XIX–XX вв. обнаруживается тенденция характерного для колониационной парадигмы статичного изображения русского «чужого», акцентирующего его дикое азиатское начало, однозначно противопоставленное «своему» западноевропейскому культурному началу.

Литература

1. Розенхольм А., Савкина И. Картографируя популярное // Топографии популярной культуры : сб. ст. / ред.-сост. А. Розенхольм, И. Савкина. М. : Новое литературное обозрение, 2015. 408 с.
2. Замятин Д.Н. Феноменология географических образов // Новое литературное обозрение. 2000. № 46. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/46/fenom.htm> (дата обращения: 26.10.2018).
3. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб. : Русский мир, 2006. 637 с.
4. Никонова Н.Е., Серягина Ю.С., Олицкая Д.А., Горенинцева В.Н. и др. Переводы немецкой литературы в дореволюционной периодике Сибири : хрестоматия (учебно-практическое издание). Томск : Изд-во ТГУ, 2016. 204 с.
5. Серягина Ю.С. Немецкая поэзия XVIII–XIX веков в сибирской печати 1880–1910 гг. // Текст. Книга. Книгоиздание. 2017. № 13. С. 57–75.
6. Die Welt о необъяснимой любви немцев к Сибири. Тайга.инфо. URL: <https://tauga.info/91932> (дата обращения: 1.09.2018).
7. Королёва С.Б. Миф о России в британской литературе (1790–1920-е годы) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Нижний Новгород, 2014. 39 с.
8. Engel Ch. Sibirien in deutsch(sprachigen)en Fernsehedokumentationen // Sibirien. Russland. Europa. Fremd-und Eigenwahrnehmungen in Literatur und Sprache. Hamburg, 2013. 278 s.
9. Stolberg E.-M. Siberia as a Mental Map in German Imagination // Sibirskaja zaimka, elektronnyj žurnal. URL: <http://zaimka.ru/stolberg-siberia/> (дата обращения: 4.09.2018).
10. Habeck J.O. Kulturlandschaft Sibirien // Jahrbuch des MaxPlanck-Instituts. 2005. S. 161–166. URL: <http://www.mpg.de/863491/forschungsSchwerpunkt1?c=166398> (дата обращения: 28.08.2018).
11. Jürgens T. Unser täglich Sibirien gib uns heute. Imaginäre Geographie als deutsche Popkultur // Osteuropa. 2007. № 5. S. 201–214.

12. Чугунов Д.А. Образ России в современной немецкой литературе: проблемы и моменты восприятия // Вестник ВГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2004. № 2. С. 229–247.

13. Perry N. Karl May's Winnetou: The Image of the German Indian. The Representation of North American First Nations from an Orientalist Perspective. Monreal, 2006. 82 p.

14. Nach Sibirien. Von Emma Pollmer. URL: <https://www.karl-may-gesellschaft.de/kmg/primit/erzaehl/reise/sibirien/nach-sibirien.php> (дата обращения: 14.09.2018).

15. May K. Deutsche Herzen – Deutsche Helden. Der Engel der Verbannten. Projekt Gutenberg – DE. URL: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/deutsche-herzen-deutsche-helden-5-der-engel-der-verbannten-6565/1> (дата обращения: 15.09.2018).

16. Erman A. Reise um die Erde durch Nord-Asien und die beiden Oceane in den Jahren 1828, 1829 und 1830. Berlin : Reimer, 1833–1842. 603 s.

17. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения : пер. с англ. М. : Новое литературное обозрение, 2003. 560 с.

18. Koch E. Famoses Land, dieses Sibirien, und allerliebste Verhältnisse! Zum historischen Hintergrund von Mays Sibirien-Abenteuer in «Deutsche Herzen Deutsche Helden». URL: <https://www.karl-may-gesellschaft.de/kmg/sekli/JbKMG/1986/185.htm> (дата обращения: 12.10.2018).

19. Der Arzt von Stalingrad. WRD. URL: <https://www1.wdr.de/stichtag/stichtag3186.html> (дата обращения: 24.20.2018).

20. Степанова Е. «Пожива для моего МГ»: современная немецкая литература о войне с Советским Союзом // НЛО. 2010. № 102. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/102/st18.html> (дата обращения: 24.20.2018).

21. Harder M. Erfahrung Krieg. Zur Darstellung des Zweiten Weltkrieges in den Romanen von Heinz G. Kosalik. Mit einer Bibliographieder deutschsprachigen Veröffentlichungen des Autors von 1943–1996. Würzburg : Königshausen und Neumann, 1999. S. 320.

22. Schenkel E. Das sibirische Pendel. Eggingen : Edition Isele, 2005. 231 s.

23. Ebmeyer M. Der Neuling. Zürich : Kein und Aber Verlag, 2009. 285 s.

IMAGES OF SIBERIA IN GERMAN PARALITERATURE OF THE 19TH AND 20TH CENTURIES

Tekst. Kniga. Knigozhdanie – Text. Book. Publishing, 2018, 18, pp. 44–64.

DOI: 10.17223/23062061/18/3

Olitskaya Daria A., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: d.olitskaya@mail.ru

Keywords: images of Siberia, German paraliterature, imagined geographies, K. May, H. Kosalik.

Siberia is a most significant geographical and sociocultural space on the “mental map” of modern Germans, which is confirmed by the following conclusions from the

studies of German scholars: 1) modern Germans perceive Siberia as a geographical point where all of Russia is located; 2) stereotypical images of Siberia, actively translated into modern German culture in a variety of genres and discourses, show surprising stability; 3) the vibrant ambivalence of Siberia's image (schön / schaurig) is what explains its stability as well as attractiveness for Germans. Due to their broad appeal, the works by Karl May and Heinz Konsalik had a great influence on the formation of myths, stereotypes and clichés that formed the basis for the mental image of Siberia as an object of imaginative geography in the German collective consciousness of the 19th and 20th centuries. Karl Friedrich May (1842–1912) was the author of popular adventure novels (200 million publications worldwide, about 100 million in Germany). In his novel *Deutsche Herzen – Deutsche Helden* (1885–1888), Siberia epitomises Western ideas about Russia as a mysterious and wild “alien”. In the context of colonisation, the image of Siberia is modeled similar to that of the American Wild West, whose features are hyperbolized in the Western imaginative geographies. May's collective image of Siberian population is especially representative in terms of his imagologic attitudes related to the cultural design of the image of the “other” during the Enlightenment. Following them, May describes the Tungus as primarily uncivilised people, which is realised in several motifs simultaneously (threat, asiaticism, barbarism) and marked with the adjective “halbwild”. Adventure bestsellers by Heinz Günther Konsalik (1921–1999) gained wide popularity in Germany in the second half of the 20th century (over 150 novels with the total circulation of more than 85 million copies). Many of them represented Siberia as a permanent locus of imaginative geography (*Die Verdammten der Taiga*, *Ninotschka*, *Herrin der Taiga*, *Liebesnächte in der Taiga*, *Das sibirische Kreuz*, etc.). In Konsalik's novels, the image of Siberia translates the ideological myth of the Soviet Union as a symbol of totalitarianism threatening Europe from the East. However, the imagological basis of the image remains unchanged – the emphasis on the Asiatic nature of Russian civilization, alien to the West, with its wild features becoming especially apparent in Siberia. In Konsalik's novels, the whole of Russia is an “Asian landscape” extending over an infinite space (Weite). It epitomises “alien”, i.e. “Russian”, carrying negative connotations (huge, cold, hostile, merciless, etc.) and opposed to “own” space (Enge), which carries positive connotations. In Siberia, this space manifests its extreme and, aggressive forms. Konsalik employs the image of the Siberian taiga to show that the Russians have a beastly nature, which reinforces his idea of the Russians as a dangerous and wild nation. Thus, the German mass literature of the 19th–20th centuries actively employed the image of Siberia to form the general image of Russia within the colonial (civilizing) discourse of the Enlightenment (K. May) that received an additional ideological dimension after the two world wars (H. Konsalik). In this context, imaginary Siberia was the locus that most clearly expressed Russia's cultural remoteness from the West. Siberia was represented as a territory that especially needed a civilising influence. The images of Siberia and Siberians in the works by K. May and H. Konsalik demonstrate a tendency to create static representations of the Russian “aliens”, whose wild Asiatic nature was undoubtedly opposed to “own” West

European culture, which was typical within the colonisation paradigm of German paraliterature of the 19th and 20th centuries.

References

1. Rozenkholm, A. & Savkina, I. (2015) Kartografiruya populyarnoe [Mapping popular]. In: Rozenkholm, A. & Savkina, I. (eds) *Topografii populyarnoy kul'tury* [Topography of Popular Culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Zamyatin, D.N. (2000) Fenomenologiya geograficheskikh obrazov [Phenomenology of geographic images]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 46. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/46/fenom.htm>. (Accessed: 26th October 2017).
3. Said, E. (2006) *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism]. Translated from English by A.V. Govorunov. St. Petersburg: Russkii mir.
4. Nikonova, N.E., Seryagina, Yu.S., Olitskaya, D.A., Gorenintseva, V.N. et al. (2016) *Perevody nemetskoy literatury v dorevolutsionnoy periodike Sibiri* [Translations of German literature in Siberian pre-revolutionary periodicals]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Seryagina, Yu.S. (2017) German poetry of the 18th-19th centuries in the Siberian periodicals of the 1880s-1910s. *Tekst. Kniga. Knigozhdanie – Text. Book. Publishing*. 13. pp. 57–75. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/13/4
6. Kaminer, V. (2006) *Die Welt o neob'yasnimoy lyubvi nemtsev k Sibiri* [Die Welt about the inexplicable love of the Germans to Siberia]. Translated from German. [Online] Available from: <https://tayga.info/91932>. (Accessed: 1st September 2018).
7. Koroleva, S.B. (2014) *Mif o Rossii v britanskoy literature (1790-ye–1920-ye gody)* [The myth of Russia in British literature (the 1790s–1920s)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Nizhniy Novgorod.
8. Engel, Ch. (2013) Sibirien in deutsch (sprachigen)en Fernsehedokumentationen [Siberia in German (spoken) TV documentaries]. In: Hansen-Kokoruš, R. (ed.) *Sibirien. Russland. Europa. Fremd-und Eigenwahrnehmungen in Literatur und Sprache* [Siberia. Russia. Europe. Foreign and self-perceptions in literature and language]. Hamburg: Verlag Dr. Kovac.
9. Stolberg, E.-M. (2005) *Siberia as a Mental Map in German Imagination*. [Online] Available from: <http://zaimka.ru/stolberg-siberia/>. (Accessed: 4th September 2018).
10. Habeck, J.O. (2005) Kulturlandschaft Sibirien [Siberian Cultural Landscape]. *Jahrbuch des MaxPlanck-Instituts*. pp. 161–166. [Online] Available from: <http://www.mpg.de/863491/forschungsSchwerpunkt1?c=166398>. (Accessed: 28th August 2018).
11. Jürgens, T. (2007) Unser täglich Sibirien gib uns heute. Imaginäre Geographie als deutsche Popkultur [Our everyday Siberia give us this day. Imaginary geography as German pop culture]. *Osteuropa*. 5. pp. 201–214.
12. Chugunov, D.A. (2004) *Obraz Rossii v sovremennoy nemetskoy literature: problemy i momenty vospriyatiya* [The image of Russia in modern German literature: problems and moments of perception].

problems and moments of perception]. *Vestnik VGU. Seriya Gumanitarnyye nauki – Proceedings of Voronezh State University. Humanities*. 2. pp. 229–247.

13. Perry, N. (2006) *Karl May's Winnetou: The Image of the German Indian. The Representation of North American First Nations from an Orientalist Perspective*. Montreal: [s.n.].

14. Pollmer, E. (n.d.) *Nach Sibirien. Von Emma Pollmer* [To Siberia. By Emma Pollmer]. [Online] Available from: <https://www.karl-may-gesellschaft.de/kmg/primitiv/erzaehl/reise/sibirien/nach-sibirien.php>. (Accessed: 14th September 2018).

15. May, K. (n.d.) *Deutsche Herzen – Deutsche Helden. Der Engel der Verbannten* [German Hearts – German Heroes. The Angel of the Exiles]. [Online] Available from: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/deutsche-herzen-deutsche-helden-5-der-engel-der-verbannten-6565/1>. (Accessed: 15th September 2018).

16. Erman, A. (1833–1842) *Reise um die Erde durch Nord-Asien und die beiden Ozeane in den Jahren 1828, 1829 und 1830* [Journey around the earth through North Asia and the two oceans in 1828, 1829 and 1830]. Berlin: Reimer.

17. Wolf, L. (2003) *Izobretaya Vostochnuyu Yevropu: Karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniya* [Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment]. Translated from English by I. Fedyukin. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

18. Koch, E. (1986) *Famoses Land, dieses Sibirien, und allerliebste Verhältnisse! Zum historischen Hintergrund von Mays Sibirien-Abenteuer in "Deutsche Herzen – Deutsche Helden"* [Famose's land, this Siberia, and dearest relationships! On the historical background of May's Siberia adventure in "German Hearts – German Heroes"]. [Online] Available from: <https://www.karl-may-gesellschaft.de/kmg/seklit/JbKMG/1986/185.htm>. (Accessed: 12th October 2018).

19. WRD. (n.d.) *Der Arzt von Stalingrad* [The doctor of Stalingrad]. [Online] Available from: <https://www1.wdr.de/stichtag/stichtag3186.html>. (Accessed: 24th October 2018).

20. Stepanova, E. (2010) "Pozhiva dlya moyego mg": sovremennaya nemetskaya literatura o voyne s sovetским союзом ["Gain for my MG": Modern German literature on the war with the Soviet Union]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 102. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/102/st18.html>. (Accessed: 24th October 2018).

21. Harder, M. (1999) *Erfahrung Krieg. Zur Darstellung des Zweiten Weltkrieges in den Romanen von Heinz G. Konsalik. Mit einer Bibliographieder deutschsprachigen Veröffentlichungen des Autors von 1943–1996* [The Experience of War. To the Illustration of the Second World War in the novels by Heinz G. Konsalik. With a bibliography of German-language publications by the author from 1943–1996]. Würzburg: Königshausen & Neumann.

22. Schenkel, E. (2005) *Das sibirische Pendel* [The Siberian Pendulum]. Eggingen: Isele, K.

23. Ebmeyer, M. (2009) *Der Neuling* [The Newcomer]. Zurich : Kein & Aber.

КНИГА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 070.4

DOI: 10.17223/23062061/18/4

Е.В. Первалова

В БОРЬБЕ ЗА ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТАЛАНТЫ: ГОНОРАРНАЯ ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА «РУССКИЙ ВЕСТНИК» В 1850–1880-е гг.

***Аннотация.** Анализируется гонорарная политика журнала М.Н. Каткова и П.М. Леонтьева «Русский вестник» – одного из самых авторитетных отечественных ежемесячников конца 1850–1880-х гг., в котором в разные годы печатались И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, Н.С. Лесков, А.А. Фет, Ф.И. Тютчев, А.К. Толстой и др. Рассматривается роль издателей журнала в денежных расчетах с авторами. Делается вывод, что участием в «Русском вестнике» лучших литераторов эпохи во многом способствовали высокая полустная оплата, система авансовых выплат и другие инициативы издателей. Высокие гонорары способствовали дальнейшей профессионализации литературы, повышению социального статуса литератора и формированию в обществе представлений о литературном труде как о престижной и уважаемой деятельности.*

***Ключевые слова:** М.Н. Катков, П.М. Леонтьев, издатели, «Русский вестник», гонорар, полустная оплата, конкуренция.*

Либерализации правительственного курса в первые годы правления императора Александра II, расширение границ гласности, капитализация прессы, проникновение в журналистику и издательское дело механизмов конкуренции – все эти процессы способствовали окончательному превращению журналистики в самостоятельную профессиональную сферу и появлению большого числа литераторов-профессионалов, чьи доходы напрямую зависели от сотрудничества с тем или иным периодическим изданием. В 1860–1870-е гг. выплаты литературных гонораров как вознаграждения за публикацию не только стали обязательными, но и

являлись одним из решающих факторов в конкурентной борьбе между изданиями за сотрудничество знаменитых авторов. Однако единых и четких размеров оплаты за литературный труд не существовало, каждая редакция определяла их самостоятельно, в зависимости от собственной финансовой обеспеченности, степени известности автора, его авторитета в литературной среде, востребованности его произведений у читателей, от характера отношений с руководителем издания и т.п.

Во второй половине XIX в. средние размеры гонорарных ставок, т.е. оплаты писательского труда за единицу литературной продукции (за печатный лист – у прозаиков, стихотворение или строку – у поэтов и т.п.), даже в ведущих отечественных журналах были весьма невысокими, хотя к концу этого периода они выросли почти вдвое: если в 1850-е гг. стоимость одного печатного листа прозаического произведения составляла 50 руб., то в 1860–1870-е гг., вследствие роста тиражей и общих инфляционных процессов, она увеличилась до 60–70 руб. за лист, а в 1880–1890-е гг. – до 80–100 руб. Стихотворные произведения оплачивались поштучно или построчно, и оплата за них составляла соответственно 10–15 рублей за стихотворение или 50 копеек за строку [1]. Исключения составляли гонорары немногих писателей первой величины, в том числе Л.Н. Толстого и И.С. Тургенева, доходившие до 500 руб. за печатный лист и выше.

В настоящей статье предпринята попытка исследования гонорарной политики журнала «Русский вестник» – одного из наиболее авторитетных отечественных ежемесячников конца 1850–1880-х гг.; рассматриваются критерии, влияющие на размеры вознаграждения за публикацию; выявляются меры, к которым прибегала редакция с целью стимулирования литераторов к сотрудничеству. Актуальность заявленной проблемы обусловлена усиливающимся в современной науке интересом к изучению процессов коммерциализации отечественной печати во второй половине XIX в. Научная новизна исследования состоит во введении в научный оборот нового, ранее не изученного материала, в частности, хранящихся в архивах НИОР РГБ и ранее не публиковавшихся писем М.Н. Каткова,

Н.Ф. Щербины, Б.М. Маркевича, П.И. Мельникова, малоизученных воспоминаний Е.А. Драшусовой, А.И. Соколовой и др., а также сведений, содержащихся в сохранившемся в фондах РГАЛИ «Журнале исходящих бумаг» объединенной редакции журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости» за 1870–1877 гг. К сожалению, другие редакционные документы, в том числе и гонорарные книги, не сохранились.

«Русский вестник», издание которого было начато в 1856 г. в Москве профессорами Московского университета М.Н. Катковым и П.М. Леонтьевым, стал одним из первых журналов, разрешенных после более чем двадцатилетнего запрета на новые органы печати, существовавшего в годы правления Николая I. Разрешение публиковать политические материалы выгодно отличало журнал от уже существующих, так как в большинстве ежемесячников в те годы еще не имелось отделов политики, а выдвинутая издателями программа общественно-политических преобразований на основе законов и строго в пределах, допускаемых правительством, была с одобрением и воодушевлением встречена прогрессивно настроенной образованной дворянской интеллигенцией. На призыв к сотрудничеству быстро откликнулись представители русского ученого сообщества, публицисты, литераторы, общественные деятели, объединенные идеей необходимости реформ. Разнообразие тематики, актуальность, смелость и злободневность публицистических статей, яркие политические обзоры, хорошо поставленный отдел беллетристики, умелый подбор сотрудников – все это быстро сделало «Русский вестник» одним из самых читаемых и уважаемых изданий в России. К 1861 г. его тираж уже составлял 5 700 экземпляров и лишь немногим уступал лидеру тех лет – «Современнику» Н.А. Некрасова и И.И. Панаева [2. С. 20]. В последующие десятилетия в условиях жесткой конкуренции с петербургскими изданиями – «Современником», «Отечественными записками», «Библиотекой для чтения», «Временем», «Вестником Европы», «Русской мыслью» и др. – «Русский вестник» неизменно оставался одним из лидеров журнальной периодики, идейным центром отечественной консервативной идеологии. В разные годы в

нем печатались И.С. Тургенев (романы «Накануне», «Отцы и дети», «Дым»), повести «История лейтенанта Ергунова», «Несчастливая»), Л.Н. Толстой (повести «Казачи», «Поликушка», романы «Семейное счастье», «Тысяча восемьсот пятый год», «Анна Каренина»), Ф.М. Достоевский (романы «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы»), Н.С. Лесков (романы «На ножах», «Соборяне», «Захудалый род» (отдельные главы), рассказ «Запечатленный ангел»), М.Е. Салтыков-Щедрин («Губернские очерки», комедия «Смерть Пазухина»), П.И. Мельников-Печерский (рассказы «Медвежий угол», «Поярков», «Дедушка Поликарп», «Именинный пирог» и др., повесть «Старые годы», дилогия «В лесах» и «На горах», многочисленные очерки по истории старобрядчества), А.А. Фет, Ф.И. Тютчев, А.Н. Майков, А.К. Толстой, Б.М. Маркевич, К.Н. Леонтьев, А.Ф. Писемский и др.

Участию в «Русском вестнике» лучших литераторов во многом способствовала гонорарная политика издателей журнала: высокая полистная оплата, система авансовых выплат и т.д. При этом руководители издания отнюдь не ограничивали «литературную независимость» своих авторов какими-либо соглашениями о сотрудничестве, предоставляли им полную свободу и возможность располагать своей «литературной деятельностью», т.е. выбирать: продолжать ли печататься в их журнале или же искать другие, более выгодные предложения. «Я считаю делом недостойным – вступать в какие-либо состязания для ловли литературных талантов, прибегать к каким-нибудь искусственным мерам для привлечения их и к каким-нибудь внешним обязательствам для закрепления их за журналом», – писал М.Н. Катков [З. К. 57. Ед. хр. 2].

В свою очередь, и для писателей вопрос оплаты имел если не определяющее, то достаточно важное значение. Большинство литераторов весьма жестко формулировали свои требования относительно денежного вознаграждения, и прежде чем передать рукописи издателям «Русского вестника», сопоставляли размеры предполагаемого гонорара в разных журналах. Так, всегда точен и непреклонен в своих пожеланиях был Л.Н. Толстой. Он, к примеру, сразу же по окончании работы над первой частью романа «Семейное

счастье» предложил Каткову опубликовать его в «Русском вестнике» из расчета 300 руб. за печатный лист, в случае же несогласия издателя предполагая печатать произведение отдельными книжками [4. С. 200–201]. Не церемонился в переговорах с издателями и всегда дорого запрашивал за свои произведения А.К. Толстой, один из постоянных авторов «Русского вестника». Так, предлагая Каткову свою поэму «Дон Жуан», он прямо писал: «Если Вам угодно поместить ее в “Русском вестнике”, я Вас покорнейше прошу сообщить мне, за какую цену Вы желаете ее приобрести, дабы я мог сообразиться с ценами других журналов, т.к. в настоящую минуту я желаю сам распорядиться вырученной суммой» [3. К. 21. С. 41].

Как можно предположить, Катков не решился определить сумму гонорара и предоставил поэту самому назначить выгодную для него цену, потому что спустя месяц А.К. Толстой, будучи, как видимо, человеком весьма практичным, четко сформулировал условия, при которых поэма будет напечатана в московском журнале, в том числе указал ее точную стоимость: «Как ни трудно мне самому назначить цену моим стихотворениям, но чтобы исполнить желание Ваше и соображаясь с тем, что я получал досель от Вас и от Аксакова, я решаюсь сказать Вам, что желаю получить за “Дон Жуана” 750 рублей. Это выйдет 20 копеек за стих» [Там же. С. 41–42].

В 1868 г. поэт предложил Каткову купить выполненный им перевод «Коринфской невесты» И.В. Гёте по 1 руб. за стих, общей стоимостью 200 руб. «С издательской точки зрения, пожалуй, и дорого платить 200 рублей за стихи, которые так мало любят читать современная публика», – советовал Каткову писатель и публицист Б.М. Маркевич, постоянный представитель «Русского вестника» в Петербурге, часто выступавший посредником между ним и петербургскими литераторами [3. К 31. С. 178]. В 1864 г. поэт предложил издателям «Русского вестника» трагедию «Смерть Иоанна Грозного», и в числе прочих условий публикации назвал твердую и определенную цену своей пьесы – «четыре тысячи рублей, с тем, чтобы эти деньги получить в течение трех месяцев сполна, начиная с 1 января 1865 г.» [Там же. К. 21. С. 44]. Следует

отметить, что на этот раз Катков не смог выполнить все поставленные Толстым условия, хотя, если верить писательнице О.А. Новиковой, поэт был готов продать издателю «Русского вестника» рукопись трагедии «уже не за 4 тысячи (как желал прежде), а всего только за две» [З. К. 23. С. 186–187]. В результате пьеса увидела свет в 1866 г. в «Отечественных записках» А.А. Краевского, но ее продолжение – трагедию «Царь Федор Иоаннович» – А.К. Толстой также собирался опубликовать в «Русском вестнике», однако вновь не сошелся в цене с издателем, и она была опубликована в 1868 г. в «Вестнике Европы». «Алексей Толстой здесь, привез неоконченную еще драму “Федор Иоаннович”. Есть прекраснейшие места. Против Вас он решительно ничего не имеет и очень сожалеет, что запросил с Вас небывалую цену и что поэтому его Иоанн не появится в “Русском вестнике”», – сообщал Каткову Б.М. Маркевич. Судя по этому письму, А.К. Толстой был весьма расстроен отказом Каткова [Там же. К. 25. Ед. хр. 3. С. 81], который, возможно, был просто не в состоянии заплатить требуемую писателем сумму, так как приблизительно в это же время им для журнала были приобретены романы «Тысяча восемьсот пятый год» Л.Н. Толстого, «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского, «Дым» И.С. Тургенева.

Правда, далеко не все литераторы отличались прагматичностью и умением отстаивать высокие цены на свои произведения, среди них были и те, кто в денежных вопросах во всем полагался на издателя «Русского вестника», доверяя его литературному вкусу, честности и порядочности. «Платите мне столько, сколько я приношу пользы Вашему журналу, – писал Каткову один из его постоянных авторов, писатель и публицист П.И. Мельников, – а насколько я ее приношу, Вам лучше известно, а мне вовсе неизвестно, ибо денежных дел Ваших я не знаю. В этом отношении я полагаюсь на Вас и, держа данное Вам слово, не могу не быть уверенным, что и Вы свое сдержите, – но цифру назначать не буду» [Там же. К. 41. Ед. хр. 2. С. 11–12].

Впрочем, всеми финансами «Русского вестника», в том числе и расчетами с авторами, как правило, занимался П.М. Леонтьев, и

все выплаты производились не иначе как с его согласия, даже если дело касалось таких авторов, как Ф.М. Достоевский или Л.Н. Толстой. М.Н. Катков, который был безусловным лидером журнала, его главным идеологом, денег никогда не касался. По всей вероятности, он добровольно уступил коллеге ведение финансовых вопросов, так как это освобождало его от участия в денежных расчетах, к которым он был решительно не способен. В обыденной жизни «московский громовержец» был крайне рассеян, а в финансовых вопросах был настолько нетребователен и несведущ, что, по словам Леонтьева, «ежели Михаила Никифоровича на три дня подпустить к кассе, то потом три года ничего не распутаешь» [5. С. 834].

Катков не любил и не умел торговаться, был не в состоянии отказать в выплатах и иногда по первой же просьбе автора отдавал распоряжение не только заплатить за труд, но и выдать довольно крупную сумму денег в качестве аванса или просто «материальной помощи» [6]. Некоторые должники откровенно пользовались его уступчивостью и мягкостью в денежных делах, а кое-кто даже злоупотреблял этим. Бывали случаи, когда у него просто «выманивали» деньги взаймы, чтобы затем их уже не возвращать. «Сколько людей употребили во зло заботу Катковых, поживились их деньгами, сколь щедрых пособий они оказывали тем, кто обращался к ним, как эксплуатировали их так называемые приятели, как обирали разные писатели, сколько господ, которые выманивали у них деньги взаймы и никогда не возвращали. Все это могло бы составить большой капитал», — утверждала в своих воспоминаниях близкий друг семьи Катковых писательница Е.А. Драшусова [7. С. 170]. Подтверждение этому можно найти и в воспоминаниях профессора Н.А. Любимова, выполнявшего в редакции «Русского вестника» функции исполнительного редактора, А.И. Соколовой, сотрудницы изданий Каткова в 1870-е гг. В них приводится случай, когда один из авторов, будучи должен редакции крупную сумму, заплатил в счет долга лишь 100 руб., и получил от Каткова в кредит еще 500. В другой раз кассир редакции Пёдер отказался выдать одному из сотрудников заработанный им гонорар под тем

предложением, что цифра гонорара была слишком ничтожна и что такими пустяками не принято в редакции «запутывать счета». Катков был настолько сконфужен, что немедленно предложил нуждавшемуся сотруднику крупный аванс, а Пёдера предупредил, что ежели что-нибудь подобное повторится, то он будет немедленно уволен, хотя этот педантичный немец служил в редакции уже несколько лет [5. С. 833; 8. С. 23]. Друзья и коллеги знали об этой черте издателя «Русского вестника» и нередко указывали ему на возможные последствия его «неуместной», по их мнению, щедрости. Так, близкий редакции «Русского вестника» поэт Н.Ф. Щербина наставительно поучал Каткова: «Да и крепко нужно торговаться с дорого запрашивающими авторами – а то Вы крайне нерасчетливы в этом отношении – подумайте об этом, – а то, подчас, и не сведешь концов с концами» [3. К. 41. Ед. хр. 4. С. 1–5].

В отличие от уступчивого в денежных вопросах М.Н. Каткова, П.М. Леонтьев был, напротив, человеком практическим и расчетливым, очень взыскательным и даже прижимистым. Его мелочность в финансовых делах вошла в пословицу среди тех, кому приходилось иметь с ним дело. «Павел Михайлович на зубок и по вкусу сумеет отличить полушку Елизаветы Петровны от полушки Анны Ивановны», – говорил о нем сотрудник редакции С.В. Ешевский [9. С. 10]. В денежных расчетах он отличался жесткостью и неуступчивостью, умел отказывать подчас даже известным литераторам и проявлял зачастую «деспотическую», по выражению Ф.М. Достоевского, власть в отношениях с должниками редакции [10. С. 47–48].

По словам профессора С.М. Соловьева, главным отличительным свойством Леонтьева была «цепкость»: «...вцепится во что-нибудь – не отстанет; “собака” (репейник) есть лучшее для него подобие» [11. С. 319–320]. Столь резкие и нелицеприятные оценки Леонтьева все же представляются весьма несправедливыми: жесткая финансовая дисциплина и строгая отчетность в денежных делах являлись важными условиями жизнеспособности журнала, и он был несомненно прав в своем стремлении навести порядок в счетах редакции. В пользу Леонтьева говорит и тот факт, что он

отнодью не был «мелочно расчетлив», когда речь шла об оплате труда литераторов, в сотрудничестве с которыми редакция была заинтересована и участие которых в издании гарантировало высокие тиражи. По всей вероятности, столь важные и одновременно деликатные вопросы, как определение суммы гонораров, никогда не решались Леонтьевым единолично, но всегда согласовывались с Катковым, с которым они были «неразлучны до последних тайников мысли и сердечных движений» [12]. Их многолетний деловой, творческий и дружеский союз, продолжавшийся два десятка лет, вплоть до скоропостижной смерти Леонтьева в 1875 г., был редким примером согласия и единомыслия в профессиональной журналистской среде второй половины XIX в., и, как представляется, с полным основанием можно говорить о единой позиции издателей в вопросах гонорарной политики и об участии Каткова в решении вопросов, связанных с выплатами гонораров. Косвенным подтверждением этому могут служить адресованные Каткову многочисленные письма Б.М. Маркевича, в которых сообщается о предложениях о сотрудничестве, исходящих от авторов-петербуржцев, указываются суммы запрашиваемых ими гонораров, задаются вопросы о размере возможных выплат и т.п. Переписка Каткова с авторами «Русского вестника» – Л.Н. Толстым, И.С. Тургеневым, Ф.М. Достоевским, А.К. Толстым, Н.С. Соханской, П.И. Мельниковым и др., также свидетельствует о его участии в переговорах с авторами и осведомленности о денежных расчетах с ними.

Издатели «Русского вестника» не скупилась на вознаграждение известным литераторам и, будучи заинтересованы в сотрудничестве кого-либо из них, были готовы идти на значительные расходы, а также старались создать комфортные условия расчетов за их литературные труды. Постоянные авторы журнала и писатели первой величины могли рассчитывать на весьма значительные суммы гонораров, которые к тому же с течением времени увеличивались. Так, если в 1863 г. гонорар Л.Н. Толстого за повесть «Казачьи» составил 150 руб. за лист, то за «Поликушку» в том же году он получил уже 200 руб. за лист. В 1859 г. за первый роман Л.Н. Толстого

«Семейное счастье» редакция заплатила по 300 руб. за печатный лист, а в 1875 г. за роман «Анна Каренина», объем которого составлял 40 листов, писателю уже было выплачено 20 тыс. руб., т.е. по 500 руб. за печатный лист, и это была, по мнению многих, «еще небывалая цена за роман» [13. С. 254]. Впрочем, в редакции «Русского вестника» это был далеко не первый случай столь высоких гонораров: еще в 1867 г. И.С. Тургеневу за роман «Дым» было выплачено из расчета 500 руб. за лист [14. С. 145]. Безусловно, издатели также были заинтересованы в сотрудничестве столь маститых литераторов, появление произведений которых на страницах журнала в немалой степени содействовало росту его популярности в глазах читателей и увеличению тиражей. Так, по словам Н.Н. Страхова, «о выходе каждой части “Карениной” в газетах извещают так же поспешно и толкуют так же усердно, как о новой битве или новом изречении Бисмарка» [4. С. 174]), и столь высокая цена, заплаченная издателями за роман Л.Н. Толстого, безусловно, себя оправдала.

Размеры оплаты других авторов-беллетристов «Русского вестника» были хотя и не столь впечатляющими, но также весьма внушительными. Так, писателю и публицисту Б.М. Маркевичу, постоянному автору «Русского вестника», в 1870-е гг. выплачивалось по 125 руб. за печатный лист [3. К. 32. С. 123], а в 1880-е он ежемесячно получал уже по 400 руб. в счет публикуемых в журнале романов «Перелом» и «Бездна» [Там же. К. 34. С. 40]. Постоянному автору журнала К.Ф. Головину, который выступал не только в качестве публициста, но, под псевдонимом К. Орловский, как автор повестей и романов «Серьезные люди», «Искупление», «Вне колеи», «Дядюшка Михаил Петрович», «Блудный брат», Катков платил по 200 руб. за печатный лист. «Баснословную цену», по выражению Н.Ф. Щербины, Катков заплатил в 1863 г. А.Ф. Писемскому за роман «Взбаламученное море». По мнению современников, в этом не было особой необходимости, тем более что вряд ли какой-либо из петербургских журналов сумел бы «перекупить» его у «Русского вестника»: «Роман, правда, хороший, – пенял Щербина Каткову за его излишнюю расточительность. – Вы дали

очень дорого, тем более, что перебить его у Вас было нелегко: “Время” бы не могло дать этого, Краевский тоже. На Вашей стороне были шансы, но Вы все-таки дали дорого» [3. К. 41. Ед. хр. 4. С. 1–5]. Известному писателю и публицисту П.И. Мельникову издателя «Русского вестника» помимо высокой гонорарной ставки – 300 руб. за печатный лист романов «В лесах» и «На горах», предоставили особые условия, которые, по собственным словам писателя, он смог найти только в этом журнале. Мельников сдавал свои рукописи в типографию, предварительно не прочитывая их, а окончательно обрабатывал уже набранные в корректуре тексты, при этом делал подчас весьма значительные поправки, вписывая и выбрасывая целые куски, а потому подготовка его текстов к печати требовала значительно большего времени и стоила издателям в четыре-пять раз больше обыкновенных типографских расходов [15. С. 144]. Писатель наотрез отказывался от весьма заманчивых и выгодных предложений, исходящих от других изданий, и лишь настаивал, чтобы все переговоры вел исключительно сам Катков, и между ними «не было никакого третьего лица» [3. К. 41. Ед. хр. 2. С. 11–12].

Гонорарные ставки за научные, критические и публицистические статьи в «Русском вестнике» в 1870-е гг. существенно не отличались от ставок в других журналах и составляли от 50 до 75 руб. за печатный лист. Большинство авторов могли рассчитывать на оплату 50 руб. за печатный лист или, в пересчете на страницы, по 3 руб. за страницу. Так, в 1870-е гг. Л.П. Полторацкой было выплачено 246 руб. за очерк «Поездка к китайской границе» объемом 82 страницы [16. С. 177], Н.С. Семенову, автору очерка «День в ауле» объемом 52 страниц, – 156 руб. [Там же. С. 189], И.Н. Давыдову за статью «Русское землевладение в Привисленском крае» объемом 50 страниц – 150 руб. [Там же], О.М. Срезневской за 39 страниц очерка «Три дня в Таормине» – 120 руб. [Там же. С. 413], Н.И. Ланге за 44 страницы статьи «Древнее русское право в “Истории” г. Костомарова» – 137 руб. 50 коп. [Там же. С. 415] и т.д. Стоимость научных публикаций в ряде случаев могла быть и выше: в 1875 г. профессору Санкт-

Петербургского университета Н.П. Вагнеру за статью «Медиумизм» объемом 85 страниц было выплачено 363 рубля 50 копеек, т.е. свыше 4 руб. за страницу [16. С. 397]; преподавателю Тифлисской классической гимназии А.Д. Стаднину за статьи философского содержания редакция платила по 4 рубля за страницу [Там же. С. 417]. Работу постоянных сотрудников редакция «Русского вестника» могла оплачивать и по более высокой гонорарной ставке: по 75 руб. за печатный лист. Столько, к примеру, в 1870-е гг. получали за свои труды известный литературный критик В.Г. Авсеенко [Там же. С. 410], военный историк А.Л. Зиссерман [Там же. С. 409], публицист В.В. Комаров [Там же. С. 412] и ряд других авторов.

Издатели «Русского вестника» значительно увеличили оплату поэтического творчества. Так, А.А. Фету с лета 1857 г. редакция выплачивала по 25 руб. за стихотворение, тогда как во всех других изданиях поэт получал по 15 руб. Фет с гордостью писал В.П. Боткину, что «Катков мне платит по 25 рублей за стихотворение, и сколько бы я их ни написал» [17. С. 192–193], «рвет у меня все новое из рук с поклоном» [Там же. С. 228–229]. Правда, все же не все стихи, высланные поэтом в редакцию «Русского вестника» в эти годы, появились на страницах журнала, и, как видимо, окончательный выбор: опубликовать – не опубликовать оставался все же за Катковым. Однако значительное повышение гонорара явилось для Фета весьма убедительным аргументом в пользу «Русского вестника» перед другими «толстыми» ежемесячниками, и большая часть его поэтического творчества с этого момента была связана с журналом Каткова. Другому выдающемуся поэту второй половины XIX в. А.Н. Майкову в 1874 г. редакцией «Русского вестника» было выплачено 300 руб. за несколько сцен из переведенной им трагедии Эсхила «Агамемнон» [3. К. 33. С. 30; Там же. С. 47].

Катков первым из издателей поднял гонорары Лескову, заплатив за роман «Соборяне» и рассказ «Запечатленный ангел» по 150 руб. за печатный лист, а затем увеличил сумму гонораров до 200 руб., тогда как оплата трудов Лескова в других изданиях не превышала 50–100 руб., а в «Православном обозрении» составляла и вовсе 30 руб. [18. С. 51]. При этом Катков знал, что писатель

находится в бедственном материальном положении и готов работать и за меньшую сумму, но не стал пользоваться тем, что тот оказался в полной материальной зависимости от выплат из «Русского вестника». «Позвольте, дорогой Михаил Никифорович, попросить Вас помочь бедному Лескову; у него чуть не умер мальчик, которого он страстно любит, и хотя теперь опасность прошла, но ребенок требует серьезного лечения. А в доме теперь ни гроша, – писал Каткову Б.М. Маркевич. – Лесков, кажется, писал Н.А. Любимову, прося дать его что-нибудь вперед под те его работы, которые теперь находятся в рукописи в редакции “Русского вестника” – но ответа до сих пор не получал и совестится настаивать. Я осмеливаюсь принять на себя ходатайство по этому обстоятельству, зная, во-первых, что он крайне стеснен в эту минуту, а, во-вторых, что вы с Павлом Михайловичем никогда еще не отказывали в помощи Вашим сотрудникам. Вопрос только в том, чтобы ускорить посылку денег или перевода нуждающемуся Лескову» (подчеркивание автора письма. – *Е.П.*) [3. К. 32. С. 170]. Публикация романа «Соборяне» в «Русском вестнике», а сразу вслед за ним «рождественского рассказа» «Запечатленный ангел» не только улучшила материальное положение писателя, но и «настежь» открыла двери «самых головокружительных аристократических гостиных». «Соборяне» были переведены на немецкий язык и вышли в «Универсальной библиотеке». «Ахилла открыл мне двери в европейскую литературу», – признавался Н.С. Лесков [18. С. 407]. В это же время Катков, пытаясь помочь писателю, ходатайствовал о нем перед министром народного просвещения Д.А. Толстым с просьбой принять его чиновником особых поручений с окладом 2 000 руб. Так как у Лескова был всего лишь чин губернского секретаря, то его смогли назначить только членом ученого комитета с окладом 1 000 руб., но и это послужило немалой поддержкой для писателя [19. С. 254].

Спустя несколько лет Н.С. Лесков, вынужденный из-за идейных расхождений с Катковым отказаться от сотрудничества в «Русском вестнике», объяснял свое длительное участие в журнале лишь собственной финансовой неустроенностью и «отчаянием»,

тем, что «мог трудиться *только с этим человеком* (курсив автора письма. – Е.П.), а ни с кем иным» [20. С. 396]. Однако впоследствии писатель с благодарностью вспоминал Каткова и оказанную им финансовую помощь, признавая, что издатель «Русского вестника» «был благородный человек к сотрудникам: зачем он платил мне по 150 руб., когда мог платить, подобно Кашпиреву¹, по 50, и мне “некуда” было деться!..» [19. С. 384].

Постоянным авторам, в сотрудничестве которых Катков был заинтересован, гонорар мог быть выплачен за подготовленные материалы, которые редакция по каким-либо причинам не опубликовала или объем которых был сокращен при подготовке к печати. Так, в одной из статей В.Г. Авсеенко Катков сократил восемь страниц, но тем не менее гонорар критику был выплачен в полном объеме [3. К. 32. С. 211]. Об аналогичном случае сохранились упоминания и в письмах Н.С. Лескова: Катков по ряду соображений не стал публиковать его статью об остзейском крае, но, зная, насколько писатель заинтересован в заработке, выплатил гонорар [19. С. 340]. В ряде случаев, если материалы требовали значительных переделок и публикация их задерживалась, а автор нуждался в деньгах, Катков мог распорядиться выплатить гонорар «по приблизительному расчету». «Если г. Мосолову надоело ждать, и сам он терпит от этого ущерб, я готов уплатить ему по приблизительному расчету, что стоит статья» [21], – сообщал Катков В.П. Безобразову о статье публициста А.Н. Мосолова, которая требовала серьезных доработок и потому не могла быть опубликована в течение почти двух месяцев. Свое желание непременно опубликовать эту статью Катков объяснял тем, что она «о предмете весьма важном, о котором еще не высказался наш журнал. Честь журнала для меня в этом отношении дороже всего, и я готов на все, чтобы только не уронить ее» [21].

Даже начинающие и мало известные читателям литераторы могли рассчитывать на весьма высокую оплату в «Русском вестнике», в отличие, к примеру, от «Современника», который, как пра-

---

¹ Кашпирев Василий Владимирович (1836–1875) – издатель и переводчик.

вило, не оплачивал дебютные публикации. Так, за первую публикацию писателю В.П. Авенариусу, который крайне редко помещал свои произведения в печати и не был знаком широкой аудитории, в 1870 г. был выплачен гонорар в размере 285 руб. 25 коп., т.е. по 60 руб. за печатный лист, за опубликованный в журнале очерк «Первый роман. Сентиментальная история» [16. С. 79]. Писательнице Н.С. Соханской, имя которой в 1850-е гг. также было почти не известно читателям, Катков сразу предложил 50 руб. серебром за печатный лист ее повести «После обеда в гостях», тут же оговорившись, что она может «со своей стороны предложить редакции какие-либо особые условия» [3. К. 57. Ед. хр. 2]. В конечном итоге редакция заплатила в 1858 г. за эту повесть по 75 руб. за печатный лист, а в 1859 г. за вторую повесть писательницы «Из провинциальной галереи портретов» – по 100 руб. При этом издатель настоятельно советовал Соханской «без церемоний» писать, насколько удовлетворяет ее эта плата, и «не желает ли она получать больше», уверяя, что «как бы требование не было велико, оно не превзойдет средств редакции», и писательница может «заранее быть уверена в его исполнении» [Там же].

Авторам-беллетристам издатели «Русского вестника» не только платили высокие гонорары, но – что было крайне важно для литераторов-профессионалов, не имевших других источников дохода, кроме литературных заработков – выплачивали деньги без задержек и – главное – выдавали существенные авансы в счет будущих произведений. Так, авансовая форма оплаты была очень удобна для Н.С. Лескова и позволяла писателю заниматься литературным творчеством без оглядки на повседневные материальные нужды. Например, во время работы над романом «Соборяне» Катков регулярно производил выплаты «вперед», а Лесков, в свою очередь, сдавал по три печатных листа ежемесячно, полный же расчет был произведен по окончании публикации [19. С. 482]. Регулярно производились авансовые выплаты другому постоянному автору «Русского вестника» В.В. Крестовскому, автору романов «Панургово стадо», «Две силы» и многочисленных военных и путевых очерков. Показательно адресованное писателю письмо секретаря

«Русского вестника» от 11 мая 1874 г., свидетельствующее о доверии во взаиморасчетах между редакцией и авторами: «В редакции по прежним счетам числилось за Вами 1 500 руб.; затем по Вашей записке выдано г. Кашпиреву 250 р. Итого: 1 750 руб. В последнее время, когда уже печатался Ваш роман, Вам было выдано 500 рублей, всего 2 250 руб. Редакция покорнейше просит Вас проверить этот счет и если в нем окажется неточность, то она будет исправлена согласно Вашему отзыву. Деньги 600 руб., о которых Вы пишете Н.А. Любимову, независимо от сего будут высланы вам на днях» [16. С. 360].

Значительную материальную поддержку Катков оказывал постоянно нуждавшемуся в деньгах Ф.М. Достоевскому, гонорарная ставка которого была, правда, существенно ниже, нежели ставка Толстого и Тургенева: в 1860–1870-е гг. за печатный лист романов «Преступление и наказание», «Идиот» и «Бесы» Достоевский получил по 150 руб., в 1880-е гг. за роман «Братья Карамазовы» – по 300 руб. [22. С. 206, 282]. Но именно «Русский вестник» зачастую был той спасительной «соломинкой» для писателя, живущего исключительно литературным трудом и вынужденного часто «торопиться и писать для денег». По признанию Достоевского, Катков «всегда с добрым вниманием относился к его просьбам», выдавая «вперед» две-три тысячи рублей в счет его будущих романов [Там же. С. 282–283]. В письмах писателя имя издателя «Русского вестника» в этой связи встречается очень часто: «Катков не откажет» [10. С. 21], «серьезно и решительно верю в помощь Каткова» [Там же. С. 23], «напишу Каткову (который тоже не откажет), чтоб, в виде исключения, прислал мне в декабре не 100, а 200 ф. (а остальные 200 руб. по уговору, помесечно)» [Там же. С. 28], «Катков непременно поможет, я убежден, я уверен» [Там же. С. 35], «у Некрасова просить еще невозможно; да и наверно не даст. Это не Катков, а ярославец» [Там же. С. 115] и т.п. Лишь в 1875 г. Катков, согласившись заплатить по 250 руб. за печатный лист романа «Подросток», не смог выплатить Достоевскому авансом две тысячи рублей, так как незадолго до этого купил у Л.Н. Толстого право на публикацию «Анны Карениной» и в редакции не было свобод-

ных денег [22. С. 284], а потому роман был опубликован в «Отечественных записках». Гонорары «Русского вестника» были существенным подспорьем для семьи писателя, а выплаты денег авансом давали ему возможность относительно спокойно заниматься литературным творчеством. Во многих адресованных Каткову письмах Достоевский искренне благодарит его за присланные деньги. Приведем одно из них, от 1 февраля 1867 г.: «Милостивый государь Михаил Никифорович! Я получил по распоряжению вашему 1 000 рублей от А.Ф. Базунова¹. Позвольте выразить Вам мою живейшую благодарность и еще раз засвидетельствовать перед Вами, что Вы меня спасли (буквально спасли) в самую критическую минуту моей жизни. Я и она благодарим вас искренне» (подчеркивание автора письма. – *Е.П.*) [3. К. 21. С. 78]. В письмах родственникам и друзьям Достоевский неоднократно с теплотой упоминал редакцию московского журнала и самого М.Н. Каткова, благодаря его за терпение, выплаты «всегда вперед», присылку денег в те моменты, когда писатель находился в затруднительных жизненных ситуациях [23. С. 23–29]. Так, в 1878 г. он писал жене, что Катков, несмотря на свои сомнения – продолжать ли издание «Русского вестника» в 1879 г., «деньги же... не только даст, но и особенно просил меня взять вперед: то есть 2 000 теперь, 2 000 в октябре (или в конце сентября и проч.)» [10. С. 263].

Публикация крупных беллетристических произведений и авансовые выплаты их авторам были чреваты для издателей ежемесячных журналов значительными рисками: в большинстве случаев романы приходилось печатать по частям, и бывало, что на момент начала публикации в распоряжении редакции имелись лишь первые главы, тогда как продолжение существовало в лучшем случае в черновиках, а иногда лишь в замыслах писателя. С этими затруднениями не раз приходилось сталкиваться и издателям «Русского вестника», которым в этих случаях требовалось иметь

---

¹ Базунов Александр Федорович (1825–1899) – издатель и книгопродавец, владелец книжного магазина в Петербурге. Через Базунова Достоевский отправлял в Москву в «Русский вестник» главы «Преступления и наказания» и получал гонорары от Каткова.

«большое доверие как к силам, так и к аккуратности автора» [19. С. 445]. Показательна история романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина», первые главы которого появились в «Русском вестнике» в январе 1875 г., но уже в мае публикация была приостановлена и возобновилась лишь в январе 1876 г., так как на протяжении всего лета писатель жил в самарском имении и почти не работал над романом, признаваясь, что он ему «опостылел» и работать над ним «противно» [13. С. 392]. В мае 1876 г. публикация «Анны Карениной» вновь была надолго прервана, так как Толстой увлекся другими интересами, преимущественно философского и религиозного характера и почти прекратил писать. Продолжение читатели увидели лишь в декабре 1876 г., и на этот раз роман печатался уже без перерывов вплоть до апреля 1877 г., однако его восьмая, заключительная часть, в журнале так и не появилась: Катков отказался ее печатать, возмущенный содержащейся в ней иронической оценкой российского добровольческого движения на Балканах в помощь восставшим славянским народам.

Более года – с октября 1870 по октябрь 1871 г. – длилась публикация романа Н.С. Лескова «На ножах», который начал печататься, когда рукопись существовала лишь в черновиках. Повесть К.Н. Леонтьева «Египетский голубь», сюжет которой постоянно менялся в зависимости от взглядов и настроений писателя, печаталась со значительными перерывами с августа 1881 г. по октябрь 1882 г., что в конечном итоге вынудило Каткова отказаться от публикации продолжения. Еще дольше – более семи лет, с 1875 по 1882 гг. печатался роман К.Н. Леонтьева «Записки Одиссея Полихронидеса» вместе с продолжением «Сизифов камень», так как по собственному признанию автора, он не мог «заставить себя писать». Хотя к началу публикации этого романа Леонтьев был должен редакции около четырех тысяч рублей, Катков выплатил писателю авансом 700 руб., а в дальнейшем даже увеличил гонорары (продолжая удерживать часть денег в счет долга), несмотря на то, что длительные, более шести–десяти месяцев перерывы между частями романа вызывали недоумение и недовольство читателей, винивших во всем происходящем издателя. Любопытно, что не-

смотря на столь явную «недисциплинированность» Леонтьева, Катков не отказывался от сотрудничества с ним, и почти вся его художественная проза увидела свет в беллетристическом отделе «Русского вестника».

Но наиболее сложно складывалась публикация произведений Ф.М. Достоевского. Так, глубочайшего драматизма была исполнена творческая история романа «Идиот»: писатель уничтожил готовую к отправке первую часть, которую он уже с изрядным опозданием обещал Каткову прислать к началу декабря 1867 г., и начал роман по совершенно другому плану [24. С. 24–25]. Печатание романа «Бесы» растянулось более чем на год: Достоевский обещал начать присылать главы с середины 1870 г., но в августе целиком забраковал уже написанные 15 листов текста, вследствие чего роман начал печататься лишь с января 1871 г., но в ноябре публикация была прервана и возобновилась лишь спустя год, в ноябре 1872 г. С такими же «рваными» интервалами печатался роман «Братья Карамазовы». Его первые главы, напечатанные в январе 1879 г., сразу же привлекли к себе огромное внимание читателей, которые с нетерпением ожидали каждую следующую книжку журнала. Однако уже в июле печатание романа приостановилось, так как писатель по болезни не успел написать продолжение. В редакцию «Русского вестника» пошли письма читателей с упреками в адрес издателя, который, по мнению публики, из коммерческих соображений сознательно «растягивает» публикацию романа. Даже близкие знакомые Каткова видели в этом «особые уловки» и едва ли не мошеннические ухищрения. «Протестуйте же снова хоть сто раз против приемов, применяемых Катковым. Никто не насмехается так над публикой, как он, заставляя ожидать, затаив дыхание, все интеллигентное население России» [25. С. 487–488], – так писал об этом романист и музыкальный критик Ф.М. Толстой, один из постоянных авторов «Русского вестника». В августе публикация была продолжена, но в декабре вновь была прервана. Вместо продолжения в журнале было напечатано письмо Достоевского, который, не желая допустить упреков в адрес редакции, извинялся перед читателями за неоконченный роман и

обещал окончить его «уже без перерывов»: «Пусть обвинения за неоконченный роман падут лишь на одного меня, а не коснется редакции “Русского вестника”, которую если и мог бы в чем упрекнуть, в данном случае, иной обвинитель, то разве в чрезвычайной деликатности ко мне как к писателю и в постоянной терпеливой снисходительности к моему ослабевшему здоровью» [26. С. 907–908]. К сожалению, свое обещание Достоевский сумел выполнить лишь отчасти, и с февраля 1880 г. печатание вновь прервалось на два месяца. Четвертая часть романа была напечатана в апреле, после чего опять последовал двухмесячный перерыв, но затем роман печатался уже регулярно, и эпилог был помещен в ноябре 1880 г. Следует отметить, что редакция «Русского вестника» всегда с пониманием и деликатностью относилась к писателю, понимая, насколько сложен и труден процесс его творчества, и что спешная работа может сказаться на литературной отделке произведения. Так, в момент, когда публикация романа «Братья Карамазовы» была прервана, профессор Н.А. Любимов успокоительно писал Достоевскому, чувствовавшему себя виноватым в нарушении обязательств, что «благодаря... тому, что у нас параллельно печатаются два романа – ваш и “Перелом” (роман Б.М. Маркевича. – Е.П.), большой пертурбации не будет, если отложить “Карамазовых” до июня» [27].

Издатели «Русского вестника» имели в своем распоряжении собственную типографию, оснащенную новейшей печатной техникой (с 1863 г. она была объединена с арендованной ими типографией Московского университета) [28], благодаря чему могли переиздавать наиболее любимыми читателям произведения. И хотя во второй половине XIX в. выплаты авторам за переиздание их текстов отдельными книгами были значительно ниже, чем за журнальную публикацию (вследствие слабо развитой – особенно в провинции – системы книжной торговли и библиотечной сети), тем не менее, они являлись существенной материальной поддержкой литераторам-профессионалам. Так, огромная популярность напечатанных в «Русском вестнике» в 1856–1857 гг. «Губернских очерков» М.Е. Салтыкова-Щедрина сделала необходи-

мой публикацию их отдельным изданием. Поскольку у самого писателя не было средств, постольку все расходы по изданию взял на себя Катков: в январе 1857 г. он издал двухтомник «Очерков», летом того же года предпринял второе издание, а в октябре издал третий том. Все три тиража разошлись очень быстро и дали Салтыкову около двух тысяч дохода. Впоследствии М.Е. Салтыков-Щедрин, чьи оценки как самого Каткова, так и его изданий всегда отличались крайней резкостью, с теплотой вспоминал о своем сотрудничестве в «Русском вестнике» в 1856–1858 гг.: «Этим я обязан Каткову, – признавался он. – И вообще за это время могу только добром помянуть Каткова» [29. С. 182]. В 1876 г. в университетской типографии был издан трехтомник «восточных повестей» К.Н. Леонтьева, что значительно улучшило материальное положение писателя, который после завершения дипломатической карьеры жил исключительно литературными трудами. В 1872 г., зная о бедственном материальном положении Н.С. Лескова, Катков издал и просто подарил писателю 1 200 экземпляров его романа «Соборяне» [19. С. 384]. В типографии издавались произведения и других постоянных авторов «Русского вестника» – Л.Н. Толстого, Ю.В. Жадовской, Е.А. Словцовой, Е.В. Салиас де Турнемир, Е.П. Блаватской, Н.П. Шаликовой, В.Л. Маркова, Н.Ф. Павлова и др.

Известны случаи, когда Катков продолжал заботиться о близких родственниках своих постоянных авторов, пытался оказать помощь семьям ушедших из жизни литераторов. Например, после смерти П.И. Мельникова, скончавшегося в 1883 г. в результате длительной болезни, его семья осталась почти без средств к существованию. Жене писателя императором была назначена пенсия в полторы тысячи рублей, однако после ее кончины выплаты были прекращены, и три незамужние дочери Мельникова оказались в крайне бедности. Катков, будучи уже сам тяжело болен, поддержал прошение министра народного просвещения И.Д. Делянова [3. К. 19. С. 181], обратившись за поддержкой к министру финансов И.А. Вышнеградскому, от которого зависел благоприятный исход дела, и в результате его содействия семья Мельникова была обеспечена [Там же. К. 49. Ед. хр. 8].

Таким образом, гонорарная политика «Русского вестника» содействовала сотрудничеству в этом издании наиболее ярких и талантливых литераторов второй половины XIX в. Для многих писателей-профессионалов, в том числе Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова, К.Н. Леонтьева, чьи доходы напрямую зависели от сотрудничества с тем или иным периодическим изданием, гонорарные выплаты «Русского вестника», в первую очередь, активно используемая издателями журнала авансовая форма оплаты, служили существенной материальной поддержкой и позволяли заниматься литературным творчеством без оглядки на повседневные бытовые нужды. Выплачиваемые М.Н. Катковым и П.М. Леонтьевым высокие гонорары способствовали дальнейшей профессионализации литературы, повышению социального статуса литератора и формированию в обществе представлений о литературном труде как о престижной и уважаемой деятельности.

Литература

1. Рейтблат А.И. Литературный гонорар как форма взаимосвязи писателей и публики // Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М. : НЛЮ. – «Historia Rossica», 2009. 448 с.
2. Корнилов А.А. Исторический очерк эпохи 60-х гг. // История русской литературы XIX в. / под ред. Д.Н. Овсяннико-Куликовского. М. : Изд-во Т-ва «Мир», 1908–1910. Т. III. 503 с.
3. Катков М.Н. Письмо Н.С. Соханской. 3 мая 1859 г. // НИОР РГБ. Ф. 120.
4. Толстой Л.Н. Письмо М.Н. Каткову. Ясная Поляна. 30 сентября 1864 г. // Л.Н. Толстой. Литературное наследство. М. : Изд-во АН СССР, 1939. Т. 37-38. 775 с.
5. Соколова А.И. Встречи и знакомства // Исторический вестник. 1911. Кн. 6.
6. И.К. Несколько слов о незабвенном М.Н. Каткове // Московские ведомости. 20.07.1897. № 198.
7. Драшусова Е.А. Воспоминания // ОРФ ГМИРЛ им. В.И. Даля. Ф. 65. Оп. 1. Ед. хр. 25. С. 170.
8. Любимов Н.А. Михаил Никифорович Катков. По личным воспоминаниям // Русский вестник. 1888. Кн. 1.
9. Станкевич А.В. Из воспоминаний. Катков // НИОР РГБ. Ф. 70. К. 94. Ед. хр. 11.
10. Достоевский Ф.М. Письмо А.Г. Достоевской. 4 января 1872 г. // Достоевский Ф.М., Достоевская А.Г. Переписка. М. : Наука, 1979. 482 с.
11. Соловьев С.М. Записки // Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М., 1983. 438 с.

12. М.К. <Катков М.Н.> Передовая статья // Московские ведомости. 20.04.1875. № 97.
13. Страхов Н.Н. Письмо Л.Н. Толстому. Санкт-Петербург. 1 января 1875 г. // Л.Н. Толстой. Литературное наследство. М. : Изд-во АН СССР, 1939. Т. 35-36. 567 с.
14. И.И. Лажечников. Письмо Ф.А. Кони. 18 апреля 1867 г. // Русский архив. 1812. Кн. 9.
15. Усов П.С. Павел Иванович Мельников (Андрей Печерский), его жизнь и литературная деятельность // Незнакомый Павел Мельников (Андрей Печерский). Нижний Новгород, 2011. 538 с.
16. Журнал исходящих бумаг редакции газеты «Московские ведомости» и журнала «Русский вестник» // РГАЛИ. Ф. 262. Оп. 3. Ед. хр. 17.
17. Фет А.А. Письмо В.П. Боткину. Москва. 18/30 мая 1857 г. // Литературное наследство. Т. 103 : в 2 кн. М. : ИМЛИ РАН, 2008. Кн. 1. 990 с.
18. Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова : в 2 т. М., 1984. Т. 1. 479 с.
19. Лесков Н.С. Письмо И.С. Аксакову. 25 ноября 1881 г. Петербург // Лесков Н.С. Собрание сочинений : в 11 т. М., 1958. Т. 11. 862 с.
20. Лесков Н.С. Письмо И.С. Аксакову. 23 апреля 1875 г. // Лесков Н.С. Собрание сочинений : в 11 т. М. : ГИХЛ, 1958. Т. 10. 598 с.
21. Катков М.Н. Письмо В.П. Безобразову. 1857 г. // Новое время. 1901. 15 августа (28 августа). № 9140.
22. Достоевская А.Г. Воспоминания. М., 1987. 541 с.
23. Достоевский Ф.М. Письмо С.А. Ивановой. Флоренция. 8 (20) марта 1869 г. // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. СПб. : Наука, 1972–1990. Т. 29, кн. 1. 573 с.
24. Розенблюм Л.М. Творческая история Достоевского-романиста // Литературное наследство. Т. 77: Ф.М. Достоевский в работе над романом «Подросток»: Творческие рукописи. М., 1965. 519 с.
25. Достоевский Ф.М.. Письмо О.Ф. Миллеру. 14 августа 1879 г. // Литературное наследство. Т. 86: Ф.М. Достоевский: Новые материалы и исследования. М., 1973. 790 с.
26. Достоевский Ф.М. Письмо к издателю «Русского вестника» // Русский вестник. 1879. Кн. 12.
27. Любимов Н.А. Письмо Ф.М. Достоевскому. 6 мая 1880 г. // НИОР РГБ. Ф. 93/II. К.6. Ед. хр. 33.
28. Перевалова Е.В. «Это был гуманный и заботливый хозяин типографии...»: М.Н. Катков как издатель // Текст. Книга. Книгоиздание. 2018. № 16. С. 119–147.
29. Пантелеев Л.Ф. Из воспоминаний о М.Е. Салтыкове-Щедрине // М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М., 1957. 875 с.

IN THE STRUGGLE FOR LITERARY TALENTS: THE FEE POLICY OF *THE RUSSIAN MESSENGER (RUSSKIY VESTNIK)* IN THE 1850S–1980S

Текст. Книга. Книгоиздание – Text. Book. Publishing, 2018, 18, pp. 65–90.

DOI: 10.17223/23062061/18/4

Peravalova Elena V., Higher School of the Press and Media Industry, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: helenpv@yandex.ru

Keywords: M.N. Katkov, P.M. Leontiev, publishers, *The Russian Messenger*, fee, flat fee, competition.

The article analyses the fee policy of *The Russian Messenger (Russkiy vestnik)* under M.N. Katkov and P.M. Leontiev. *The Russian Messenger* was a most respected Russian monthly magazine in the late 1850–1880s that published I.S. Turgenev, L.N. Tolstoy, F.M. Dostoevsky, A.A. Fet, F.I. Tyutchev, A.K. Tolstoy and others. The author focuses on the role of publishers in the monetary remuneration with authors, including criteria affecting the size of the remuneration for publication, and the measures used by the editors to encourage writers to cooperate. This perspective appears to be very topical in the context of growing interest to the processes of commercialisation of the Russian press in the second half of the nineteenth century. For the first time, the author introduces new, previously unexplored archival materials and unpublished letters of M.N. Katkov, N.F. Shcherbina, B.M. Markevich, P.I. Melnikov, previously understudied memories by E.A. Drashusova, A.I. Sokolova et al., data from the “Outgoing Papers” record-book of the joint editorial staff of *The Russian Messenger* and *Moskovskie Vedomosti* newspaper for 1870–1877. The analysis has shown that *The Russian Messenger* introduced a high flat fee, ranging from 75–100 roubles for aspiring authors to 300–400 roubles for renowned writers. I.S. Turgenev’s and L.N. Tolstoy’s fees were exceptionally high – 500 roubles per printer’s sheet. Poetry could bring up to 25 roubles per poem. It was very important for professional writers who did not have other sources of income that they got their fee from *The Russian Messenger* without delay and could get a substantial advance for their future works. The publishers provided a substantial financial support to F.M. Dostoevsky, N.S. Leskov, K.N. Leontiev and other authors, who constantly needed money and who could stick to creative work. *The Russian Messenger* publishers leased the Moscow University printing house, where they reprinted the most popular literature, which also substantial material support to professional writers. The author concludes that the fee policy of *The Russian Messenger*, namely its high flat fee and the system of advance payments, attracted the most brilliant and talented writers of the second half of the 19th century. High fees paid by M.N. Katkov and P.M. Leontiev promoted further professionalisation of literature and the higher social status of writers, thus making literary work a prestigious and respected activity.

References

1. Reytblat, A.I. (2009) *Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoy sotsiologii russkoy literatury* [From Bova to Balmont and other works on the historical sociology of Russian literature]. Moscow: NLO, Historia Rossica.

2. Kornilov, A.A. (1908–1910) Istoricheskiy ocherk epokhi 60-kh gg. [A historical sketch of the 1860s]. In: Ovsyaniko-Kulikovskiy, D.N. (ed.) *Istoriya russkoy literatury XIX v.* [History of Russian literature of the 19th century]. Vol. 3. Moscow: Mir.
3. Katkov, M.N. (1859) *Pis'mo N.S. Sokhanskoy. 3 maya 1859 g.* [Letter to N.S. Sokhanskaya. May 3, 1859]. Department of Manuscripts. Russian State Library. File 120.
4. Tolstoy, L.N. (1939) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 37–38. Moscow: USSR AS.
5. Sokolova, A.I. (1911) *Vstrechi i znakomstva* [Meetings and Dating]. *Istoricheskiy vestnik*. 6.
6. I.K. (1897) Neskol'ko slov o nezabvennom M.N. Katkove [A few words about the unforgettable M.N. Katkov]. *Moskovskie vedomosti*. 20th July.
7. Drashusova, E.A. (n.d.) *Vospominaniya* [Memoirs]. Department of Manuscripts, ORF The State Museum of the History of Russian Literature. Fund 65. List 1. File 25. p. 170.
8. Lyubimov, N.A. (1888) Mikhail Nikiforovich Katkov. Po lichnym vospominaniyam [Mikhail Nikiforovich Katkov. In personal memories]. *Russkiy vestnik*. 1.
9. Stankevich, A.V. (n.d.) Iz vospominaniy. Katkov [From the memoirs. Katkov]. Department of Manuscripts. Russian State Library. Fund 70. List 94. File 11.
10. Dostoevsky, F.M. (1979) *Pis'mo A.G. Dostoevskoy. 4 yanvarya 1872 g.* [Letter to A.G. Dostoevskaya. January 4, 1872]. In: Dostoevsky, F.M. & Dostoevskaya, A.G. (1979) *Perepiska* [Correspondence]. Moscow: Nauka.
11. Soloviev, S.M. (1983) *Izbrannye trudy. Zapiski* [Selected Works. Notes]. Moscow: Moscow State University.
12. Katkov, M.N. (1875) *Peredovaya stat'ya* [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 20th April.
13. Strakhov, N.N. (1939) *Pis'mo L.N. Tolstomu. Sankt-Peterburg. 1 yanvarya 1875 g.* [Letter to L.N. Tolstoy. St. Petersburg. January 1, 1875]. In: Tolstoy, L.N. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 35–36. Moscow: USSR AS.
14. Lazhechnikov, I.I. (1812) *Pis'mo F.A. Koni. 18 aprelya 1867 g.* [Letter to F.A. Koni. April 18, 1867]. *Russkiy arkhiv*. 9.
15. Usov, P.S. (2011) Pavel Ivanovich Melnikov (Andrey Pecherskiy), ego zhizn' i literaturnaya deyatel'nost' [Pavel Ivanovich Melnikov (Andrei Pechersky), his life and literary activity]. In: Melnikov, P.I. *Neznakomyy Pavel Mel'nikov (Andrey Pecherskiy)* [Unkown Pavel Melnikov (Andrei Pechersky)]. Nizhny Novgorod: Knigi.
16. *Moskovskie vedomosti* and *The Russian Messenger* Joint Editorial Board. (n.d.) Zhurnal iskhodyashchikh bumag redaktsii gazety “Moskovskie vedomosti” i zhurnala “Russkiy vestnik” [“Outgoing Papers” record-book of the joint editorial office of the newspaper “Moskovskie Vedomosti” and the magazine “The Russian Messenger”]. Russian State Archive of Literature and Art. Fund 262. List 3. File 17.
17. Fet, A.A. (2008) *Pis'mo V.P. Botkinu. Moskva. 18/30 maya 1857 g.* [Letter to V.P. Botkin. Moscow. May 18/30, 1857]. In: Dinesman, T.G. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Vol. 103(1). Moscow: IWL RAS.

18. Leskov, A.N. (1984) *Zhizn' Nikolaya Leskova* [The life of Nikolai Leskov]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
19. Leskov, N.S. (1958a) *Sobranie sochineniy v 11 t.* [Collected Works. In 11 vols]. Vol. 11. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
20. Leskov, N.S. (1958b) *Sobranie sochineniy v 11 t.* [Collected Works. In 11 vols]. Vol. 10. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
21. Katkov, M.N. (1901) Pis'mo V.P. Bezobrazovu. 1857 g. [Letter to V.P. Bezobrazov. 1857]. *Novoe vremya*. 15th August.
22. Dostoevskaya, A.G. (1987) *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Pravda.
23. Dostoevsky, F.M. (1986) *Polnoe sobranie sochineniy. V 30 tt.* [Collected Works. In 30 vols]. Vol. 29(1). St. Petersburg: Nauka.
24. Rozenblum, L.M. (1965) Tvorcheskaya istoriya Dostoevskogo-romanista [The creative history of Dostoevsky-novelist]. In: Zilberstein, I.S. & Rosenblum, L.M. (eds) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Vol. 77. Moscow: Nauka.
25. Dostoevsky, F.M. (1973) Pis'mo O.F. Milleru. 14 avgusta 1879 g. [Letter to O.F. Miller. August 14, 1879]. In: Zilberstein, I.S. & Rosenblum, L.M. (eds) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Vol. 86. Moscow: Nauka.
26. Dostoevsky, F.M. (1879) Pis'mo k izdatelyu "Russkogo vestnika" [A letter to the publisher of "The Russian Messenger"]. *Russkiy vestnik – The Russian Messenger*. 12.
27. Lyubimov, N.A. (n.d.) *Pis'mo F.M. Dostoevskomu. 6 maya 1880 g.* [Letter to F.M. Dostoevsky. May 6, 1880]. Department of Manuscripts. Russian State Library. Fund 93/II. Book 6. File 33.
28. Perevalova, E.V. (2018) It was a humane and caring owner of a printing house...": Mikhail Katkov as a publisher. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 16. pp. 119–147. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/16/8
29. Pantelev, L.F. (1957) Iz vospominaniy o M.E. Saltykove-Shchedrine [From the memories of M.E. Saltykov-Shchedrin]. In: Makashin, M.A. (ed.) *M.E. Saltykov-Shchedrin v vospominaniyakh sovremennikov* [M.E. Saltykov-Shchedrin in the memoirs of contemporaries]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

УДК 372.416.2

DOI: 10.17223/23062061/18/5

Е.Ю. Ромашина, В.Г. Безрогов

КНИГОИЗДАТЕЛЬ И АВТОР: АЗБУКА В РОССИИ СЕРЕДИНЫ XIX в.¹

***Аннотация.** В основу исследования авторами положен локальный кейс: первая часть азбуки «Елка» А.М. Дараган (14 переизданий, 1845–1907 гг.). Пособие рассмотрено как уникальное педагогическое и полиграфическое явление. Важнейшей особенностью издания явилось то, что в течение полувека его текст оставался константой, тогда как полиграфическое исполнение претерпевало существенные изменения. В статье проведены аналогии между учебником Дараган и знаменитыми пособиями по начальному обучению родному языку Анны Барбо (Anna Letitia Barbould, Англия) и Анабль Тастю (Sabine Casimire Amable Tastu, Франция). Выявлены варианты и инварианты изданий «Елки» в России, определены закономерные связи между полиграфией и дидактикой данного учебника как продукта взаимодействия и взаимовлияния книгоиздателя и автора.*

Ключевые слова: азбука, учебник, обучение чтению, грамота, учебное книгоиздание, текст, визуальный ряд.

К середине XIX в. представления о назначении, характере, содержании и форме пособий для первоначального обучения грамоте претерпели в России существенные изменения. Появление и распространение новых полиграфических техник (прежде всего, ксилографии и литографии) повлекли за собой развитие отечественного учебного книгоиздания как сравнительно массового явления, превратили азбуку / букварь в актуальный и привлекательный «товар», особый «продукт» совместных усилий автора / составителя-педагога и издателя / типографа. Удешевление процесса изготовления школьных учебников, необходимость учета возрастных особенностей детей (их предметно-образного мышления), сама ситуация невозможности текстуального оформления важной социальной и культурной информации для человека, пока не умеющего

---

¹ Работа поддержана грантами Отделения социальных и гуманитарных наук РФФИ № 16-06-00113а и 17-06-00066а.

читать, побуждали авторов и издателей искать эффективные способы репрезентации в азбуках и букварях учебного материала – прежде всего, через новшества книжной формы: шрифтовые выделения, способы размещения текстов, иллюстрации, декоративные элементы, дизайн титульного листа и др. В результате визуальные и вербальные компоненты учебной книги вступали в сложные взаимоотношения и взаимодействия, формируя «веер возможностей» для реализации в азбуке / букваре функций обучения и развития ребенка не только через текст, но и через внетекстовые составляющие.

Для изучения проблемы взаимодействия автора учебника и его издателя нами была выбрана исследовательская стратегия case study, позволяющая посредством изучения единичного / уникального объекта и сопоставления его с аналогами выделить черты и характеристики, общие для целого класса явлений и особенные для конкретного случая, страны, эпохи. В нашем случае эмпирическим объектом выступило издание «Елка. Подарок на Рождество: азбука с примерами постепенного чтения» [1] А.М. Дараган¹.

«Азбука» имела объем в 112 страниц и содержала множество иллюстраций. В предисловии Анна Дараган разъясняла «методу», положенную ею в основу учебника, и выражала надежду, что «книга принесет детям пользу и не мало удовольствия» [1. С. IV]. Содержание пособия было разбито автором на шесть глав-недель и 36 уроков «постепенного чтения». Азбука, посвященная детям великой княгини цесаревны Марии Александровны, была прекрасно иллюстрирована и представляла собой незаурядное произведение

---

¹ Анна Михайловна Дараган (23.02.1806, Санкт-Петербург – 11.08.1877, Вильно) – дочь ректора Императорского Санкт-Петербургского университета, сенатора Михаила Андреевича Балугьянского, с 1849 по 1856 г. – начальница Николаевского сиротского института в Санкт-Петербурге, супруга тульского губернатора Петра Михайловича Дарагана, мать пятерых детей [2]. Ее перу принадлежат не только азбука «Елка», но также «Чтения для детей из Священной истории» (1848), «Естественная история животных, рассказанная для детей» (1849) и «Руководство к детским садам по методу Фредерика Фрэбеля» (1862) [3–5].

типографского искусства. С 1845 по 1907 г. «Елка» выдержала 14 переизданий, из них четыре – после смерти автора¹.

Почему для своего кейса мы выбрали именно это пособие? Прежде всего, потому, что на протяжении полувека его текст оставался абсолютно неизменным, тогда как визуальное оформление пребывало в постоянной динамике. Эта особенность позволила выявить взаимосвязи между полиграфией и дидактикой данного пособия, рассмотреть его как продукт взаимодействия и взаимовлияния издателя(ей) и автора, определить созвучие и / или диссонанс голосов составителя – педагога / методиста, иллюстратора – художника / гравера и издателя – типографа / книгопродавца.

Впервые «Елка» увидела свет в 1845 г., в типографии «*Journal de Saint-Petersbourg*», принадлежащей de facto Министерству иностранных дел. Еще в 1806 г. в Петербурге была основана официальная газета на французском языке для противодействия пропаганде Наполеона. Первоначально она выходила под названием «*Journal du Nord*», с 1812 г. – «*Conservateur impartial*», а с 1825 г. – «*Journal de Saint-Petersbourg*». Ее издание и редакция передавались министерством специально отобранным частным лицам. В 1824 г. редактором газеты, а с 1831 г. и ее издателем стал Эдуард Александрович Сансе (1797–1875)². В 1839 г. по разрешению императора (и вероятно, с согласия Министерства иностранных дел) он открыл собственную типографию, которая получила одноименное с газетой название – «*Journal de Saint-Petersbourg*». С 1847 по 1852 г. газету сопровождало приложение «*Suppliments d'intérieur au Journal de Saint-Petersbourg*»; с 1841 по 1849 г. – воскресный еже-

---

¹ Отметим, что существовала и вторая часть пособия – книга для чтения после освоения ребенком первоначальной грамоты. Она была впервые издана в 1846 г., и затем переиздана 6 раз (до 1874 г.), но об этой части в статье речь не пойдет.

² Сансе приехал в Россию в 1820 г. и служил в ведомствах Министерства финансов, Кабинета Его Императорского Величества, Министерства иностранных дел, Министерства Императорского Двора, всюду выполняя обязанности по иностранной переписке. В 1854 г. он дослужился до чина действительного статского советника и принял российское подданство. В должности издателя-редактора «*Journal de Saint-Petersbourg*» Эдуард Сансе оставался до 1 января 1856 г. [6. С. 48].

недельник «Le messenger de Saint-Petersbourg: Revue générale de la littérature, des sciences, des arts, des connaissances utiles, du commerce, de l'industrie, des théâtres et des modes». Помимо официальных материалов в них публиковались сведения о деятельности научных, культурных и благотворительных учреждений. Типография выпускала издания на русском, немецком, французском, английском и итальянском языках, ее полиграфические возможности существенно превышали средний российский уровень. Впрочем, иллюстрированных изданий в репертуаре не было. С 1839 г. редакция получила право по разрешению полиции печатать рекламные объявления учреждений и частных лиц. В результате предприятие Сансе стало своеобразным центром петербургской книжной торговли, прежде всего, иностранной: рекламу своих магазинов на страницах газеты размещали Фердинанд Беллизар, Карл Вейер, Иоганн Гауэр, Александр Геверт, Вильгельм Грефф, Диксон, Киртон, Иосиф Курт, Карл Лури, Адольф Мюнкс, Поэнкаре, Генрих Прево, Генрих Шмицдорф, Эггерс и др. [6; 7. С. 51].

Именно в этой типографии было подготовлено и отпечатано первое издание азбуки Анны Дараган. В контексте наших рассуждений это обстоятельство важно сразу в двух аспектах: во-первых, полиграфическое оснащение типографии сделало возможным создание учебника, визуальное оформление которого качественным образом отличалось от большинства российских азбук того времени; во-вторых, служебное положение, официальный статус и торгово-издательская политика Эдуарда Сансе сформировали круг деловых и интеллектуальных связей, попадая в который, авторы книг оказывались причастными к традициям и новациям. Возможно, именно через Сансе Дараган познакомилась с педагогическими новинками европейской детской и учебной литературы и затем смогла убедить его в необходимости новаторского учебника по начальной грамоте, в котором визуальный ряд будет играть роль не столько иллюстрации, сколько дидактического средства.

Постараемся последовательно раскрыть, как эти обстоятельства и личность Анны Дараган, творчески переработавшей свой опыт учительницы и матери, отразились на характере ее азбуки.

В предисловии к первому изданию «Елки» Анна Михайловна писала: «Мне кажется, что в детской книге прежде всего должна быть строгая последовательность, ясное изложение, краткость выражений и занимательность рассказов. Руководствуясь любой из наших старых и новейших азбук, ребенок после однообразного, утомительного и страшно-скучного изучения складов переходит к словам, которые он никогда не слыхивал и не понимает. Сначала он скучал учиться, потому что в складах нет смысла, а, перейдя к словам, скучает от того, что не понимает смысла таких слов, как например: ...естествоиспытатель, злополучнейший... скоропостижно, астролябия, Этна, Фемида, Мавзолей... и проч. <...> Надо по возможности сделать первое учение приятным или, по крайней мере, не скучным, чтобы впоследствии ребенок не боялся слова: “учиться”...» [1. С. II]. Тезис о различении «учиться» и «заставлять – скучать – зубрить» был тогда еще вполне новаторским для педагогического сознания российской читающей публики и профессионального учительского сообщества.

Как же достичь устойчивого внимания ребенка и заинтересованного постижения им школьной науки? Изучив «наши старые и новейшие азбуки», познакомившись с зарубежными аналогами, автор предлагала ряд новых правил для «системы занятий»: «как можно скорее применять склады к словам» (т.е. от букв и слогов переходить к осмысленному чтению); соблюдать «строгую постепенность» и достигать прочности усвоения азбуки; использовать «художественно отделанные картинки», поскольку «за книжкой с картинками дитя охотно проводит целые часы» [Там же. С. III]. Каждое из этих правил по отдельности, а еще более их совокупность маркировала существенные новации в деле обучения грамоте. «Азбука» Дараган была составлена на основе звукового метода обучения чтению – уже известного, но еще редко применяемого в России в 40-е гг. XIX в. Анна Михайловна советовала не сообщать ребенку «имен букв» (аз, буки и т.д.), а называть сразу звуки; не выучивать всей азбуки в порядке алфавитного ряда, но начинать с гласных, а затем в соединении с ними показывать букву *Б* – и вот «ребенок уже складывает и читает слова: Баба, бобы и т.д.» [Там же]. В «Азбуке» Да-

раган не было бесконечных страниц слогов – привычных для традиционного буквослагательного метода. Она полагала, что нужно «как можно теснее соединить изучение слогов с чтением слов», причем слов, «смысл которых безо всяких пояснений был бы доступен детским понятиям» [1. С. II]. Такой прием делал *возможным и необходимым* применение в учебной книге иллюстраций: картинка становилась подсказкой, «мостиком» между символическим знаком – буквой и семантически нагруженной конструкцией из этих знаков – словом. Иллюстрация на странице азбуки показывала ребенку понятные и знакомые предметы, чьи названия или наименования действий с ними содержали в начале, середине или в конце изучаемую букву. Учебная картинка помогала преодолеть барьер между взглядом, речью и печатным словом. Дараган отмечала, что «картинки чрезвычайно важная вещь в детской книге» – они делают ученье «по возможности легким и приятным занятием» [Там же. С. III].

Полиграфическое исполнение и предложенные приемы обучения превратили «Елку» 1845 г. издания в некое «послание» из будущего: столь тесное «сотрудничество» иллюстрации и текста – характеристика учебных пособий гораздо более позднего времени. Связка «картинка – слово» стала свойственна российским азбукам только в начале XX в., в рамках обучения чтению по «американскому» методу целых слов. Не станем утверждать, что Анна Дараган явилась предвестницей данного метода в России, но некоторый вектор движения в эту сторону ею был определенно задан. В «Елке» счастливым образом сошлись техническая возможность иллюстрирования, обеспеченная хорошо оснащенной типографией, и прозрение автора – опытного педагога, интуитивно нащупавшего путь к новым образовательным практикам. Чтобы их увидеть, перевернем обложку и заглянем в первое издание азбуки «Елка».

Первый ее раздел (6 уроков) иллюстраций не содержал, но со второй недели занятий ребенок обнаруживал в азбуке картинки: на левой странице разворота помещались слова для первоначального чтения, на правой – иллюстрации к ним. С 14-го урока (чтение целых предложений) картинки размещались в непосредственной близости к текстам (рис. 1).

Рис. 1. Дараган А.М. Елка: Подарок на Рождество (1845). С. 26–27, 78

Обратим внимание на то, что иллюстративные материалы в издании 1845 г. имели высокое качество полиграфического исполнения, что выгодно отличало эту азбуку от многих других. Еще раз подчеркнем, что уже в первом издании «Елки» рисунки были прямо соотнесены с содержанием текстов. Для современного педагога такое положение дел кажется очевидным, но издательская практика середины XIX в. дает множество иных примеров: в это время иллюстрации еще не обладали устойчивой дидактической функцией и часто использовались исключительно для декорирования книги. Кроме того, обычным делом было использование типографами готовых политипажей (часто подержанных, купленных русскими издателями как «second hand» у европейских коллег), что порождало множество ошибок и рассогласований между иллюстрациями и текстом [8. С. 207, 233]. Мы не знаем, создавались ли иллюстрации «Елки» специально для этой книги, но в любом случае текстам они соответствовали.

Вероятнее всего, рисунки с изображением отдельных предметов, служащие подсказкой к слову, подбирались издателем из

имеющихся клише, а многофигурные сюжетные иллюстрации были заказаны к текстам специально. На некоторых из них имеется подпись, позволившая установить авторство рисунков. Среди имен, которые удалось расшифровать, Рудольф Казимирович Жуковский (1814–1886) – художник-иллюстратор и литограф, сотрудничавший с Н.А. Некрасовым, иллюстрировавший «Конька-горбунка» П.П. Ершова, басни И.А. Крылова и др., его вензель из начальных букв имени и фамилии – R Z встречается в «Елке» несколько раз [9]. На некоторых иллюстрациях Жуковского стоит также подпись Д. Дунина – гравера, копииста картин для печати, в 1844 г. вольноприходящего ученика Академии художеств [10] (рис. 2).

Рис. 2. Худ. Р. Жуковский, гравер Д. Дунин. Дараган А.М. Елка: Подарок на Рождество (1845). С. 88

Рисунки в «Елке» главным образом выполняли пояснительно-иллюстративную функцию: дополняли и разъясняли значение отдельных слов, предложений и текстов. Однако этим роль визуального ряда в «Елке» не ограничивалась. В пособии присутствовал первый известный нам в практике российского учебного книгоиздания пример установления автором взаимосвязей между образом и текстом. Анной Дараган были сформулированы вопросы именно к визуальным материалам пособия: «Что нарисовано здесь?», «Он принес вам новую книгу с хорошими картинками. Хотите ли взглянуть на одну из них? Что нарисовано тут?», «Хочешь ли ты взглянуть на картину, где представлены качели?» [1. С. 80, 87–88, 93]. Азбука не содержала методических рекомендаций по работе с изображениями (ни для учителя, ни для ученика), но, тем не менее, появление в ней взаимодействия текста и визуального ряда на уровне и методики обучения, и книжного дизайна знаменательно.

Второе и третье издания «Елки» (1846 и 1852 гг.) вышли в типографии Второго отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. С 1826 по 1847 г. Второе отделение возглавлял М.А. Балугьянский (1769–1847) – отец Анны [11]. Эта государственная типография была основана в 1827 г., она имела самостоятельный штат (в разные годы от 30 до 50 сотрудников) и бюджет, подчинялась одновременно Комитету по надзору за печатанием Полного собрания законов Российской империи и военному ведомству. Выпускала типография главным образом правительственные документы и сборники законодательных актов, но выполняла и частные заказы [12].

Авторитет сенатора Михаила Андреевича Балугьянского позволил продолжить дело, начатое Сансе. Переиздания «Елки» практически идентичны первому: текст и иллюстрации те же, но набор сделан заново – размещение материалов по страницам стало иным [1. С. 25, 27, 47 и др.]. Появилась одна новая иллюстрация – перед разделом с молитвами [13] (рис. 3). Интересно, что это изображение школы, обрамленное множеством аллегорических элементов. Оно не имело прямого и очевидного отношения ни к содержанию раздела – молитвам, ни к адресации самой азбуки, предназначен-

ной автором для домашнего обучения. Использование данной иллюстрации единично – в следующих изданиях мы ее не встречаем. Логично предположить, что этот элемент появился в азбуке «с подачи» типографии Второго отделения и сыграл роль чисто декоративную – заполнил пустующее в наборе место.

Рис. 3. Дараган А.М. Елка: Подарок на Рождество (1846). С. 112

Все последующие издания азбуки Анны Дараган были выпущены известнейшим российским книгоиздателем Маврикием Осиповичем Вольфом (Maurycy Bolesław Wolff, 1825–1883). В одном из своих первых «обращений к публике» он отмечал, что считает издателей «слугами общества, обязанными удовлетворять эстетические и умственные потребности читающих, и что... он намерен ...в своей издательской программе обнять, по мере возможности, все те произведения науки и литературы, на которые имеется спрос и в области которых замечаются наибольшие провалы» [14]. Особое место в издательском деле М.О. Вольфа занимали книги для детей и юношества. Вольф гордился тем, что «изданием различных рисунков, коллекций минералов, коллекций предметов, обрабатываемых промышленностью и т.д.» он первым «перенес на русскую почву столь важное педагогическое нововве-

дение, как наглядный способ обучения» [14]. «Мы держались той мысли, – писал он, – что для развития ребенка необходима самая разнообразная умственная пища. Поэтому мы издавали все хорошее, что могли добыть, имея в виду, что затем уже дело педагогов – предлагать воспитывающемуся юношеству ту или другую умственную пищу, и в той пропорции, и в том порядке, какие найдены будут для каждого субъекта наиболее пригодными» [Там же].

В «Каталоге русского отделения книжного магазина Маврикия Осиповича Вольфа» за 1862 г. значилось и пятое издание азбуки Анны Дараган со следующей аннотацией: «До сих пор у нас не было еще принято обучать детей чтению систематически, так чтобы и при самом механическом занятии развивать ум и понятия ребенка. Г-жа Дараган у нас первую поняла всю необходимость такого рационального обучения азбуке и простому чтению и по следам госпож Barbauld, Tastu составила свою АЗБУКУ-ЕЛКУ. Многолетний опыт, как бывшей Директрисы Николаевского Института, убедил ее в успехе придуманного способа обучения детей грамоте. – Доказательством его полезности служит, что ЕЛКА достигла ПЯТОГО ИЗДАНИЯ, хотя каждое напечатано было в огромном количестве экземпляров» [15. С. 5]. Такие аннотации, по мысли Вольфа, поясняли причины, побудившие его «потратить и материальные средства, и личный труд на издание» [16. С. 9].

Итак, Вольф номинировал Анну Дараган как продолжательницу в России идей Barbauld и Tastu, т.е. Анны Барбо (Anna Letitia Barbauld) и Анабль Тастю (Sabine Casimire Amable Tastu), авторов знаменитых в Англии и Франции пособий по начальному обучению родному языку. Были ли у Вольфа-издателя основания для подобного сопоставления или такая рекомендация была его ловким рекламным ходом? Известная чуткость Маврикия Вольфа к вкусам и нуждам читателей не позволяет а priori счесть данную им Анне Дараган характеристику простой репликой обывателя и / или расчетом торговца. Но действительно ли «Елка» Анны Дараган занимала в истории российской учебной книги место, соотносимое с французским и английским аналогами? И почему необычайно внимательный к иллюстративному ряду Вольф счел методу Дара-

ган особо подходящей для конструирования иллюстрированных русских азбук? Попробуем разобраться в этом вопросе...

С одной стороны, издатель и негоциант с широкими европейскими связями и опытом, Вольф прекрасно знал современный ему книжный рынок и репертуар печатной продукции для детей. Маврикию Осиповичу не понаслышке были известны пособия Барбо и Тастю: он сам распространял их в России [15. С. 275, 288]. С другой стороны, художественная и учебная литература для начального образования составляла важную и значительную часть его собственных изданий¹. Вольф и его продолжатели («Товарищество М.О. Вольфа») во многом определяли характер и контент начального чтения в России второй половины XIX – начала XX в. «Мое первое чтение», «Моя первая Священная история», «Моя первая естественная история», «Моя первая русская история» – эти и многие другие издания стали представлять русскую детскую учебную книгу как таковую. Выбор Вольфом «Елки» в качестве длительного «издательского проекта» и атрибуция Анны Дараган как наследницы и продолжательницы идей и опыта Барбо и Тастю заслуживают внимательного рассмотрения.

Lessons for Children (1778) Анны Летиции Барбо (Barbauld, 1743–1825), автора и редактора детских книг, преподавателя основанного ею колледжа, английские и американские исследователи считают «революцией в детской литературе» [20]. В них «впервые были серьезно рассмотрены потребности ребенка-читателя: Барбо потребовала, чтобы ее книги печатались крупным шрифтом с широкими полями, чтобы дети могли легко их прочитать» [21]. Анна Барбо активно применяла вопросы, адресованные ученику: диалоги и монологи на самые разные темы входили в состав текстов ее пособий. По возможности рядом располагалась соответствующая иллюстрация. Однако вопросов к визуальным материалам в ее

---

¹ Заметим, что азбука «Елка» была встроена в традицию «книга = подарок ребенку на Рождество» и также, вероятно, способствовала созданию и распространению этой традиции, поскольку была одним из первых изданий подобного рода. В 1860–1870-е гг. существовали уже целые серии и подборки таких книг, в том числе в книжном магазине и издательстве М.О. Вольфа [17–19].

учебнике не было на всем протяжении его издательской истории с 1778 по 1869 г. Отметим, что в версиях разных лет (выходивших в свет в различных типографиях и городах) иллюстрации менялись как по содержанию, так и по количеству и качеству¹. Не забудем, что пособие Барбо было ориентировано на занятия с детьми, начиная с двух-трех лет: оно не содержало азбучной части; предполагалось, что первые тексты читает взрослый и ведет с ребенком беседы развивающего характера – о временах года, определении времени, количестве пальцев на руке и т.п. А вот часть третья начиналась так: «...что за умная вещь – читать! Еще недавно, ты знаешь, ты мог прочесть только короткие слова, и складывал их по буквам – к-о-т, кот (cat), п-ё-с, пёс (dog). А теперь ты вполне способен прочесть целый рассказ. Я собираюсь написать для тебя несколько» [22. С. 96]. Как произошло пошаговое освоение данной «умной вещи», оставалось для читателя предметом чаяния и практического обретения – в пособии это не отражалось.

Анализ показывает, что проводить прямые параллели между учебником Барбо и азбукой Дараган не слишком корректно. Но, пожалуй, можно говорить о том, что Анна Дараган продолжила традицию «рационального обучения азбуке и простому чтению»: последовательное применение звукового метода, внимание к дизайну страницы и внешнему виду пособия в целом отличали данного автора от других, не особенно вникавших в проблемы

---

¹ Во многом это было обусловлено, конечно, типографскими техниками. Так, в издании 1814 г. (Дублин) материалов изобразительного характера не имелось вовсе, визуальный ряд пособия был организован только разделительными линиями и общим дизайном страницы: широкие поля, большой интервал между строками, четкий шрифт и т.д. [22]. Иллюстрации в издании 1823 г. (Бостон) представляли собой гравюры по металлу достаточно хорошего качества, размещенные на отдельных листах-вклейках [23]. А в издании 1867 г. (Лондон) это были гравюры на дереве, хуже качеством, зато размещенные в непосредственной близости к текстам [24]. В переводах «Уроков» Барбо на французский язык число иллюстраций было резко сокращено, а в одной из последних по хронологии публикаций (1871 г.) их не было вовсе. Кроме того, во французской версии присутствовали в основном не сюжетные многофигурные картины, как в оригинале, а рисунки предметов и животных [25].

оформления учебного издания, приспособления книги к нуждам читателя-ребенка. Вместе с тем в организации взаимодействия текста и иллюстраций Дараган был сделан шаг вперед по сравнению с изданиями Барбо. Отметим, что в 1860–1870-е гг. в России стали появляться пособия, составленные «по методу Дараган» [26, 27]. Их авторы также обращали внимание на дидактические характеристики визуального ряда учебника: буквы и тексты сопровождались картинками, которые, правда, в основном выполняли декоративную и иллюстративную функции, поясняя слова на данную букву. Следование «методу Дараган» здесь было частичным и, пожалуй, в большей степени внешне-формальным, чем осмысленно-содержательным.

Второе имя, которое упомянул в своей аннотации Вольф, – это Анабль Тастю (Sabine Casimire Amable Tastu, урожд. Voïart, 1795–1885), известная своим учебником *Éducation maternelle: simples leçons d'une mère à ses enfants* (1836–1842) [28]. «Простые уроки от матери к ее детям» переиздавались несколько раз (по 1869 г.) и наряду с книгами Барбо были популярны, в том числе в России¹. Рекламная афиша издания 1843 г. хорошо визуализировала и резюмировала содержание пособия: мать сидит с книгой на коленях, в окружении мальчиков и девочек примерно от пяти до девяти лет; дети слушают ее наставления, играют на пианино, рисуют. Гирлянда, окружающая центральную композицию, демонстрирует, чему помимо освоения грамоты детям предстоит учиться: Священной истории, арифметике, географии, естествознанию. Дей-

---

¹ Например, в семье Чайковских гувернантка практиковала переводы небольших рассказов из этого пособия на русский [29. С. 969; 30. С. 235–236; 31. С. 205]. М.К. Цебрикова писала о конспектировании в семьях «Материнского воспитания» [32. С. 75]. Данную книгу восторженно вспоминал Л.И. Поливанов, рецензент «Руководства к преподаванию по “Родному слову”» Ушинского: «Мы еще помним некогда знаменитую изящную книгу с прекрасными рисунками... эту энциклопедию, бывшую настольной книгою у многих матерей при первоначальном обучении» [33. С. 83]. Распространительницей идей Тастю в России была А.О. Ишимова, и продолжавшая, и спорившая с ней в своих переработках «Материнского воспитания». Ишимова и Тастю – предмет для отдельной работы, здесь мы не будем подробно касаться этой темы.

ствительно, пособие Тастю, в отличие от учебника Барбо, строилось как учебная энциклопедия. Оно состояло из девяти книг: первая – чтение, затем письмо, упражнения на запоминание, арифметика, грамматика, орфография и диктанты, география, Священная история и в заключение – дополнительные занимательные сведения из разных областей (познание окружающего мира и литературы). Примерный учебный план предусматривал нарастающее изо дня в день использование материалов из разных частей книги на разных уроках.

Первая из книг «Материнского воспитания» начиналась с забавного фигурного алфавита: каждую букву демонстрировали мальчики и девочки в разных позах [28. С. 6] (рис. 4)¹.

Рис. 4. Tastu, *Amable Éducation maternelle: simples leçons d'une mère à ses enfants*. P. 6

После небольшого числа «складов» переходили к чтению слов. Уроки были снабжены значительным числом изображений, которые носили иллюстративный, пояснительный и орнаментальный

¹ Отметим, что традиция фигурных алфавитов наиболее характерна именно для французских букварей и гораздо реже встречалась в пособиях других европейских стран, России в том числе [34].

характер, специальных вопросов к ним пособие не предлагало. Можно предполагать стихийное обсуждение учениками гравюр, которые иллюстрировали текст.

При изучении букв и слов в пособии Тастю, а затем и Дараган (но не Барбо) взгляд ученика особо направлялся автором не только к сюжетным рисункам, но и к графическому изображению самого печатного знака, что, вероятно, позволяло ребенку быстрее и эффективнее запоминать алфавит.

Сравним строки первого «урока» двух пособий. У Тастю это «Первая встреча»:

«Есть ли здесь ребёнок, который бы хотел научиться читать? Как только он начнёт понимать мои уроки, я подарю ему прекрасную книгу с хорошими историями и красивыми картинками. Поскольку этот прилежный ребёнок – ты, мы с тобой собираемся выучить сначала 25 букв алфавита. Когда же мы будем знать их форму и названия, мы их соберём вместе, и ты немедленно начнёшь бегло читать. Это станет для тебя новым существованием, так как это большое счастье – уметь читать! Так что слушай меня внимательно. Вот страница, на которой изображены все прописные и строчные буквы; вместе эти буквы называются алфавит: он используется для написания всех слов, которые только существуют; других букв не бывает, только эти. Я тебе их покажу <...> Ты видишь, что они [буквы] бывают двух видов: те, что побольше, называются прописные; те, что поменьше, называются строчные. Боясь, что ты запомнишь буквы алфавита только подряд, поменяем их местами. Очень хорошо! Посмотрим теперь, назовёшь ли ты некоторые из них. – Как называется эта? – *А*. – Хорошо, это прописная *А* или строчная? – Прописная. – Так и есть. *А* где же маленькая? Покажи мне прописную букву *С*. Теперь строчную. Где же прописная буква *В*? *А* строчная *в*? Ты ошибся, это строчная *д*. Видишь, она повернута в другую сторону. Хорошо и достаточно на сегодня. Посмотри, сможешь ли ты завтра выучить больше» [28. С. 3–4].

А вот первый урок у Дараган:

«Кто хочет читать, тот должен сперва выучить и запомнить буквы. Без букв читать нельзя. Вот взгляни на эту букву и повтори за мной: *А*.

Как я назвала эту первую букву?

Заметь, что каждую букву пишут побольше и поменьше. Которое *А* больше и которое меньше?

Вторую букву зовут *Е*. Где *а*? где *е*?

Покажи большое *Е*? маленькое *е*? <...>

Сколько букв ты сегодня выучила?

Назови мне их сряду; повтори их вразбивку; довольно. Завтра постарайся учиться так же хорошо, как ты училась сегодня» [1. С. 2].

Как мы видим, общность подхода несомненна, как и его развитие за счет методического инструментария, более надежно закрепившего связь текста и визуала. «Прекрасные рисунки» книги Тастю, столь милые памяти учеников и учителей, были дополнены разработанными Дараган вопросами к изображениям, стимулировавшими разглядывание, понимание картины и развивавшими умения читать и говорить. Сложно сказать, действительно ли Анна Михайловна знала труды своих предшественниц, имена которых в рекламных целях обозначил Вольф, но в любом случае европейский опыт обучения чтению ей был не только явно знаком, но и творчески доработан и применен. В середине XIX в. азбука «Елка» и содержательно, и полиграфически находилась на уровне качественных европейских учебных книг для начального обучения. «Главный российский издатель» того времени, стремящийся к соответствию внутренних (содержание, «литературно-педагогические достоинства») и внешних (рисунки, изящество печати) характеристик своей продукции «лучшим произведениям иностранных литератур», засвидетельствовал в каталоге этот факт относительно «Елки» [15. С. 3; 16. С. 10, 503, 650].

С пятого по девятое издания тексты «Елки» не претерпели практически никаких изменений. С 1852 г. в азбуке появился русско-французско-немецкий словарь объемом в шесть страниц. На каждую букву (по порядку русского алфавита) помещалось от одного до десяти слов.

В отличие от неизменного текста визуальный ряд пособия обладал некоторой, хотя и не очень существенной, динамикой: от издания к изданию происходила частичная замена иллюстраций.

Одни рисунки сохранялись на протяжении всех изданий, другие – появлялись, исчезали, заменялись на аналогичные с тем же сюжетом. В целом это не слишком влияло на общую визуальную картину, но были и весьма любопытные перемены. Так, вместо аллегорической картины, о которой мы говорили выше, блок молитв теперь предваряло изображение дитя, молящегося в постели – тем самым прямое соответствие тексту было восстановлено. Однако появилась другая символическая картина: рисунок детского праздника с елкой заменила сложная аллегория с ангелом (рис. 5 и 6).

Рис. 5. Дараган А.М. Елка: Подарок на Рождество, 1845. С. 110

Рис. 6. Дараган А.М. Елка: Подарок на Рождество (1874). С. 112

Оба варианта изображения иллюстрировали один и тот же текст: «В праздник Рождества Христова умным, добрым послушным детям дарят елку. На елку вешают конфеты, груши, яблоки, золоченые орехи, пряники и дарят все это добрым детям. Кругом елки будут гореть свечи голубые, красные, зеленые и белые. Под елкой, на большом столе, накрытом белой скатертью, будут лежать разные игрушки: солдаты, барабан, лошадки, для мальчиков; а для девочек коробка с кухонной посудой, рабочий ящичек и кукла с настоящими волосами, в белом платье и с соломенной шляпой на голове. Прилежным детям, которые любят читать, подарят кни-

гу с разными картинами. Смотрите дети! Старайтесь заслужить такую прекрасную елку, вот как эта» [1. С. 11, 109; 35. С. 111–112].

Конечно, в первом издании картина была понятнее и ближе ребенку: на такую елку он мог бы с удовольствием смотреть и стремиться заслужить ее хорошим поведением и прилежным ученьем. Елка же, приносимая ангелом в бедную избушку, явно скромнее, да и игрушек около нее не видно... Отметим, что по качеству полиграфии (особенно иллюстраций) девятое издание в целом проще и хуже других. Замена елки реальной елкой-символом произошла, возможно, и из-за смены адресата пособия – от состоятельных родителей к тем, кто мог о елке только мечтать. К середине 1870-х гг. литература для начального обучения стала в России гораздо более массовым явлением по сравнению с годами 1840-ми. Вероятно, и «Елка» стараниями М.О. Вольфа начала выходить значительным тиражом и превратилась в пособие, доступное многим¹.

Анализ издательских каталогов Вольфа позволяет утверждать, что пособие Дараган печаталось им в разных версиях – от очень дорогих до сравнительно дешевых (в зависимости от качества бумаги, иллюстраций и переплета). Максимальный диапазон в стоимости был достигнут в десятом издании². Но отличалось оно от всех предыдущих и последующих не только этим. Это был роскошный подарочный альбом, в котором текст остался прежним, а вот иллюстрации были заменены практически полностью. На ти-

---

¹ Говорить об общем тираже «Елки» достаточно сложно. Отметим только, что на последнем, 14-м издании азбуки указан ее суммарный тираж (вероятно, у Вольфа) – «136–145-я тысяча» [36].

² Цена вариантов пятого издания азбуки в каталоге была обозначена следующим образом: «на веленовой бумаге, с раскрашенными картинками и в прекрасном переплете печатанном красками» – 1 руб. 75 коп.; «на той же бумаге и с тем же переплетом с черными картинками» – 1 руб. 25 коп.; «на белой бумаге в красивом картонаже» – 60 коп. [15. С. 5]. Десятое издание: в 12 долей листа «на веленовой бумаге, с раскраш. рисунками, в прекрасном переплете печатанном красками» – 1 руб. 50 коп.; «на той же бумаге и в таком же переплете с черными картинками» – 1 руб.; «на белой бумаге, в красивом картонаже» – 60 коп.; форматом в лист «на веленовой бумаге, в изящном богатом переплете, украш. портретами Августейшей семьи» – 5 руб. [16. С. 503].

туле указано: «с 120 политипажами Плетча, Фрелиха и др. и 8 раскрашенными таблицами по рисункам Г. Пилатти» [37]. Обратим внимание на термин «политипаж»: по всей видимости, для данного альбома Вольфом были куплены или скопированы готовые клише, а не заказаны оригинальные материалы (что, конечно, было бы дороже).

Многие иллюстрации издания несут на себе автограф, но далеко не всегда его можно достоверно расшифровать и атрибутировать конкретную работу. Некоторые имена нам удалось установить: Егор (Георг) Егорович Мейер (1822–1867, Россия); Лоренц Фрелих (1820–1908, Дания); Оскар Плетч (1830–1888, Германия); Хенрик Пилатти (1832–1894, Польша); Эмиль-Антуан Байард (1837–1891, Франция); Жан-Пьер Муане (1819–1876, Франция – см. рис. 7–9).

Набор иллюстраций в «альбомном» издании «Азбуки» свидетельствовал о широте кругозора М.О. Вольфа (и / или его сотрудников) и многообразии его европейских связей. Мы полагаем, что в данном издании подбор иллюстраций был осуществлен именно издателем, а не автором учебника, и, вероятно, с последним не согласован: теперь картины ни содержательно, ни функционально не соответствовали текстам.

В подарочном издании «Елки» дидактика уступила первенство эстетике: иллюстрации превосходны, но они в значительной степени утратили обучающую роль. Даже там, где в тексте имелись прямые «отсылки» к иллюстрациям («Что нарисовано здесь?»), они теперь «не работали»: вместо рыбака мы видим солдатскую казарму, вместо семьи за столом – охоту на зайца и т.п. Нельзя сказать, что изображения и тексты в альбомной версии совсем не коррелировали друг с другом, но таких «попаданий» крайне мало. Главный мотив отбора иллюстративного материала явно декоративный. Так, «концептуальный» текст про елку теперь иллюстрировала картина, на которой преодолевшие «азбучный период» дети рассматривают толстую книгу – видимо ту, которую им обещали подарить (см. рис. 10). А вот елки в данной роскошной версии маленький читатель не видел вовсе.

Рис. 7. Худ. Оскар Плетч. Дараган А.М. Елка: Подарок на Рождество (1874). С. 6

Рис. 8. Худ. Генрих Пиллати. Дараган А.М. Елка: Подарок на Рождество (1874). Вкл.

Рис. 9. Худ. Э. Байард, гравер Ф. Тришон.
Дараган А.М. Елка: Подарок на Рождество (1874). С. 85

Рис. 10. Дараган А.М. Елка: Подарок на Рождество (1874). С. 89

Отметим, что в этом варианте пособия не было и русско-французского-немецкого словаря в конце книги. В данной версии учебника издатель (и, конечно, книгопродавец) явно заслонил автора. Мы видим, как непрочны еще были связи между текстуальным и визуальным в российской литературе для детей. Они не выдерживали проверку эстетикой подарочного книгоиздания. Пара-

докс – но более выигрышное с точки зрения внешнего вида издание оказалось менее «учебным»...

Рис. 11. Дараган А.М. Елка: Подарок на Рождество (1889). С. 81, 84

Дидактическая роль визуального ряда, заложенная в «Елку» автором, вернулась к иллюстрациям в следующем, 11-м издании азбуки (1889) [38]. Вернулась и получила новое развитие. Теперь текстуальные материалы были самым непосредственным образом связаны с визуальными: слова и предложения для первоначального чтения стали подписями к рисункам. Сложно сказать, кем был осуществлен этот акт рефлексии о новых дидактических возможностях учебной книги – Анны Дараган уже не было в живых, и мы можем только предполагать внимание к визуальному ряду азбуки самого Вольфа или его сведущих сотрудников / консультантов. Отметим, что общее оформление этой версии книги тоже изменилось – стилистически оно стало ближе к эстетике модерна (см. рис. 10). Издания 1901 и 1907 гг. стереотипны.

Книга, возникшая в России на исходе эпохи романтизма, вобравшая в себя европейские приемы живого и рационального обучения детей, стремящаяся преодолеть традиционализм российских учебников, вошла в эпоху модерна как современное ему издание, несмотря на ее уже полувековую историю. Внимание читателей начала XX столетия к пособиям Дараган служит тому доказательством.

Подводя общие итоги, скажем, что рассмотренный кейс – пособие, имеющее достаточно длинную линейку переизданий, связывающее культурные, педагогические, издательские эпохи – представляется нам достаточно важным. Во-первых, потому, что в таком «отдельном факте», как в фокусе, собираются и позволяют подробно разглядеть себя сложные переплетения достижений дидактики, методики обучения грамоте, художественных практик, полиграфии и книжного дела. А, во-вторых, весьма почтенная «продолжительность жизни» этого пособия (1845–1907) дает возможность воочию увидеть нелинейность и противоречивость процессов создания, рецепции и репрезентации отечественной учебной литературы. Внимание Анны Дараган к визуальному ряду учебника грамоты, проявленное ею в первых изданиях азбуки «Елка», было услышано и подхвачено в начале 1860-х гг. книгоиздателем Маврикием Вольфом, сделавшим иллюстрированные по-

собия для детей одним из главных направлений своей деятельности. Опыт Вольфа, находившего верный путь между абсолютизацией картины и органичным ее встраиванием в учебную книгу, стал предтечей визуального поворота в массовом учебном книгоиздании, который произошел на рубеже XIX и XX вв. Стремление сделать российские учебники не хуже, а то и лучше зарубежных образцов сыграло на пользу быстрому развитию этого направления книжной культуры.

Литература

1. Дараган А.М. Елка: Подарок на Рождество: Азбука с примерами постепенного чтения. СПб. : Тип. Journal de St. Petersbourg, 1845. 128 с.
2. Парамонова И. Петр Михайлович Дараган. Тульский губернатор (1850–1865) // Тульские губернаторы / науч. ред. Е.В. Симонова. Тула : Слайд-Медиа, 2013. С. 225–238.
3. Дараган А.М. Естественная история животных, рассказанная для детей / Сост. Анна Дараган. СПб. : В. Исаков, 1849. 384 с.
4. Дараган А.М. Чтение для детей из священной истории / сост. Анна Дараган, урожденная Балугьянская. СПб. : Тип. Второго отделения собств. Е.И.В. канцелярии, 1848. 123 с.
5. Дараган А.М. Руководство к детским садам по методу Фредерика Фрзель, переделанное Анною Дараган. СПб. : М.О. Вольф, 1862. 182 с.
6. Гринченко Н.А. «Journal de Saint-Petersbourg», 1825–1917 гг. Из истории издательской деятельности Министерства иностранных дел // Федоровские чтения – 2007 / сост. А.Ю. Самарин. М. : Наука, 2007. С. 459–469.
7. Гринченко Н.А. Издательская деятельность Эдуарда Сансе // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. СПб., 2010. Т. 188. С. 48–58.
8. Сидоров, А.А. Искусство русской книги XIX–XX веков // Книга в России : в 2 ч. / под ред. В.Я. Адарюкова и А.А. Сидорова. 2-е изд. Ч. II: Русская книга девятнадцатого века. М., 2008. С. 139–283.
9. Стернин Г.Ю. Рудольф Казимирович Жуковский: [Русский художник]. 1814–1886. М. : Искусство, 1954. 31 с.
10. Дунин // Биографическая энциклопедия. URL: <http://www.biografija.ru/biography/dunin-d.htm> (дата обращения: 18.07.2017).
11. Косачевская Е.М. Михаил Андреевич Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX века. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. 271 с.
12. Смирнова А.А. Второе отделение собственной Е.И.В. канцелярии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2009. 23 с.

13. Дараган А.М. Елка: Подарок на Рождество. Ч. [1]–2. СПб. : Тип. Второго Отделения Собств. Е.И В. канцелярии, 1846. Ч. 1. 112 с.
14. Маврикий Осипович Вольф, путь издателя // Артефакт. URL: <http://artefakt.in.ua/antiquarian-books-articles/item/blog162.html> (дата обращения: 28.07.2017).
15. Каталог русского отделения книжного магазина Маврикия Осиповича Вольфа... в С.-Петербурге. СПб., 1862. 436 с.
16. Вольф М.О. Новый систематический каталог Русского отделения книжного магазина Маврикия Осиповича Вольфа ... в С.-Петербурге и... в Москве. 1830–1880. СПб. ; М. : М.О. Вольф, 1881. 612 с.
17. Вольф М.О., т-во. Каталог книг на елку 1866 г., русским и иностранным журналам на 1867 г., на которые принимают подписку книжные магазины Маврикия Осиповича Вольфа... Книги для детей, изданные книгопродавцем-типографом М.О. Вольфом в Санкт-Петербурге и Москве. СПб., ценз. 1866. 16 с.
18. Вольф М.О., т-во. Каталог книг и играм на елку 1867 г., русским и иностранным журналам на 1868 г., на которые принимают подписку книжные магазины Маврикия Осиповича Вольфа, в С.-Петербурге и Москве. [СПб.], ценз. 1867. 16 с.
19. Вольф М.О., т-во. Каталог книг, отпечатанным в 1875 и 1876 гг., журналом на 1877-й г., детским книгам на елку 1876 г. и другим изданиям книгопродавца Маврикия Осиповича Вольфа, которые продаются в его книжных магазинах. СПб., ценз. 1876. 48 с.
20. McCarthy W. Mother of All Discourses: Anna Barbauld's *Lessons for Children* // Princeton University Library Chronicle. 1999. № 60 (2). P. 196–219.
21. Robbins S. *Lessons for Children* and Teaching Mothers: Mrs. Barbauld's Primer for the Textual Construction of Middle-Class Domestic Pedagogy // The Lion and the Unicorn. Vol. 17, № 2. December 1993. P. 135–151.
22. Barbould A.L. *Lessons for Children*. From three to four years old. In two parts. Dublin : Hibernia-Press-Office, 1814. 235 p.
23. Barbould A.L. *Lessons for Children*. Boston : Cornhill, 1823. 197 p.
24. Barbould A.L. *Lessons for Children*. Complete in one volume. With wood engravings. London : Longvan and Co., 1867. 176 p.
25. Barbould A. *Leçonset Hymness*. Á Londres : Lockwood & Co., 1871. 263 p.
26. На елку. «Подарок милым детям». Полная русская азбука, составленная по методе Дараган. СПб. : в типографии В. Спиридонова, 1867. 208 с.
27. Русское слово для детей младшего и среднего возраста: Полн. рус. азбука и кн. для чтения: Сост. по руководствам: Ушинского, бар. Корфа, Дараган, Золотова, Реденера, Волкова и др.: С картинками и объясн. игр. с детьми по методе Фребеля. СПб. : Тип. Р. Голике, 1874. 176 с.
28. Tastu A. *Éducation maternelle sisimples leçons d'une mère a ses enfants par Madame Amable Tastu*. Paris: Didier, 1849. 71 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=ug0jOKp2TacC&printsec> (дата обращения: 22.11.2018).
29. Тематико-библиографический указатель сочинений П.И. Чайковского / ред.-сост. П. Вайдман и др. М. : П. Юргенсон, 2006. 1188 с.

30. Солодянкина О.Ю. Иностранные бонны и гувернантки в России (середина XVIII – середина XIX вв.). Череповец, 2006. 237 с.
31. П.И. Чайковский и русская литература / сост. Б.Я. Аншаков, П.Е. Вайдман. Ижевск : Удмуртия, 1980. 237 с.
32. Цебрикова М.К. Рассказы о погибших детях. СПб., 1871. 83 с.
33. Обучение отечественному языку: Обзорение руководств и пособий по рус. яз. и словесности и кн. для детского легкого чтения. Т. 1: Значение отечественного языка в школе. М. : Тип. А.И. Мамонтова и К^о, 1877. 646 с.
34. Савельева М.Ю. Позднеготические фигурные алфавиты в качестве азбук // «Начало учения дѣтем»: роль книги для начального обучения в истории образования и культуры : сб. ст. / под ред. В.Г. Безрогова, Т.С. Маркаровой. М. : Канон+, 2014. С. 99–118.
35. Дараган А.М. Елка: Подарок на Рождество. Азбука и постепенное чтение. 9-е изд., испр., с рис. и фр.-рус. словарем. СПб.: М.О. Вольф, ценз. 1874. Ч. 1. 120 с.
36. Дараган А.М. Елка: Подарок на Рождество. 14-е изд., испр., с 155 рис. и рус.-фр.-нем. словарем. СПб.: М.О. Вольф, [1907]. Ч. 1. 136 с.
37. Дараган А.М. Елка: Подарок на Рождество. 10-е изд., с 120 политипажами Плетча, Фрелиха и др. и 8 раскраш. табл. по рис. Г. Пилатти. СПб.: М.О. Вольф, ценз. 1874. [Ч. 1]. 90 с.
38. Дараган А.М. Елка: Подарок на Рождество. Азбука и постепенное чтение. 11-е изд., испр., с 155 рис. и рус.-фр.-нем. словарем. СПб.: М.О. Вольф, ценз. 1889. Ч. 1. 136 с.

PUBLISHER AND AUTHOR: THE RUSSIAN PRIMER IN THE MIDDLE OF THE 19TH CENTURY

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2018, 18, pp. 91–123.

DOI: 10.17223/23062061/18/5

Romashina Ekaterina Yu., Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (Tula, Russian Federation). E-mail: katerinro@yandex.ru

Bezrogov Vitaly G., Institute of Educational Development Strategy RAO (Moscow, Russian Federation). E-mail: bezrogov@mail.ru

Key words: *primer, textbook, teaching to read, literacy, textbook publishing, text, visuals.*

The paper presents a local case: the first part of the primer “Elka” (Christmas Tree) by Anna Daragan (14 reprints, 1845–1907), considered as a unique pedagogical and printing phenomenon. For half a century its text remained a constant, whereas the printing design underwent significant changes. The authors identify variants and invariants of “Elka” editions, define dependencies between polygraphy and didactics of the textbook as a product of interaction and mutual influence of the publisher and the author. The first edition of “Elka” was published in 1845 in the printing house of *The Journal de Saint-Petersbourg*, which belonged to the Ministry of Foreign Affairs and de facto

had excellent printing capabilities. Apart from many pictures, for the first time in Russian practice the author provided texts related to the image, because the questions stated by Daragan for the student related to the visuals of the book. The second and third editions of “Elka” (1846, 1852) were published in the printing houses of the Second Division of His Imperial Majesty's Chancellery. All subsequent editions were published by M. Wolf. “The Catalog of the Russian Branch of the Bookstore of Mauritius Osipovich Wolf” (1862) contained an abstract comparing Daragan’s primer with the famous textbooks for teaching the native language by Anna Barbauld (England) and Sabina Amable Tastu (France). Comparing the manuals of Barbauld, Amable Tastu and Daragan, the authors conclude that Anna Daragan was familiar with English and French practices. “Elka” was composed to meet the needs of the child reader, with focus on visuals, like textbooks by to Barbauld and Amable Tastu. Moreover, Daragan was the first to state specific questions to the pictures. However, the links between the text and the visual row in Russian children's literature of the second half of the 19th century were still fragile. The tenth edition of “Elka” was in a gift album format, with beautiful, even colour, illustrations of famous European artists (Lorentz Frohlich, Denmark; Oscar Pletch, Germany; Henrik Pilatti, Poland; Emile Bayard, France, etc.). Yet, the images largely lost their teaching function, because they did not correspond to the texts both in terms of content and function. The illustrations returned their didactic role in the 11th edition to further preserve and develop it. Thus, the case under study is important because it is a manual with a long line of reprints, connecting cultural, pedagogical, and publishing eras. It reflected the complex of the didactical, literacy teaching, artistic, book publishing and printing achievements. The “long life” of this handbook made it possible to see the non-linearity and inconsistency of the processes of creation, reception and representation of Russian textbooks.

References

1. Daragan, A.M. (1845) *Elka: Podarok na Rozhdestvo: Azbuka s primerami postep. chteniya* [Christmas tree: A gift for Christmas: A primer with examples of gradual reading]. St. Petersburg: Journal de St. Petersbourg.
2. Paramonova, I. (2013) Petr Mikhaylovich Daragan. Tul'skiy gubernator (1850–1865) [Peter M. Daragan. Tula Governor (1850–1865)]. In: Simonov, E.V. (ed.) *Tul'skie gubernatory* [Tula Governors]. Tula: Slayd-Media. pp. 225–238.
3. Daragan, A.M. (1849) *Estestvennaya istoriya zhivotnykh, rasskazannaya dlya detey* [Natural history of animals, told for children]. St. Petersburg: V. Isakov.
4. Daragan, A.M. (1848) *Chtenie dlya detey iz svyashchennoy istorii* [Reading for children from sacred history]. St. Petersburg: Second Division of Her Imperial Majesty's Chancellery.
5. Daragan, A.M. (1862) *Rukovodstvo k detskim sadam po metode Frederika Frebel', peredelannoe Annoyu Daragan* [Guide to kindergartens according to Friedrich Froebel, reworked by Anna Daragan]. St. Petersburg: M.O. Wolf.

6. Grinchenko, N.A. (2007) “Journal de Saint-Petersbourg”, 1825–1917 gg. Iz istorii izdatel'skoy deyatel'nosti Ministerstva inostrannykh del [“Journal de Saint-Petersbourg”, 1825-1917. From the history of publishing activities of the Ministry of Foreign Affairs]. In: Samarin, A.Yu. (ed.) *Fedorovskie chteniya* [The Fedorov Readings]. Moscow: Nauka. pp. 459–469.

7. Grinchenko, N.A. (2010) Izdatel'skaya deyatel'nost' Eduarda Sanse [Edward Sanse's publishing activities]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv.* 188. pp. 48–58.

8. Sidorov, A.A. (2008) Iskusstvo russkoy knigi XIX-XX vekov [The art of the Russian book of the 19th–20th centuries]. In: Adaryukov, V.Ya. & Sidorov, A.A. (eds) *Kniga v Rossii* [Books in Russia]. 2nd ed. Moscow: GPIB. pp. 139–283.

9. Sternin, G.Yu. (1954) *Rudolf Kazimirovich Zhukovskiy: [Russkiy khudozhnik]. 1814–1886* [Rudolf Zhimovsky: [Russian artist]. 1814–1886]. Moscow: Iskusstvo.

10. Biografiya.ru. (n.d.) *Dunin* [Dunin]. [Online] Available from: <http://www.biografiya.ru/biography/dunin-d.htm>. (Accessed: 18th July 2017).

11. Kosachevskaya, E.M. (1971) *Mikhail Andreevich Balug'yanskiy i Peterburgskiy universitet pervoy chetverti XIX veka* [Mikhail Andreevich Balugyansky and Petersburg University of the first quarter of the 19th century]. Leningrad: Leningrad State University.

12. Smirnova, A.A. (2009) *Vtoroe Otdelenie Sobstvennoy Ee.I.V. kantselyarii* [Second Division of Her Imperial Majesty's Chancellery]. History Cand. Diss. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

13. Daragan, A.M. (1849) *Elka: Podarok na Rozhdestvo* [Christmas Tree: A Gift for Christmas]. St. Petersburg: Second Division of Her Imperial Majesty's Chancellery.

14. Anon. (n.d.) *Mavrikiy Osipovich Vol'f, put' izdatelya* [Mavriky Osipovich Wolf, the way of the publisher]. [Online] Available from: <http://artefakt.in.ua/antiquarian-books-articles/item/blog162.html>. (Accessed: 28th July

2017)

15. Anon. (1862) *Katalog russkogo otdeleniya knizhnogo magazina Mavrikiya Osipovicha Vol'fa v S.-Peterburge* [Catalog of the Russian branch of Mauritius Wolf's bookstore in St. Petersburg]. St. Petersburg: M.O. Wolf.

16. Wolf, M.O. (1881) *Novyy sistematicheskoy katalog Russkogo otdeleniya knizhnogo magazina Mavrikiya Osipovicha Vol'fa v S.-Peterburge i v Moskve. 1830–1880* [A new systematic catalog of the Russian branch of Mauritius Wolf's bookstore in St. Petersburg and Moscow. 1830–1880]. St. Petersburg; Moscow: M.O. Wolf.

17. Wolf, M.O. (1866) *Katalog knigam na elku 1866 g., russkim i inostrannym zhurnalom na 1867 g., na kotorye primimayut podpisu knizhnye magaziny Mavrikiya Osipovicha Vol'fa. Knigi dlya detey, izdannye knigoprodavtsem-tipografom M.O. Vol'fom v Sankt-Peterburge i Moskve* [A catalog of Christmas books of 1866, Russian and foreign magazines for 1867, with subscription in Mauritius Wolf's bookstore. Books for children published by the bookseller-typographer M.O. Wolf in St. Petersburg and Moscow]. St. Petersburg: M.O. Wolf.

18. Wolf, M.O. (1867) *Katalog knigam i igram na elku 1867 g., russkim i inostrannym zhurnalom na 1868 g., na kotorye primimayut podpisu knizhnye magaziny Mav-*

rikiya Osipovicha Vol'fa, v S.-Peterburge i Moskve [Catalog of Christmas books and games of 1867, Russian and foreign magazines for 1868, with subscription in Mauritius Wolf's bookstore, in St. Petersburg and Moscow]. St. Petersburg: M.O. Wolf.

19. Wolf, M.O. (1876) *Katalog knigam, otpechatannym v 1875 i 1876 gg., zhurnal na 1877-y g., detskim knigam na elku 1876 g. i drugim izdaniyam knigoprodavtsa Mavrikiya Osipovicha Vol'fa, kotorye prodavutsya v ego knizhnykh magazinakh* [Catalog of books printed in 1875 and 1876, magazines for 1877, children's books for Christmas of 1876, and other publications of the bookseller Mauritius Osipovich Wolf, sold in his bookstores]. St. Petersburg: M.O. Wolf.

20. McCarthy, W. (1999) Mother of All Discourses: Anna Barbauld's Lessons for Children. *Princeton University Library Chronicle*. 60(2). pp. 196–219.

21. Robbins, S. (1993) Lessons for Children and Teaching Mothers: Mrs. Barbauld's Primer for the Textual Construction of Middle-Class Domestic Pedagogy. *The Lion and the Unicorn*. 17(2). pp. 135–151. DOI: 10.1353/uni.0.0058

22. Barbould, A.L. (1814) *Lessons for Children. From three to four years old. In two parts*. Dublin: Hibernia-Press-Office.

23. Barbould, A.L. (1823) *Lessons for Children*. Boston: Cornhill.

24. Barbould, A.L. (1867) *Lessons for Children*. London: Longman and Co.

25. Barbould, A. (1871) *Leçonset Hymness* [Lessons and Hymness]. London: Lockwood & Co.

26. Anon. (1867) *Na elku. "Podarok milym detyam". Polnaya russkaya azbuka, sostavlenneya po metode Daragan* [For Christmas. "A Gift to Sweet Children". Full Russian primer, compiled by the method of Daragan]. St. Petersburg: V. Spiridonov.

27. Ushinsky, K. et al. (ed.) (1874) *Russkoe slovo dlya detey mlaadshego i srednego vozrasta: Polnaya russkaya azbuka i kniga dlya chteniya* [Russian word for children of younger and middle age: Complete Russian alphabet and reader]. St. Petersburg: R. Golike.

28. Amable Tastu, S. (1849) *Éducation maternelle sisimples leçons d'une mère a ses enfants par Madame Amable Tastu* [Kindergarten education of a mother to her children by Madame Amable Tastu]. Paris: Didier. [Online] Available from: <https://books.google.ru/books?id=ug0j0Kp2TacC&printsec>. (Accessed: 22nd November 2018).

29. Vaydman, P. et al. (ed.) (2006) *Tematiko-bibliograficheskiy ukazatel' sochineniy P.I. Chaykovskogo* [Thematic and bibliographic index of P.I. Tchaikovsky's works]. Moscow: P. Yurgenson.

30. Solodyankina, O.Yu. (2006) *Inostrannye bonny i guvernantki v Rossii (seredina XVIII – sredina XIX vv.)* [Foreign Bonnes and Governess in Russia (the mid 18th – mid 19th centuries)]. Cherepovets: Cherepovets State University.

31. Anshakov, B.Ya. & Vaydman, P.E. (1980) *P.I. Chaykovskiy i russkaya literatura* [P.I. Tchaikovsky and Russian literature]. Izhevsk: Udmurtiya.

32. Tsebrikova, M.K. (1871) *Rasskazy o pogibshikh detyakh* [Stories about the dead children]. St. Petersburg: Departament udelov.

33. Polivanov, L. (1877) *Obuchenie otechestvennomu yazyku: Obzrenie rukovodstv i posobiy po russkomu yazyku i slovesnosti i kniga dlya detskogo legkogo chteniya*

[Teaching Russian language: Review of manuals on Russian language and literature and books for children's easy reading]. Vol. 1. Moscow: A.I. Mamontov i K°.

34. Savelyeva, M.Yu. (2014) *Pozdnegoticheskie figurnye alfavitы v kachestve azbuk* [Late-gothic curved alphabets as primers]. In: Bezrogov, V.G. & Markarova, T.S. (eds) *“Nachalo ucheniya d”tem”*: rol' knigi dlya nachal'nogo obucheniya v istorii obrazovaniya i kul'tury [“Beginning to teach children”: the role of books for primary education in the history of education and culture]. Moscow: Kanon+. pp. 99–118.

35. Daragan, A.M. (1874a) *Elka: Podarok na Rozhdestvo. Azbuka i postepennoe chteniye* [Christmas Tree: A gift for Christmas. Alphabet and Reader]. 9th ed. St. Petersburg: M.O. Wolf.

36. Daragan, A.M. (1907a) *Elka: Podarok na Rozhdestvo* [Christmas Tree: A gift for Christmas]. 14th ed. St. Petersburg: M.O. Wolf.

37. Daragan, A.M. (1874b) *Elka: Podarok na Rozhdestvo* [Christmas Tree: A gift for Christmas]. 10th ed. St. Petersburg: M.O. Wolf.

38. Daragan, A.M. (1889) *Elka: Podarok na Rozhdestvo. Azbuka i postepennoe chteniye* [Christmas Tree: A gift for Christmas. Alphabet and Reader]. 11th ed. St. Petersburg: M.O. Wolf.

А.В. Подчиненов, Т.А. Снигирева

АВТОРСКАЯ ВОЛЯ И РЕДАКТОРСКИЙ ПРОИЗВОЛ: К ИСТОРИИ ПУБЛИКАЦИИ РОМАНА ВАСИЛИЯ АКСЕНОВА «ТАИНСТВЕННАЯ СТРАСТЬ»

Аннотация. Рассматривается история публикации последнего произведения Вас. Аксенова «Тайнственная страсть», которую сам автор определил как «роман о шестидесятниках». Вписываясь в общую тональность литературы об эпохе «оттепели», автобиографическая проза Аксенова имеет существенные особенности, которые определяются как установка не на фактическую, хронологическую, а эмоционально-психологическую достоверность. Подчеркивается, что основной жанровой практикой писателя становятся усиление романного и ослабление биографического начала, когда правда искусства доминирует над правдой жизни. Детально проанализированы отличия первой, второй публикаций романа и авторской версии 2015 г.

Ключевые слова: оттепель, мемуарно-биографический жанр, В. Аксенов, «Тайнственная страсть», художественная стратегия писателя, издательская тактика.

«Оттепель» – одна из наиболее ярких страниц в истории советской эпохи. Это мощный социокультурный пласт, уникальный и самодостаточный в своих проявлениях, оказавший бесспорное влияние на последующие сюжеты истории и развитие художественной мысли в России, в том числе и постсоветской. Так, именно в годы «оттепели» мемуарная и близкая к мемуарной литература («Люди. Годы. Жизнь» И. Эренбурга, «Люди и положения» Б. Пастернака, «Трава забвения» и «Святой колодец» В. Катаева и т.д.) сделала попытку прорыва к максимальной полноте «рассказа о времени и о себе», прорыва, возможность и необходимость которого была обусловлена и готовностью авторов «вспоминать», и настроением читателей на достоверность, а не на мифологию, и стратегической задачей шестидесятников «вочеловечивания» истории.

Принцип «идеальных» автобиографий можно сформулировать, вспомнив известное высказывание В. Шкловского о том, что для

написания мемуаров нужно иметь характер и судьбу и иметь мужество ее не скрывать. Однако природа мемуарного и автобиографического жанров двуедина и противоречива одновременно: субъективная установка на полную достоверность и объективная невозможность полной достоверности. Идеологическая цензура и автоцензура – мощные ограничители пространства искренности писателей. В «оттепельной» мемуаристике действовало и то, и другое, поэтому ее легко упрекнуть в полуправде или частичной правде. В ней очевидны сознательные фигуры умолчания и бессознательная аберрация памяти. Эти пустоты, касающиеся некоторых событий и людей, своеобразные «провалы в памяти», легко обнаруживаются при сопоставлении текстов, появившихся в 1960-е и в 1990–2000-е гг. Один из показательных примеров – «Несколько лет» и «Эпилог» В. Каверина.

Сказанное о силе и слабости эго-текстов периода «оттепели» отчасти можно отнести и к современным публикациям мемуарно-автобиографического характера, уже самой «оттепели» посвященным. Неизменными остались магистральная проблема российской словесности – «личность и власть» – и связанный с ней комплекс вопросов: свобода / несвобода человека в тоталитарном государстве, плата творца за компромисс, типы взаимоотношения художника и времени, варианты творческого поведения. Неизменным остался и конфликт автора с его памятью и совестью, в результате чего для читателя главной мерой убедительности текста является доверие или сомнение по отношению к нравственной и / или гражданской позиции автора. Мемуары и автобиографии нашего времени стали более откровенными и конкретными, открытыми житейским фактам и литературным скандалам. Но это не делает их менее субъективными: продолжают «игры с памятью». Эти игры в условиях бесцензурного времени имеют особый генезис, так как строятся по законам противоположных авторских интенций: обвинительного приговора и самооправдательного слова. Более того, в книгах мемуарно-автобиографического характера о шестидесятничестве (Евг. Евтушенко, А. Вознесенского, А. Козлова, А. Кончаловского, Б. Мессерера, В. Воловича и мн. др.) разнонаправленные

жанровые стратегии сливаются, ничуть не противореча друг другу, что ведет, по крайней мере, к двум последствиям. Во-первых, читатель находит немалое наслаждение в том, чтобы на основе многовариантности в обрисовке и оценке тех или иных людей и событий выстроить свою версию культуры XX в. Во-вторых, в современной прозе авторы играют не только со своей личной памятью, но и с памятью жанра, в рамках которого создаются произведения, чаще всего становящиеся итоговыми.

Последняя книга В. Аксенова «Таинственная страсть» может быть прочитана как мемуарная, созданная по классическому образцу: рассказ «о времени и о себе». Во-первых, это несомненное внимание к социуму, реализовавшееся в описании конкретно-исторической эпохи «оттепели» и литературной эпохи шестидесятничества. В книге описаны политические (XX и XXII съезды партии, снятие Н. С. Хрущева, «Пражская весна» и ввод войск в Чехословакию, протестные акции) и культурные события (выход знаковых для шестидесятничества книг, журнальное противостояние, кинематограф «оттепели», авторская песня, разгром в Манеже, история «Метрополя»). Во-вторых, представлен широкий круг политических персонажей и культурных героев «оттепели»: от А. Твардовского до Евг. Евтушенко, от Б. Окуджавы, В. Высоцкого до А. Солженицына, от Н. Хрущева до Фиделя Кастро. В-третьих, воссозданы творческая среда и собственно литература того времени как в виде описываемых событий, так и в обильном цитировании стихотворений, литературных разговоров.

Но также очевидны и существенные отличия от традиций мемуарного жанра. Обращают на себя внимание способ введения и формы «личной памяти», которые не строятся на принципе автобиографического повествования от первого лица, предполагающего преобладание линейного времени. Принцип линейной реконструкции памяти отсутствует, память «возвращается» за пределами текста, в рамках текста время осуществляется как «здесь и сейчас». Это модуль личной памяти автора: Аксенов пишет о других и через других о себе. Отсюда мозаичность памяти писателя, когда одно описание дополняет другое, создавая целостную картину.

Существенно и то, как своеобразно решается проблема достоверности. Василий Аксенов «не вполне уверен в хронологической точности событий» [1. С. 5]. Поэтому, абсолютно не доверяя мемуарам, он доверился мемуарному роману, резко разводя эти жанры: «Что касается мемуарного романа, то он, несмотря на близость к реальным людям и событиям, создает достаточно условную среду и отчасти условные характеры, то есть художественную правду, которую не опровергнешь» [Там же. С. 6]. При этом он открыто ссылается на опыт своего учителя В. Катаева. Основная и изначальная установка В. Аксенова – писать, как чувствовалось и как запечатлелось в его художественной памяти. Установка на художественную достоверность ведет не к хронологическому описанию фактов, но к описанию эмоционально-психологических поведенческих реакций на них. Основной жанровой практикой книги становятся усиление романного и ослабление биографического начала. Автору важно рассказать не только о Ваксоне, но и о других главных героях своей книги: Роберте Эре, Кукише Октаве, Яне Тушинском, Антоне Антоновиче Андреотисе, Нэлле Аххо, Вертикалове, Стасисе Юстинаускасе. При этом писатель прибегает к проверенным приемам психологического романа: портрету, речевой характеристике, анализу личности героя путем обрисовки поведенческих реакций и расшифровки эмоционального состояния, что позволяет выявить главное – характер взаимоотношения героя со временем, постоянно ставящим его перед проблемой нравственного выбора. Но также активно используются приемы постмодернистского романа: принципы игры, амбивалентности и релятивизма, сознательное расщепление авторского сознания и перенос его на целую систему носителей, повышенная интертекстуальность и не менее повышенная условность, обнаруживающая себя в сюрреалистических образах и пейзажах, на фоне и при активности которых разворачивается сюжетная канва книги.

Об особенностях своей «художественной метафизики», в которой правда искусства доминирует над правдой жизни, В. Аксенов говорит сразу же в «Авторском предисловии» («Булат и Арбат»), описывая постановочную фотографию, «на которой изображены

два нерасторжимых образа – Булат и Арбат»: «Летняя ночь или, скорее, раннее утро. Прозрачный воздух создает глубокую перспективу. Арбат пуст, не видно ни единой человеческой фигуры, полностью отсутствует московская фауна – птицы, коты и собаки. Присутствует один лишь Окуджава, сидящий на переднем плане в середине проезжей части. Он выглядит вполне натурально на крепком стуле. Участвует в мизансцене, задумчив, за спиной – городская пустыня» [1. С. 6]. И, предупреждая возможные гипотетические недоуменные вопросы и реплики «придирчивого зрителя» («Откуда взялся стул на спящем Арбате?») и «Так не бывает»), отвечает: «Почему же не бывает, если это уже случилось и было запечатлено? <...> искусство дополняет – или даже отчасти – заменяет – реальность. Появляется Булат, задумчиво сидящий на стуле посреди летней ночи и, конечно, отличающийся от обычного Булата, который в этот час просто спит. Так возникает художественная метафизика» [Там же]. В «Таинственной страсти» являет себя не только автор «Московской саги», «Острова Крым», даже «Ожог», но автор произведений, написанных примерно в то же самое время, когда происходит действие романа: «Круглые сутки нон-стоп», «Поиски жанра. Поиски жанра». Книга В. Аксенова – «роман» со своим поколением, с самим собой, но и собственно роман.

Непростота и даже некоторая провокативность ситуации заключаются в том, что, во-первых, в романе «действуют» как вымышленные персонажи (например, Мила Колокольцева), так и герои с легко угадываемыми, скажем так, «псевдонимами» и конкретные исторические деятели с именами неизменными. Визуальный ряд двух изданий романа подчеркивает его документальную основу: это фотографии Москвы шестидесятых годов, самого Аксенова, его семьи, знаменитых шестидесятников, собственно прототипов или реальных героев романа, порой сопровождаемые разъяснительными подписями (если читатель не понял, кто есть кто); «Евгений Евтушенко (Ян Тушинский) с женой Галиной Сокол (Татьяна Фалькон); Андрей Вознесенский и Зоя Богуславская (Софья Теофилова); Майя Кармен (Ралисса Кочевая). Надписи чаще всего совмещают реальные имена с вымышленными, еще более

стирая грань между вымыслом и реальностью в романе. Трудно сказать, видел ли сам Аксенов сопровождающий его книгу «Фотоальбом», но то, что надписи-сопровождения визуальных документов эпохи сделаны вне его воли – очевидно. Трудно также сказать, хотел ли В. Аксенов, как до него В. Катаев, играть с читателем в игру «догадливый читатель», но именно этот вектор, правда жизни – правда книги или художественная правда, определили дальнейшую публикационную историю, читательскую и литературно-критическую рецепцию текста, режиссерскую концепцию телесериала, снятого по роману и носящего то же название, реакцию кинокритиков и зрителей.

Впервые отрывки из книги были напечатаны в журнале «Караван историй. Коллекция» за 2008–2009 гг. Видимо, это дало основание первую книжную публикацию романа представить как журнальный вариант текста в авторской редакции и сопроводить ее следующей аннотацией: «“Таинственная страсть”» – последний роман Василия Аксенова. Его герои – кумиры шестидесятых: Роберт Рождественский, Андрей Тарковский, Евгений Евтушенко... Аксенов представил нам уникальную возможность узнать, как жили эти люди – сопротивлялись власти или поддавались ей, любили, предавали, отбивали чужих жен, во что верили, чем дышали. И продолжали творить, несмотря ни на что, именно эту жажду творчества, которую невозможно убить никаким режимом, и называет Аксенов таинственной страстью» [1. С. 4].

Вторая публикация сделана во многом в противовес первой, т.е. как издание, бережно относящееся к воле ушедшего писателя. Оно было представлено как реализация авторской версии и тоже сопровождалось аннотацией, несколько отличающейся от первой: «Перед нами полная версия нашумевшего романа Василия Аксенова “Таинственная страсть”. Он впервые публикуется в том виде, в каком передал его нам автор. Герои “Таинственной страсти” – кумиры шестидесятых: Булат Окуджава, Роберт Рождественский, Белла Ахмадулина, Владимир Высоцкий, Андрей Вознесенский, Андрей Тарковский, Евгений Евтушенко, Иосиф Бродский и их оппоненты, непримиримые враги. <...> Аксенов представил нам

уникальную возможность узнать, как жили эти люди, как сопротивлялись власти, поддавались ей, любили, предавали, отбивали чужих жен, во что верили, чем дышали. И движет всем этим таинственная страсть, которая делает одних великими художниками, а других – предателями и приспособленцами» [2. С. 4].

Во втором издании присутствуют ранее вырезанные из книги первой шесть глав: «1963, дальнейший март. Гарсоньерка»; «1963, апрель – май. Депрессуха»; «1963, май. Шестирукий»; «1963, июнь. Всенародная»; «1968, начало августа, Ралисса»; «1968, 15 августа. Сердолик». В книге второй, как показал текстологический анализ, нет полностью удаленных глав, но есть купюры, порой на две-три страницы. В результате разница в объеме публикаций двух версий романа около 80 страниц, что свидетельствует о серьезности издательского вмешательства в авторский текст. Уже первая купюра в оставленных главах свидетельствует о том, что будет фактически убрано из романа: в главе «1963, март. Чакры» сокращен финал, описывающий момент решения Роберта Эра прекратить отношения с Милкой Колокольцевой. Далее именно эта сюжетная линия – тайный роман, ставший явным для всех, в том числе и для жены одного из главных героев книги, его сомнения и мучения полностью отсутствуют в так называемом журнальном варианте. Друг писателя Анатолий Гладилин провел целое расследование, пытаясь понять, откуда взялась пресловутая «журнальная редакция» [3]. В № 2 (апрель–май 2008 г.) журнала «Караван историй. Коллекция», где началась публикация «Таинственной страсти», под аксеновским заголовком значится: «Отрывки из романа» [4. С. 168]. В номере третьем (июнь–июль 2008 г.) – «Журнальная версия» [5. С. 152]. В номере четвертом (август–сентябрь 2008 г.) читаем: «Публикуется в авторской редакции. Журнальная версия» [6. С. 156]. В первом номере (февраль–март) 2009 г. новое пояснение: «Журнальная версия. Публикуется в авторской редакции» [7. С. 148]. Ан. Гладилин комментирует: «Вот, наконец-то, правильная формулировка. Она встречалась в советских журналах, когда автор хотел показать, что не редакция его кромсала, а он сам выбрасывал куски из книги, чтобы влезть в журнальное прокрустово

ложе» [З. С. 53]. Далее, сопоставив факты, Гладилин приходит к выводу, что писатель, находясь в больнице в тяжелом состоянии, никак не мог готовить журнальный вариант: «Но в версии “Каравана историй” присутствует одна десятая, в лучшем случае одна пятая аксеновского текста, вышедшего в издательстве “Семь дней”. Для какого же другого таинственного журнала готовился журнальный вариант объемом в 589 страниц, как в книге? Ни хрена не понимаю» [Там же. С. 54]. И далее гневно восклицает: «Нельзя править и редактировать книгу русского классика, когда он на смертном одре и не может ничего возразить» [Там же].

И только стараниями друзей В. Аксенова, прежде всего Анатолия Гладилина и Виктора Есипова, удалось опубликовать собственно авторский текст романа. За главой с усеченным финалом должна следовать отсутствующая при первой публикации глава «1963, дальнейший март. Гарсоньерка», описывающая «грехопадение» поэта.

Вымарывая одну из сюжетных линий, редакторы первой книжной публикации волей-неволей не только обрекли роман на некоторые нестыковки и пустоты, заметные внимательному читателю, но серьезно исказили авторскую концепцию. Аксенов – писатель, которого сложно охарактеризовать как мастера тонкого психологического рисунка, но он редко бывает прямолинеен, не упрощает ни характеров, ни мотивировок поведения своих героев. Это, во-первых. Во-вторых, Аксенов всегда подсвечивает мощный социополитический пафос своих произведений проекцией на частную, личную, нередко интимную жизнь героев, что характерно и для романов «Ожог», «Остров Крым», «Московская сага», и, в не меньшей мере, для последнего романа писателя. После фрагмента о разгромной встрече в Кремле, Аксенов последовательно дает описание того, как каждый из героев переворачивает свою жизнь: «грехопадение» Роберта Эр, встреча в Дубне Андреотиса с Софкой / Фоской и появившиеся стихи к ней, открытый разлад в первой семье Ваксона, завершившийся встречей с Ралиссой, глава о начале страстного романа с которой («1968, начало августа. Ралисса») также отсутствует в первом издании.

О значимости адюльтеров как своеобразном синониме европейской «свободной любви» и одновременно чисто российской форме протеста против советскости автор пишет: «Скорее уж можно было это назвать массовой карнавальной игрой новых свободных – или – жаждущих свободы – людей в несвободном государстве. Так в Москве с ее вечной кошмой серых небес жаждут интенсивных красок, калейдоскопа. Эротическая авантюра приносит эти краски и окрашенные звуки: утреннее солнце, ночь, молодой серп луны, густая полоса серебра, любовная игра вытесняет бесконечный грохот пустых самосвалов, в тишине начинает звучать тема Бизе, сближается стук его каблуков и цоканье ее каблучков» [2. С. 255]. В первой редакции из главы «1968, 20 августа. Сезон!!!» вырезан важный для понимания эмоциональной атмосферы, в которой живут герои, фрагмент разговора жен Ваксона и Роберта, обсуждающих возможные измены своих мужей и способы разрешения этой ситуации: «Анка (понижив голос): Нам надо, Мирка, отвечать им тем же. Мы с тобой еще молодые бабы. Мне мой врач говорил, ревность – это лучший афродизиак» [Там же. С. 358]. В этой же главе сокращены финальные страницы, посвященные важнейшей для художественной концепции романа и всего творчества В. Аксенова теме дружбы и предательства. Роберт Эр, узнав об измене своей возлюбленной с его лучшим другом, приходит к выводу, с которым в конечном счете соглашается и автор: «Отлетела твоя любовь. Рухнула дружба. Вернись хотя бы в стихи. Держись хотя бы за них, пока не сдуло!» [Там же. С. 373].

Убирая фрагменты, связанные с «запретной любовной связью» героев, издатели первого варианта романа вынуждены ослабить и важнейшую для автора концепцию связи любви – дружбы – поэзии. Так в главе «Похмелье» отсутствует целое стихотворение, рожденное мукой одновременной любви к жене и возлюбленной, трагическим размышлением о необходимости и невозможности оставаться самим собой, не предавать себя как в жизни, любви, так и в творчестве:

Вернуться б к той черте, где я был мной,
Где прилипает к пальцам хлеб ржаной...

...

Вернуться б к той черте, где я был мной.

Не возвращаться б к той черте, когда

Становится всесильной немота.

Ты бьешься об нее. Кричишь, хрипя.

Но остается крик внутри тебя [2. С. 417–418].

Чрезвычайно важна саморефлексия поэта после написанного, в которой приватность и политичность идут «через запятую»: «Это какой-то ответ, думал он. Но кому? Другьям? Пропавшей женщине? Этому дню? Чехословакии?» [Там же. С. 418].

Второе издание, анонсированное как «авторская версия», оснащено системой разнообразных сносок (без указания того, кому они принадлежат – автору или редактору). Их характер свидетельствуют о том, что это скорее редакторская работа, направленная на усиление документальной определенности и точности. Это были уточнения, касающиеся псевдонимов героев: «Андрей Андреевич Вознесенский в романной ипостаси стал Антоном Антоновичем Андреатисом...», сноска: «Далее также Андреотис, Андриатис, Андрюшка Андреотис» [Там же. С. 7]; «Далее Юстинаускас, Юстинаускас и Юстинкаускас» [Там же. С. 27]; «Далее также Килькачев» [Там же. С. 56]. Но чаще, это «ловля» автора на фактической неточности. После эпизода, описывающего, как Н. Хрущев гневно обрушился на картину Фалька «Обнаженная», Аксенов добавляет: «Никто так и не понял, к кому персонально обращается вождь, но все стояли вокруг драматическими истуканами» [Там же. С. 60], а далее следует сноска: «Картина Р. Фалька была представлена в Манеже, но сам художник умер в 1958 г.» [Там же]. После фразы: «Это была Екатерина Алексеевна Фурцева, министр культуры СССР. Ее, оказывается, никто и не известил об историческом событии» [Там же. С. 66], вновь предлагается уточняющая сноска: «Министр культуры СССР Е. А. Фурцева присутствовала на выставке в Манеже» [Там же]. Кукуш говорит: «Я приехал из Тулы в Москву...», и тут же пояснение: «Ниже написано, что Кукуш Октава приехал из Калуги» [Там же. С. 72]. В тексте: «...секретарь Президиума ЦК КПСС...», и сразу исправление: «Такой партийной

должности не было» [2. С. 75]. В главе, описывающий март 1963 г. (встреча в Кремле), А. Налбандян аттестован как «народный художник», который «размножал Сталина». И поправка: «Народным художником СССР А. Налбандян стал в 1969 г.» [Там же. С. 93].

Такие документальные сноски, уточнения, документальные справки и поправки продолжают на протяжении всего романа. И есть лишь единичные случаи, где указывается на пропущенный при первой публикации текст, как, например, в главе «Гумилевщина»: «Далее следует продолжение главы “1968, ночь с 20 по 21 августа. Акция”» [Там же. С. 394].

В результате обилия сносок, переводящего романский жанр в жанр документальный, редакторы второго издания ставят прочтение «авторской версии» на рельсы сопоставления было / не было, что, конечно, спровоцировано, в какой-то мере, и самим автором (прозрачность прототипов), и сопровождающим роман «Фотоальбомом», и последующим после первого издания шквалом высказываний современников В. Аксенова. В парадигму «правда / ложь» в «романе о шестидесятниках» переведены все дискуссии о книге, а позже и о телесериале «Таинственная страсть», который стимулировал прочтение / перечитывание книги. Характерно, что в одной из аннотаций к телефильму вопрос так и задан: «Что правда, а что вымысел в “Таинственной страсти”». И главным аргументом «против правды» Аксенова становятся выдержки из мемуаров кумиров «оттепели», которые, видимо, считаются «абсолютно правдивыми». Такая логика может и суждения Виктора Ерофеева, высказанные им в мемуарах о Ю.В. Трифонове, считать абсолютно точными, соответствующими истине, правдиво оценивающими историю «Метрополя» и причины эмиграции Василия Аксенова: «Женская агитация в пользу эмиграции, построенная на запугивании Аксенова угрозой расправы, на отчуждении от него тех, кто не хотел эмигрировать, давала свои плоды. Трифонов вместе со мной внимательно следил за развитием событий. Но мы с ним обсуждали ситуацию почти что конспиративно, полунамеками, не ругая Аксенова, без открытой критики женской агитации. Мы оба понимали, что “Метрополь” без Аксенова обречен на разгром. Мы об-

суждали с Трифоновым рассказанный Аксеновым страшный случай, когда его вместе с женой чуть не уничтожил КАМАЗ в лобовом столкновении. <...> Честно говоря, я не верил в эти истории, однако в метропольской компании и особенно в компании Майи было опасно сомневаться в них. Я стоял у нее поперек дороги на Запад» [8. С. 170–171].

Текстологический анализ «журнального варианта» и «авторской версии» обнаруживает, что сокращения, предпринятые в первой публикации романа, касаются не только перипетий личной истории поэта и его друзей, но в определенной степени нарушают художественную концепцию романа. Избыточность документальных пояснений во втором издании (при всем уважении к кропотливой работе издателей) невольно искажает жанровую стратегию В. Аксенова, пытаясь перевести «роман о шестидесятниках» в хронику шестидесятничества.

Литература

1. Аксенов В. Таинственная страсть (роман о шестидесятниках). Печатается в авторской редакции. Журнальный вариант. М. : Семь дней, 2009. 592 с.
2. Аксенов В. Таинственная страсть (роман о шестидесятниках). Авторская версия. М. : Изд-во ИП Бирюкова О.А., 2015. 672 с.
3. Гладиллин А. Аксеновская «Таинственная страсть» в законе жанра // Казань. 2010. № 3. С. 50–54.
4. Аксенов В. Таинственная страсть (роман о шестидесятниках) // Караван историй. Коллекция. 2008. № 2, апрель–май. С. 168–207.
5. Аксенов В. Таинственная страсть (роман о шестидесятниках) // Караван историй. Коллекция. 2008. № 3, июнь–июль. С. 152–203.
6. Аксенов В. Таинственная страсть (роман о шестидесятниках) // Караван историй. Коллекция. 2008. № 4, август–сентябрь. С. 156–202.
7. Аксенов В. Таинственная страсть (роман о шестидесятниках) // Караван историй. Коллекция. 2009. № 1, февраль–март. С. 148–199.
8. Ерофеев Вик. Цена свободы // Юрий Трифонов. Отблеск личности. М. : Галерея, 2015. С. 164–174.

AUTHOR'S INTENT AND EDITOR'S LICENCE: ON THE PUBLICATION OF VASILY AKSYONOV'S MYSTERIOUS PASSION

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2018, 18, pp. 124–137.

DOI: 10.17223/23062061/18/6

Podchinenov Alexey V., Snigireva Tatiana A., Ural Federal University (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: A.V.Podchinenov@urfu.ru; tas0905@rambler.ru

Keywords: Khrushchev's "Thaw", memoir biographical genre, Vasily Aksyonov, Mysterious Passion, author's artistic strategy, publishing tactics.

The focuses on the history of the publication of Vasily Aksyonov's last work – *Mysterious Passion*, which he referred to as a “novel about the sixties”. While fitting into the general tone of Khrushchev's “thaw” literature, Aksyonov's autobiographical prose has distinct features, which are defined as the writer's focus on emotional and psychological, rather than actual and chronological authenticity. It is demonstrated that the writer's key approach consists in strengthening the novel and weakening the biographical components of the narration, with the truth of art dominating the truth of life. In the novel, the forms of personal memory are not based on the principle of the first person autobiographical narration that presupposes the predominance of linear time. Memory “returns” beyond the text, while within the text, it is felt as “here and now”. This is the module of the writer's personal memory: Aksyonov writes about others, and through others he writes about himself. This explains the mosaic of the writer's memory, where one description complements another, thus creating a complete picture. The author analyses the differences between the first edition of the novel (2009), defined as a journal version, and the writer's version published in 2015. The former edition is about 80 pages shorter than the latter, with six chapters entirely cut out (“1963. Further March. Garsonniere”, “1963. April – May. Depression”, “1963. May. Six-armed”, “1963. June. National”, “1968. Early August. Ralissa”, “1968. August 15. Sardius”) and some chapters shortened by two or three pages. As a result, a plot line that depicts a love affair of Robert Er has been lost. It creates inconsistencies and empty spots, which are difficult for the reader to understand, and significantly distorts the writer's concept as a whole. The triad of love – friendship – poetry, which has been important for the writer since the sixties, is seriously reduced in the first edition, in particular due to the absence of the poem “If I could return to that line...” from the chapter “The Hangover”, which contains a tragic contemplation on the necessity and impossibility of remaining yourself in life, love, and art. However, the second edition (2015), though reconstructing the writer's original version, fails to adequately represent his artistic strategy. The author emphasises that excessive editorial explanatory and clarifying footnotes, aimed at elucidating the nuances of the time, in fact, convert the work from a “novel about the 1960s” to the chronicle of the 1960s.

References

1. Aksyonov, V. (2009) *Tainstvennaya strast' (roman o shestidesyatnikakh)* [Mysterious Passion (a novel about the Sixtiers)]. Moscow: Sem' dney.
2. Aksyonov, V. (2015) *Tainstvennaya strast' (roman o shestidesyatnikakh)* [Mysterious Passion (a novel about the Sixtiers)]. Moscow: O.A. Biryukov.

3. Gladilin, A. (2010) Aksenovskaya “Tainstvennaya strast’” v zakone zhanra [Aksyonov’s “Mysterious Passion” in the law of the genre]. *Kazan’*. 3. pp. 50–54.
4. Aksyonov, V. (2008) Tainstvennaya strast’ (roman o shestidesyatnikakh) [Mysterious Passion (a novel about the Sixtiers)]. *Karavan istoriy*. 2. pp. 168–207.
5. Aksyonov, V. (2008) Tainstvennaya strast’ (roman o shestidesyatnikakh) [Mysterious Passion (a novel about the Sixtiers)]. *Karavan istoriy*. 3. pp. 152–203.
6. Aksyonov, V. (2008) Tainstvennaya strast’ (roman o shestidesyatnikakh) [Mysterious Passion (a novel about the Sixtiers)]. *Karavan istoriy*. 4. pp. 156–202.
7. Aksyonov, V. (2009) Tainstvennaya strast’ (roman o shestidesyatnikakh) [Mysterious Passion (a novel about the Sixtiers)]. *Karavan istoriy*. 1. pp. 148–199.
8. Erofeev, Vik. (2015) Tsena svobody [The Price of Freedom]. In: Pavlishcheva, S. (ed.) *Yury Trifonov. Otblesk lichnosti* [Yury Trifonov. The reflection of personality]. Moscow: Gallery. pp. 164–174.

ВОПРОСЫ КНИГОИЗДАНИЯ

УДК 021.6

DOI: 10.17223/23062061/18/7

В.А. Есипова, Т.П. Карташова

КНИЖНЫЕ ПАМЯТНИКИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

Аннотация. Рассматривается опыт создания электронных ресурсов, посвященных книжным памятникам, в учреждениях различной ведомственной принадлежности. Проанализированы существующие информационные системы и практики их использования, перечислены их особенности. Показано, что музеи, библиотеки и архивы преследуют разные цели при оцифровке книжных памятников и предоставляют разные возможности для исследователя. Таким образом, на сегодняшний день созданы три ведомственные системы, предоставляющие доступ к цифровым копиям книжных памятников, не связанные друг с другом.

Ключевые слова: книжный памятник, электронный ресурс.

Как известно, книжные памятники на территории России находятся в хранилищах разной ведомственной принадлежности: в библиотеках, архивах, музеях, научных и образовательных учреждениях. Соответственно, существует ряд законодательных актов, согласно которым они должны учитываться, храниться и использоваться. Это законы «О библиотечном деле» [1], «Об архивном деле в Российской Федерации» [2], «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» [3]. Существует также ГОСТ «Книжные памятники. Общие требования» [4].

Российская государственная библиотека (РГБ) в рамках работы по реализации «Основных направлений развития деятельности по сохранению библиотечных фондов в Российской Федерации на 2011–2020 гг.» [5] аккумулирует сведения о книжных памятниках в регионах России. За 2000–2011 гг. РГБ собрала сведения о фондах 542 учреждений, в которых хранятся книжные памятники (204 библиотеки, 148 музеев, 69 архивов, 27 научных учреждений, 94 учебных заведения) [5].

Видно, что держателями книжных памятников являются не только библиотеки; более того, из 542 учреждений библиотеки составляют менее половины (204). Представление в электронном виде информации о книжных памятниках, хранящихся в учреждениях разной ведомственной принадлежности, имеет специфику и сталкивается с целым рядом проблем [6]. В музеях, библиотеках и архивах существуют различные традиции описания документов, в том числе книжных памятников; в соответствии с этими традициями уже создано значительное количество электронных поисково-информационных систем, позволяющих осуществлять описание и представление в электронном виде книжных памятников. Сформированы стандарты, в соответствии с которыми происходит наполнение этих систем; они различны для музеев, архивов и библиотек. Сравнительный анализ этих стандартов провела Ю.Ю. Юмашева, она включила в рассмотрение, в том числе, и всероссийскую базу по книжным памятникам, за ведение которой отвечает РГБ [7].

Отметим, что традиционно в библиотеках основной единицей описания является издание, при этом главное внимание уделяется его содержанию. Для описания музейного предмета важнейшей составляющей остается рассмотрение любого музейного предмета как памятника материальной культуры. В первую очередь при описании музейного предмета обращается внимание на его формальные признаки, внешний вид и состояние физической сохранности. Принятое же в архивной практике описание, отраженное в соответствующих программных средствах, обладает потенциалом для описания любого объекта культурного наследия, о чем уже имеются соответствующие исследования [6]. Заметим, что в 2000-е гг. предпринималась попытка реализации синтеза разных программных средств с целью сделать их оптимальными для описания книжных памятников и документов, хранящихся в музейных фондах; она была сделана сотрудниками Государственного исторического музея (ГИМ) [8, 9].

Так, в 2007 г. на базе ГИМ был проведен семинар «Организация музейного учета и описания фондов редкой книги музейных

библиотек на базе программного обеспечения «АС-Библиотека-3» и специализированного модуля «Редкая книга» [10].

Одним из активных проводников идеи создания комплексного программного обеспечения была Ю.Ю. Юмашева, тогда – главный специалист по информатизации ГИМ; ее работы уже цитировались выше. Проведенный Ю.Ю. Юмашевой сравнительный анализ существующих стандартов описания книжных памятников привел ее к следующему выводу: «Вывод очевиден: рассмотренная специфика российской архивной и музейной документации не дает возможности использования в автоматизированных информационно-поисковых системах стандартов описаний объектов историко-культурного наследия, поскольку оно ведет к полной утрате адекватности “стандартизованного описания” исторической реальности и существа описываемого предмета. Представляется, что для реализации подобных автоматизированных систем, предназначенных для представления объектов историко-культурного наследия, необходимо искать и находить более гибкие решения, основанные на учете отечественной традиции и на источникориентированном подходе к их проектированию» [7. С. 59].

Использование различных стандартов описания книжных памятников для читателя и исследователя означает затруднения в плане поиска информации, оценки ее достоверности, проблемы с собиранием информации об одном и том же памятнике в разных местах и по разным стандартам. Таким образом, получается, что массовое внедрение электронных систем не только не облегчает, но может и существенно затруднить работу и привести к рассредоточению данных по различным источникам. В качестве решения проблемы можно обдумать создание отдельной, общей для всех ведомств системы для аккумуляции информации о книжных памятниках – но для нее необходима разработка отдельного стандарта, позволяющего адекватно отражать как палеографические особенности, так и историю бытования. Возможно, имеет смысл обратить внимание на FRBR, который сейчас активно тестируется американскими библиотеками [11].

Отметим также, что КАМИС, использующаяся в музеях, – это учетная программа, мало пригодная для исследователей. Несмотря

на большое количество полей для заполнения, программа имеет очень ограниченные возможности для адекватной передачи информации о книжных памятниках. Для исследователей при выгрузке описаний информация дается минимальная.

Полнотекстовые цифровые копии памятников – еще одна проблема, по-разному решаемая различными фондодержателями. Обращение к этой проблеме необходимо, так как в цифровую эпоху уже недостаточно словесного (вербального) описания.

Наибольшей популярностью и востребованностью пользуются (особенно у исследователей) электронные ресурсы, включающие в себя и изображение внешнего вида памятника, и его полный текст. Здесь мы также видим и разные форматы при оцифровке, и разные подходы к их представлению (публикации). Часто у музеев нет возможностей осуществлять полномасштабную оцифровку из-за отсутствия необходимого оборудования, программного обеспечения и специалистов.

Библиотеки предпочитают выкладывать обработанные, «очищенные» от всего лишнего тексты, а музеям важны все нюансы внешнего вида, в том числе и запечатление имеющихся повреждений. В музеях цифровые копии если и изготавливаются, то не с целью облегчения доступа к информации, а в качестве страховой копии. Ее делают в обязательном порядке перед выдачей на выставку, особенно сторонним организациям, чтобы в случае изменения сохранности музейного предмета после экспонирования потребовать материальную компенсацию.

Осуществление доступности к цифровым фондам библиотек приводит к изъятию оригиналов из непосредственного обращения и замене их цифровыми копиями, а также увеличению количества посещений библиотечного сайта, в музеях же происходит обратный процесс. Цифровые технологии используются в основном для привлечения посетителей и исследователей в музей для осмотра подлинных книжных памятников.

Библиотечно-информационная система включает в себя, прежде всего, возможности, исходящие из традиционных библиотечных правил каталогизации. По результатам поиска исследователю

предоставляется список соответствующих запросу книг, описанных фактически в формате библиотечной карточки. В каждое из описаний можно зайти и ознакомиться с более подробным описанием в формате MARC. MARC содержит достаточно много полей, теоретически в них можно отразить и палеографические особенности. Однако на практике это делается крайне редко; при этом часть полей, в которых можно отражать интересующие исследователя детали, не является поисковой. Это в некоторой степени компенсируется возможностями электронных библиотек, где можно ознакомиться с полнотекстовой электронной копией памятника. Но и она не заменяет памятники полностью: по крайней мере, в ней сложно отразить, например, данные о филигранях на бумаге рукописи. Таким образом, библиотечная система, при всех ее достоинствах, не всегда может предоставить исследователю информацию, которую он получает из работы непосредственно с подлинником.

В архивах используется единая для всей сети учреждений поисково-информационная система «Центральный фондовый каталог» [12]. Имеется также Государственный реестр уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации [13]; он включает, в числе прочего, и описания книжных памятников. Описание каждого памятника сопровождается не только краткой аннотацией, освещающей историко-культурное значение книги, но и полной цифровой копией. Таким образом, в случае архивов, как и в случае библиотек, появление цифровой копии в Государственном реестре означает изъятие оригинала из обращения и приводит к увеличению обращений как к Государственному реестру, так и к сайту архива.

Отметим, что в «доцифровую» эпоху подобные проекты реализовывались, и весьма успешно: достаточно вспомнить широко известную «Вологодскую программу» [14–26], в рамках которой в 1980–1990-е гг. были составлены описания имеющихся на территории региона памятников письменности с древнейших времен до XX в. В программе участвовали все хранители письменного наследия, независимо от ведомственной принадлежности. Аналогичную функцию выполняет издающаяся и поныне серия **«Материалы к Сводному каталогу рукописей, старопечатных и ред-**

ких книг в собраниях Сибири и Дальнего Востока», насчитывающая уже более полутора десятков выпусков [27–37 и др.].

Возвращением к этому опыту на новом уровне является практика создания региональных центров по изучению книжных памятников, проходящая под патронатом РГБ. В настоящее время такие центры созданы в целом ряде регионов страны. Однако практика отражения книжных памятников в цифровом виде различна. Многие центры идут по пути составления характеристики на коллекции имеющихся в регионе фондодержателей; каждому фондодержателю отводится своя страничка с перечислением и краткой характеристикой коллекций и единичных памятников, обычно в ее составе имеется ссылка на веб-сайт фондодержателя, где можно ознакомиться с его коллекцией [38–41 и др.]. Интересна попытка, предпринятая в Челябинске: здесь был создан сводный каталог рукописей, хранящихся в регионе [42]. Характерно, что при этом не использовалась ни одна из библиотечных, архивных или музейных программ, предназначенных для описания. Описание рукописей представляет собой html-документ; все описания связаны между собой системой указателей. Представляется, что эта попытка (на наш взгляд, удачная) подтверждает изложенные выше соображения об отсутствии общей платформы для описания у фондодержателей разной ведомственной принадлежности и необходимости поиска решений в данном вопросе. Подтверждает она и другой тезис – о недостаточности возможностей имеющихся систем для адекватного описания таких сложных по природе памятников, как, например, рукописи.

Реализованный, при поддержке РГНФ, в 2016 г. в г. Томске проект «Томская археографическая экспедиция: обследование книжных фондов Томского областного краеведческого музея им. М.Б. Шатилова и его филиалов», наработанный опыт и стоящие перед коллективом задачи по описанию и представлению книжных памятников музея также требуют осмысления указанных выше проблем. В настоящее время подготовлены описания на коллекцию рукописей и новых поступлений коллекции кирилловской печати ТОКМ, начата работа по их введению в научный оборот.

Можно рассмотреть разные варианты: с одной стороны, поскольку коллекции музейные, необходимо ввести их в КАМИС. С другой стороны, рукописи относятся к архивному фонду – значит, необходимо их отражение в соответствующей системе. Наконец, полное палеографическое описание производилось специалистами двух библиотек (Научной библиотеки ТГУ и ГПНТБ СО РАН) по библиотечным стандартам. В свете предложений по созданию Регионального центра книжных памятников на базе НБ ТГУ встает вопрос о возможности отражения этой информации в системе НБ ТГУ по библиотечным стандартам. Таким образом, получается, что информация об одних и тех же памятниках будет отражаться в разных системах и по разным стандартам.

По итогам проекта неизбежно встанет вопрос о том, как наиболее полно отразить его результаты и сделать их максимально доступными и удобными для работы исследователей. Пока окончательное решение об этом не принято, но в свете изложенного выше понятно, что над его выработкой придется серьезно подумать.

Литература

1. Федеральный закон от 29.12.1994 № 78-ФЗ «О библиотечном деле». С изменениями от 3 июля 2016 г. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9010022> (дата обращения: 30.01.2017).
2. Федеральный закон от 22.10.2004 № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102089077> (дата обращения: 30.01.2017). С изменениями от 2 марта 2016 г. URL: <http://archives.ru/documents/fz43-2016.shtml> (дата обращения: 30.01.2017).
3. Федеральный закон от 26.05.1996 № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102041535&rdk=&backlink=1> (дата обращения: 30.01.2017). С изменениями от 3 июля 2016 г. URL: <https://rg.ru/2016/07/12/muzei-dok.html> (дата обращения: 30.01.2017).
4. ГОСТ 7.87. «Книжные памятники. Общие требования» в редакции 2005 г. URL: http://kp.rsl.ru/assets/files/documents/GOST_1.pdf (дата обращения: 30.01.2017). В редакции 2013 г. URL: http://www.rsl.ru/datadocs/doc_7321vo.pdf (дата обращения: 30.01.2017).
5. Основные направления развития деятельности по сохранению библиотечных фондов в Российской Федерации на 2011–2020 гг. URL: <http://kp.rsl.ru/assets/files/documents/main-directions.pdf> (дата обращения: 30.01.2017).

6. Юмашева Ю.Ю. Документы Архивного фонда и их представление в архивных, библиотечных и музейных автоматизированных системах. Проблемы описания и создания электронных копий : тез. докл. на Междунар. конф. EL Manuscript-2012. Петрозаводск, 5–7 сентября 2012 г. URL: <http://textual-heritage.org/content/view/400/113/lang,ru/> (дата обращения: 30.01.2017).
7. Юмашева Ю.Ю. Стандарты описания объектов историко-культурного наследия в информационно-поисковых системах: проблемы источниковедения // Вестник Пермского университета. История. 2013. Вып. 2 (22). С. 50–62.
8. Информатизация учетно-фондовой работы : сб. ст. // Труды ГИМ. М., 2008. Вып. 174. 166 с.
9. Юмашева Ю.Ю., Лазаренко Е.В. Музейный учет и описание фондов редкой книги // Справочник руководителя организаций культуры. 2008. № 6. С. 78–80.
10. Организация музейного учета и описания фондов редкой книги музейных библиотек на базе программного обеспечения «АС-Библиотека-3» и специализированного модуля «Редкая книга». Семинар ГИМ. 23 октября 2007 г., Москва. URL: http://213.85.25.4/muz_uchet.html (дата обращения: 30.01.2017).
11. Functional Requirements for bibliographical Records. URL: <http://www.if-la.org/publications/functional-requirements-for-bibliographic-records> (дата обращения: 30.01.2017). В русском переводе. URL: http://elib.ict.nsc.ru/jspui/bitstream/ICT/1018/1/FRBR_2009_ru.pdf (дата обращения: 30.01.2017).
12. Центральный фондový каталог. URL: <http://cfc.rusarchives.ru/CFC-search/> (дата обращения: 30.01.2017).
13. Государственный реестр уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации. URL: <http://unikdoc.rusarchives.ru/GRSearch?grid-page=2> (дата обращения: 30.01.2017).
14. Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталог-путеводитель / под общ. ред. П.А. Колесникова (далее – ППМВО). Ч. 1; [вып. 1]. Рукописные книги [районных и народных музеев] / отв. сост. А.А. Амосов. Вологда, 1982. 200 с.
15. ППМВО. Ч. 1; вып. 2. Рукописные книги XIV–XVII вв. Вологодского областного музея / отв. сост. А.А. Амосов. Вологда, 1987. 432 с.
16. ППМВО. Ч. 1; вып. 3. Рукописные книги XIX–XX вв. Вологодского областного музея / отв. сост. В.В. Морозов. Вологда, 1989. 273 с.
17. ППМВО. Ч. 1; вып. 4. Книжная традиция Кубеноозерья / отв. сост. А.А. Амосов. Вологда, 2001. 278 с.
18. ППМВО. Ч. 2; [вып. 1]. Книги кириллической печати [районных и народных музеев] (1564–1825) / отв. сост. А.А. Амосов. Вологда, 1983. 472 с.
19. ППМВО. Ч. 2; вып. 2. Книги кириллической печати Вологодского областного музея (1575–1825) / отв. сост. В.В. Морозов. Вологда, 1985. 179 с.
20. ППМВО. Ч. 3; [вып. 1]. Книги гражданской печати [районных и народных музеев] (1718–1825) / отв. сост. А.А. Амосов. Вологда, 1984. 360 с.
21. ППМВО. Ч. 3; вып. 2. Книги гражданской печати Вологодского областного музея (1709–1825) / сост. Н.Н. Малинина. Вологда, 1985. 208 с.

22. ППМВО. Ч. 4; вып. 1. Документы дореволюционного периода [районных и народных музеев] / отв. сост. А.А. Амосов. Вологда, 1985. 212 с.
23. ППМВО. Ч. 4; вып. 2. Документы XVI–XVIII вв. в Череповецком краеведческом музее / сост. Б.Н. Морозов. Вологда, 1984. 208 с.
24. ППМВО. Ч. 4; вып. 3. Документы XVI – начала XX в. Вологодского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника / отв. сост. А.А. Амосов, С.Е. Князьков. Вологда, 1998. 294 с.
25. ППМВО. Ч. 5 [вып. 1]. Документы советского периода [районных и народных музеев] / отв. сост. Н.И. Решетников. Вологда, 1984. 312 с.
26. ППМВО. Ч. 5; вып. 2. Документы советского периода Вологодского областного краеведческого музея / отв. сост. Н.И. Решетников. Вологда, 1988. 426 с.
27. Лобанов В.В. Библиотека Зинаиды Алексеевны Рагозиной: Описание / Научная библиотека Томского государственного университета. Новосибирск, 1989. 157 с.
28. Лобанов В.В. Издания произведений Жан-Жака Руссо в Научной библиотеке Томского университета. Новосибирск, 1989. 50 с.
29. Рудзинский П.Т. Прижизненные издания произведений В.И. Ленина: Описание. Новосибирск, 1990. 111 с.
30. Рудзинский П.Т. Сатирические журналы первой русской революции 1905–1907 гг.: Каталог. Новосибирск, 1990. 125 с.
31. Глухих Т.Ю. Отечественные издания, напечатанные при Петре I: Каталог. Новосибирск, 1992. 301 с.
32. Шиндина А.Б. Книги кирилловской печати XVII века в фондах Красноярской краевой научной библиотеки им. В.И. Ленина: Описание коллекции. Новосибирск, 1992. 143 с.
33. Жаркова Е.М. Книги гражданской печати XVIII века в фондах Кяхтинского краеведческого музея им. академика В.А. Обручева: (К столетию образования музея) / под ред. Л.А. Филипповой. Новосибирск, 1992. 156 с.
34. Алексеев В.Н. Книги кирилловской печати XVII–XX вв. Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника: Каталог. Новосибирск, 1993. 170 с.
35. Игумнова Н.Д. Русские и иностранные рукописи Научной библиотеки Иркутского университета / науч. ред. В.Н. Алексеев. Ч. 1: Отечественные рукописи. Новосибирск, 1995. 242 с.
36. Бородихин А.Ю., Бородихина Е.Ю., Седлецкая Т.Л. Библиотека профессора А.И. Клибанова: Каталог / ГПНТБ СО РАН. Новосибирск, 1996. 268 с.
37. Бахтина О.Н. Русские старопечатные книги XVI–XVIII вв. Томского объединенного историко-архитектурного музея: Описание / науч. ред. В.Н. Алексеев, А.Ю. Бородихин. Новосибирск, 1996. 172 с.
38. Книжные памятники Астраханской области. URL: <http://aonb.astranet.ru/kp/?page=gfkrp> (дата обращения: 30.01.2017).
39. Книжные памятники Смоленской области. URL: <http://smolensklb.ru/kp/> (дата обращения: 30.01.2017).

40. Региональный свод книжных памятников Тамбовской области. URL: <http://tambovlib.ru/knigrapam/?p=1> (дата обращения: 30.01.2017).

41. Региональный центр «Книжные памятники Свердловской области». URL: <http://book.uraic.ru/uralkp/> (дата обращения: 30.01.2017).

42. Кириллические рукописные книги XVI–XX вв. в собраниях Челябинской области. URL: <http://resources.chelreglib.ru:6005/root2/kp/cyrillic/index.html> (дата обращения: 30.01.2017).

BOOK MONUMENTS IN THE DIGITAL AGE: PROBLEMS OF CREATION AND USE OF ELECTRONIC RESOURCES

Текст. Книга. Книгоиздание – Текст. Книга. Публикация, 2018, 18, pp. 138–151.

DOI: 10.17223/23062061/18/7

Esipova Valeriya A., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: esipova_val@mail.ru

Kartashova Tatiana P., Tomsk Museum of Local History (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kartashova67@yandex.ru

Key words: book monuments, electronic resource.

The article focuses on creation of electronic resources related to book monuments stored in the institutions of different department affiliation (libraries, archives, and museums). The authors analyse a number of legislative acts under which book monuments must be stored and used and discuss information systems and their specificity to conclude that the presentation of information about book monuments stored in institutions of different affiliation has certain peculiarities and encounter various difficulties. Museums, libraries and archives have different goals in digitisation of book monuments and provide different opportunities for researchers. These institutions must comply with different standards for filing electronic systems related to book monuments. Thus, nowadays three independent departmental systems provide access to digital copies of book monuments. Libraries traditionally focus on editions and their content, while museums consider book monuments as museum objects representing material culture. Due to different standards for description of book monuments, readers and researchers encounter a number of challenges in finding information, reliability assessment, collecting information on the same monument in different locations and under different standards. Such projects were successfully realised in the “pre-digital” time, as, for example, in the case with the well-known “Vologda program”. This experience can be employed on a new level by regional centres for studying book monuments under the patronage of the Russian State Library. The analysis of their practice confirms the authors’ arguments about the need for a common platform for describing book monuments stored in institutions of different affiliations and about the need to improve the existing systems to achieve adequate level of description of such complex book monuments as manuscripts.

References

1. Russian Federation. (1994) *Federal Law No. 78- FZ of December 29, 1994, "On Librarianship". As amended on July 3, 2016.* [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/9010022>. (Accessed: 30th January 2017). (In Russian).
2. Russian Federation. (2004) *Federal Law No. 125 – FZ of October 22, 2004, "On Archival Affairs in the Russian Federation".* [Online] Available from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102089077>. (Accessed: 30th January 2017). (In Russian).
3. Russian Federation. (1996) *Federal Law No. 54-FZ of May 26, 1996, "On the Museum Fund of the Russian Federation and Museums in the Russian Federation".* [Online] Available from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102041535&rdk=&backlink=1>. (Accessed: 30th January 2017). (In Russian).
4. Russian Federation. (2005) GOST 7.87. "Knizhnye pamyatniki. Obshchie trebovaniya" v redaktsii 2005 g. [GOST 7.87. "Book Monuments. General Requirements" as amended in 2005]. [Online] Available from: http://kp.rsl.ru/assets/files/documents/GOST_1.pdf. (Accessed: 30th January 2017). (In Russian).
5. Russian Federation. (n.d.) *Osnovnye napravleniya razvitiya deyatel'nosti po sokhraneniyu biblioteknykh fondov v Rossiyskoy Federatsii na 2011-2020 gg.* [The main directions of the preservation of library collections in the Russian Federation for 2011–2020]. [Online] Available from: <http://kp.rsl.ru/assets/files/documents/main-directions.pdf>. (Accessed: 30th January 2017). (In Russian).
6. Yumasheva, Yu.Yu. (2012) [Documents of the Archival Fund and their presentation in archival, library and museum automated systems. Problems of describing and creating electronic copies]. *EL`Manuscript-2012*. Proc. of the International Conference. Petrozavodsk, September 5–7, 2012. [Online] Available from: <http://textualheritage.org/content/view/400/113/lang.ru/>. (Accessed: 30th January 2017). (In Russian).
7. Yumasheva, Yu.Yu. (2013) The description standards of the historical and cultural heritage objects in databases: problems of sources. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya – Perm University Herald. History.* 2(22). pp. 50–62. (In Russian).
8. Yumasheva, Yu.Yu. (2008) *Informatizatsiya uchetno-fondovoy raboty* [Informatization of foundation work stock work]. Moscow: State Historical Museum.
9. Yumasheva, Yu.Yu. & Lazarenko, E.V. (2008) *Muzeynyy uchët i opisaniye fondov redkoy knigi* [Museum accounting and description of rare book collections]. *Spravochnik rukovoditelya organizatsiy kul'tury.* 6. pp. 78–80.
10. The State Historical Museum. (2007) *Organizatsiya muzeynogo ucheta i opisaniya fondov redkoy knigi muzeynykh bibliotek na baze programmnoy obespecheniya "AS-Biblioteka-3" i spetsializirovannogo modulya "Redkaya kniga"* [Organization of museum accounting and description of funds of a rare book of museum libraries based on the "AS-Library-3" software and the specialized module "Rare Book"]. [Online] Available from: http://213.85.25.4/muz_uchet.html (data obrashcheniya: 30.01.2017 g.).

11. The International Federation of Library Associations and Institutions. (n.d.) *Functional Requirements for Bibliographical Records*. [Online] Available from: <http://www.ifla.org/publications/functional-requirements-for-bibliographic-records>. (Accessed: 30th January 2017).
12. Rusarchives.ru. (n.d.) *Tsentral'nyy fondovyy katalog* [Central Stock Catalog]. [Online] Available from: <http://cfc.rusarchives.ru/CFC-search/>. (Accessed: 30th January 2017).
13. Rusarchives.ru. (n.d.) *The State Register of Unique Documents of the Archive Fund of the Russian Federation*. [Online] Available from: <http://unikdoc.rusarchives.ru/GRSearch?grid-page=2>. (Accessed: 30th January 2017). (In Russian).
14. Kolesnikov, P.A. (ed.) (1982) *Pamyatniki pis'mennosti v muzeyakh Vologodskoy oblasti. Katalog-putevoditel'* [Ancient manuscripts in the museums of Vologda region]. Vologda: [s.n.].
15. Amosov, A.A. (ed.) (1987) *Rukopisnye knigi XIV–XVII vv. Vologodskogo oblastnogo muzeya* [Handwritten books of the 14th–17th centuries. The Vologda Regional Museum]. Vologda: [s.n.].
16. Morozov, V.V. (ed.) (1989) *Rukopisnye knigi XIX–XX vv. Vologodskogo oblastnogo muzeya* [Handwritten books of the 19th–20th centuries. Vologda Regional Museum]. Vologda: [s.n.].
17. Amosov, A.A. (ed.) (2001) *Knizhnaya traditsiya Kubenoozer'ya* [Book tradition of Kubenozero]. Vologda: [s.n.].
18. Amosov, A.A. (ed.) (1983) *Knigi kirillicheskoj pečati [rayonnykh i narodnykh muzeev] (1564–1825)* [Old Cyrillic books [in regional and national museums] (1564–1825)]. Vologda: [s.n.].
19. Morozov, V.V. (ed.) (1985) *Knigi kirillicheskoj pečati Vologodskogo oblastnogo muzeya (1575–1825)* [Cyrillic books in the Vologda Regional Museum (1575–1825)]. Vologda: [s.n.].
20. Amosov, A.A. (ed.) (1984) *Knigi grazhdanskoj pečati [rayonnykh i narodnykh muzeev] (1718–1825)* [Civil books [in regional and national museums] (1718–1825)]. Vologda: [s.n.].
21. Malinin, N.N. (ed.) (1985) *Knigi grazhdanskoj pečati Vologodskogo oblastnogo muzeya (1709–1825)* [Civil books in the Vologda Regional Museum (1709–1825)]. Vologda: [s.n.].
22. Amosov, A.A. (ed.) (1985) *Dokumenty dorevoljucionnogo perioda [rayonnykh i narodnykh muzeev]* [Documents of the pre-revolutionary period [in district and folk museums]]. Vologda: [s.n.].
23. Morozov, B.N. (ed.) (1984) *Dokumenty XVI–XVIII vv. v Cherepovetskom kraevedcheskom muzee* [Documents of the 16th–18th centuries in the Cherepovets Regional Museum]. Vologda: [s.n.].
24. Amosov, A.A. & Knyazkov, S.E. (eds) (1998) *Dokumenty XVI – nach. XX v. Vologodskogo istoriko-arkhitekturnogo i khudozhestvennogo muzeya-zapovednika* [Documents of the 16th – early 20th centuries in the Vologda Historical, Architectural and Art Museum-Preserve]. Vologda: [s.n.].

25. Reshetnikov, N.I. (ed.) (1984) *Dokumenty sovetskogo perioda [rayonnykh i narodnykh muzeey]* [Documents of the Soviet period [district and folk museums]. Vologda: [s.n.].
26. Reshetnikov, N.I. (ed.) (1988) *Dokumenty sovetskogo perioda Vologodskogo oblastnogo krayevedcheskogo muzeya* [Documents of the Soviet period in the Vologda Regional Museum of Local History]. Vologda: [s.n.].
27. Lobanov, V.V. (1989a) *Biblioteka Zinaidy Alekseevny Ragozinoy: Opisanie* [Library of Zinaida Alekseevna Ragozina: Description]. Novosibirsk: [s.n.].
28. Lobanov, V.V. (1989b) *Izdaniya proizvedeniy Zhan-Zhaka Russo v Nauchnoy biblioteke Tomskogo universiteta* [Jean-Jacques Rousseau's works in the Research Library of Tomsk University]. Novosibirsk: [s.n.].
29. Rudzinsky, P.T. (1990a) *Prizhiznennyye izdaniya proizvedeniy V.I. Lenina: Opisanie* [Lifetime editions of V.I. Lenin's works: Description]. Novosibirsk: [s.n.].
30. Rudzinsky, P.T. (1990b) *Satiricheskie zhurnaly pervoy russkoy revolyutsii 1905–1907 gg.* [Satirical magazines of the first Russian revolution of 1905–1907]. Novosibirsk: [s.n.].
31. Glukhikh, T.Yu. (1992) *Otechestvennyye izdaniya, napechatannyye pri Petre I* [Russian editions printed under Peter I]. Novosibirsk: SB RAS.
32. Shindina, A.B. (1992) *Knigi kirillovskoy pechati XVII veka v fondakh Krasnoyarskoy kraevoy nauchnoy biblioteki im. V.I. Lenina: Opisaniye kolektsii* [Cyrillic books of the 17th century in the funds of the Krasnoyarsk Regional Library: Description of the collection]. Novosibirsk: [s.n.].
33. Zharkova, E.M. (1992) *Knigi grazhdanskoy pechati XVIII veka v fondakh Kyakhtinskogo kraevedcheskogo muzeya im. akademika V.A. Obrucheva: (K stoletiyu obrazovaniya muzeya)* [Civil books of the 18th century in the funds of the Kyakhta Local History Museum]. Novosibirsk: SB RAS.
34. Alekseev, V.N. (1993) *Knigi kirillovskoy pechati XVII–XX vv. Tobol'skogo istoriko-arkhitekturnogo muzeya-zapovednika: Katalog* [Cyrillic books of the 17th–20th centuries in the Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve: Catalog]. Novosibirsk: SB RAS.
35. Igumnova, N.D. (1995) *Russkie i inostrannyye rukopisi Nauchnoy biblioteki Irkutskogo universiteta* [Russian and foreign manuscripts in the Research Library of the Irkutsk University]. Novosibirsk: SB RAS.
36. Borodikhin, A.Yu., Borodikhina, E.Yu. & Sedletskaya, T.L. (1996) *Biblioteka professora A.I. Klibanova: Katalog* [Professor A.I. Klibanov's Library: Catalog]. Novosibirsk: SB RAS.
37. Bakhtina, O.N. (1996) *Russkie staropechatnyye knigi XVI–XVIII vv. Tomskogo ob"edinennogo istoriko-arkhitekturnogo muzeya: Opisaniye* [Russian old printed books of the 16th–18th centuries in the Tomsk United Historical and Architectural Museum: Description]. Novosibirsk: SB RAS.
38. Astranet.ru. (n.d.) *Knizhnyye pamyatniki Astrakhanskoy oblasti* [Book monuments of Astrakhan Region]. [Online] Available from: Astrakhan' <http://aonb.astranet.ru/kp/?page=rfkpr>. (Accessed: 30th January 2017).

39. Smolensklub.ru. (n.d.) *Knizhnye pamyatniki Smolenskoj oblasti* [Book monuments of Smolensk Region]. [Online] Available from: <http://smolensklub.ru/kp/>. (Accessed: 30th January 2017).

40. Tambovlib.ru. (n.d.) *Regional'nyy svod knizhnykh pamyatnikov Tambovskoy oblasti* [Regional collection of book monuments of Tambov Region]. [Online] Available from: <http://tambovlib.ru/knigpam/?p=1>. (Accessed: 30th January 2017).

41. Sverdlovsk Region. (n.d.) *Regional'nyy tsentr "Knizhnye pamyatniki Sverdlovskoy oblasti"* [Regional Centre "Book Monuments of Sverdlovsk Region"]. [Online] Available from: <http://book.uraic.ru/uralkp/> (Accessed: 30th January 2017).

42. Chelyabinsk Region. (n.d.) *Kirilicheskie rukopisnye knigi XVI–XX vv. v sobraniyakh Chelyabinskoy oblasti* [Cyrillic manuscripts of the 16th–20th centuries in the collections of Chelyabinsk region]. [Online] Available from: <http://resources.chel-reglib.ru:6005/root2/kp/cyrillic/index.html>. (Accessed: 30th January 2017).

Е.В. Динер

ОПЫТ РАЗРАБОТКИ КОНЦЕПЦИИ МУЛЬТИМЕДИЙНОГО УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ (НА ПРИМЕРЕ ЭЛЕКТРОННОГО ПРИЛОЖЕНИЯ К ОСНОВНОМУ УЧЕБНИКУ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ)

***Аннотация.** На основе завершённых исследований в области психологических, педагогических, книговедческих аспектов электронной учебной книги рассмотрена проблема реализации книговедческих принципов в современной мультимедийной учебной литературе. В настоящее время они соблюдаются далеко не всегда, что приводит к неэффективному применению преимуществ компьютерной среды, к нарушению дидактических принципов, составляющих основу учебной книги, и, в итоге, к снижению качества электронной учебной продукции. В статье на практическом материале показаны особенности реализации книговедческих подходов к созданию мультимедийного учебного пособия для средней школы, выявлены концепционные характеристики такого издания, а также специфика применения принципа эргономичности в электронной учебной книге.*

Ключевые слова: мультимедийные технологии, мультимедийное учебное пособие, компьютерная среда, книговедческие аспекты электронной учебной книги, концептуальная модель мультимедийного учебного пособия.

Реализация приоритетных задач, стоящих перед системой современного российского образования, требует модернизации процесса обучения, широкой компьютеризации всех образовательных ступеней. Преодоление этих проблем сопряжено с необходимостью разработки информационно-образовательных сред, позволяющих: а) сформировать компетенции, необходимые человеку, живущему в динамично изменяющемся мире; б) обеспечить равные условия обучения всех участников образовательного процесса; в) создать интерактивную образовательную среду для любых категорий пользователей и в системе любой структуры обучения.

Одним из главных в образовательной среде является содержательный компонент, который, согласно новейшим педагогическим исследованиям, должен быть представлен учебными материалами,

«максимально разнообразными по форме подачи, носителю, преимущественным каналам восприятия и его особенностям» [1. С. 21]. Большим потенциалом в этом контексте обладает электронная учебная книга, созданная на основе мультимедийного текста, поскольку он отличается принципиально иным уровнем гипертекстовости и интерактивности, знаковым разнообразием и активизирует различные органы восприятия.

Преимущества применения мультимедийных технологий в образовательном процессе доказаны во многих научных работах и подтверждены практикой обучения. В отечественной литературе отмечен большой потенциал мультимедийных контентов для развития творческого воображения, активизации интеллектуальной деятельности личности, наглядного представления учебного материала, возможности моделировать реальные явления окружающего мира и др. [2–4].

Согласно зарубежным исследованиям в области когнитивной психологии сочетание видео-, аудиосредств и текста в процессе обучения позволяет: а) выстроить взаимодействие вербальной и образной моделей знания; б) устранить перегрузки когнитивной системы обучающихся; в) использовать несколько каналов обработки информации, дополняющих друг друга; г) осуществлять индивидуальный подход к обучению. Авторы отмечают важность эмоционального компонента в процессе восприятия мультимедийных текстов, поскольку он обеспечивает формирование мотивации к обучению [5–8]. Если учесть, что современные информационные технологии всё более способствуют перемещению чтения подростков в электронную среду [9, 10], перечисленные преимущества соответствуют потребностям современного пользователя, а также могут оказать положительное действие на качество усвоения учебного материала.

Проблема внедрения электронной учебной литературы в образовательный процесс в настоящее время осмыслена во многих педагогических исследованиях. В научных трудах определены отличительные признаки электронного учебника, принципы его применения в образовательном процессе, даны методические реко-

мендации по технологии создания [10–13]. Авторы справедливо отмечают, что задача мультимедийной учебной книги – максимально облегчить понимание и запоминание, сделать его активным, вовлекая в процесс обучения иные, по сравнению с обычным учебником, возможности человеческого мозга [10]. Поэтому для его создания недостаточно придать гипертекстовую структуру электронной версии печатного издания и снабдить её мультимедийным материалом; преимущества электронной среды необходимо применять в соответствии с психофизиологическими, дидактическими, методическими требованиями, предъявляемыми к учебной литературе.

В этом контексте качество мультимедийной учебной литературы обусловлено в том числе и её книговедческими аспектами. Над традиционной учебной книгой, культура которой формировалась в течение многих лет, работали лучшие издательства страны, она была ориентирована на цели образования, возрастные особенности обучающихся, а её содержательный, иллюстративный материал выстраивался с опорой на методические основы преподавания той или иной дисциплины. Электронная учебная продукция, представленная сегодня на российском книжном рынке, в большинстве случаев создаётся непрофессионалами, поэтому и характеризуется низким уровнем качества.

Этот факт отмечен во многих научных работах. Так, Е. Аленичева и Н. Монастырёв среди существенных недостатков современных мультимедийных учебников называют и те, которые имеют явно книговедческий характер: отсутствие адресности, единого подхода к иллюстративному материалу [14. С. 122]. И.Н. Коваленко отмечает, что применение мультимедийной учебной литературы имеет целью повысить эффективность усвоения материала, а «не порадовать глаз обилием графики или удивить дизайнерскими решениями», что нередко встречается в электронных контентх [15]. Эмпирический анализ показывает: в электронных учебных пособиях часто не соблюдаются требования к кеглю и начертанию шрифта, присутствует однообразие и, наоборот, чрезвычайное разнообразие подачи материала, неправильно рас-

считан размер электронной страницы, чрезмерно эксплуатируется видеообраз, предлагающий пользователю готовую информацию и т.д. [16, 17]. Существенным недостатком современной электронной учебной литературы следует считать и то, что по большей части она представлена в PDF-формате. В этом случае потенциал компьютерной среды, по сути, не используется, что негативно сказывается на развитии мотивации к процессу обучения.

Перечисленные факты наглядно показывают, что проектирование мультимедийной учебной книги для той или иной ступени образовательного процесса требует как глубокого теоретического осмысления психолого-педагогических аспектов, так и системного представления её книговедческих основ. Особенно актуально применение этих положений по отношению к электронной учебной литературе для средней школы. Вопрос о внедрении в практику общеобразовательной школы электронных учебников обсуждается на государственном уровне с 2015 г., однако практических разработок, соответствующих как дидактическим, так и книговедческим требованиям, чрезвычайно мало.

Этот факт стал определяющим в процессе эмпирического исследования книговедческих аспектов электронной книги в целом и учебной электронной книги в частности [18]. Результаты анализа методологических основ электронной книги позволили установить, что к ней применимы все требования, предъявляемые к традиционной книге, следовательно, технология создания мультимедийного учебного контента, во-первых, должна опираться на традиции книжной культуры, а во-вторых, соответствовать современному состоянию информационной среды и тем инновационным процессам, которые происходят в образовании. С этой позиции разработку мультимедийных учебных пособий необходимо производить на базе принципа эргономичности, который следует считать основой трансляции культуры книги в компьютерную среду [18, 19]. В процессе исследования было выявлено содержание этого принципа по отношению к электронной книге и на его базе осуществлены практические разработки мультимедийных учебных пособий [18].

Концепция мультимедийного учебного пособия «Счастливым английским.ru: вместе учимся читать» была разработана для учащихся 2-го класса средней школы в качестве приложения к основному учебнику английского языка авторов К.И. Кауфман, М.Ю. Кауфман [20]. Её теоретической основой стали: 1) дидактические требования, предъявляемые к учебной литературе для начальной школы; 2) книговедческие требования к мультимедийному учебному контенту; 3) труды в области технологии создания электронных учебных пособий; 4) государственные стандарты по издательскому делу и федеральные законы РФ [21–23].

Концепция учебного пособия базировалась на следующих положениях:

1) поскольку физиологические особенности развития детей 7–10 лет требуют строгого временного ограничения работы с компьютером, мультимедийный контент в начальной школе целесообразнее использовать в качестве приложения к основному учебному материалу;

2) электронное приложение легко использовать в домашних условиях как самостоятельно, так и совместно с родителями;

3) мультимедийное приложение должно быть направлено на закрепление знаний и умений, формирование навыков практической работы, овладение формами и методами познания; его содержание должно быть подчинено детальному рассмотрению учебного курса;

4) взаимодействие пользователя с электронным изданием должно осуществляться на основе принципа эргономичности;

5) учебное пособие должно отвечать универсальным системным требованиям, предъявляемым к изданиям на электронных носителях [25].

В соответствии с этим были сформулированы:

1) *целевое назначение* издания – мультимедийное учебное пособие по английскому языку, дополняющее основной учебник и рабочую тетрадь в качестве самостоятельного приложения на электронном носителе (компьютере, планшете);

2) *читательский адрес*: дети 7–9 лет, обучающиеся в начальной школе, изучающие английский язык первый год.

Целевое назначение и читательский адрес обусловили формулировку воспитательных, развивающих и обучающих задач пособия.

Воспитательные задачи: 1) формировать у младших школьников систему познавательных интересов; 2) приобщать их к традициям мировой культуры; 3) стимулировать развитие творческих способностей; 4) формировать навыки самостоятельной работы и инициативности.

Развивающие задачи: 1) способствовать развитию интереса к изучению английского языка; 2) развивать у младших школьников логическое, проблемное, ассоциативное мышление; 3) способствовать расширению их кругозора.

Обучающие задачи: 1) расширять лингвистический кругозор младших школьников; 2) способствовать эффективному усвоению фонетики английского языка; 3) способствовать формированию и развитию навыков, связанных с произношением звуков английского языка; 4) формировать базовый словарный запас, на котором будет строиться дальнейшее изучение английского языка; 5) развивать умение сочетать операции чтения и говорения.

На основе концептуальных характеристик был разработан сценарий учебного пособия – детальный план его взаимодействия с пользователем, включающий описание содержательного, логического и временного компонентов.

I. Цель учебного пособия – способствовать развитию навыков чтения и говорения на английском языке. Являясь приложением к основному учебнику, оно может быть использовано для выполнения домашних заданий, самостоятельного освоения фонетики английского языка.

В соответствии с целью, а также требованиями, отражёнными в нормативных документах, были определены *классификационные характеристики* электронного приложения:

1) по наличию печатного эквивалента – самостоятельное электронное издание, не имеющее печатного аналога;

2) по природе основной информации – мультимедийное электронное издание, в котором представлена информация различной

знаковой природы (текстовая, изобразительная, видео- и аудиоинформация), количественное соотношение знаковых систем обусловлено психофизиологическими особенностями младших школьников, целевым назначением; взаимосвязь различных знаков обеспечена соответствующими программными средствами;

3) по целевому назначению – электронное учебное пособие-практикум, содержащее систематизированные сведения прикладного характера;

4) по технологии распространения – комбинированное электронное издание, которое может быть использовано как в качестве офлайнового, записанного на переносимых носителях, так и в качестве онлайн-ового, доступного неограниченному кругу потенциальных пользователей через Интернет;

5) по уровню гипертекстовости – электронное издание с пространственной (многомерной) связью элементов (гипертекстовый электронный документ);

6) по характеру взаимодействия с пользователем – недетерминированное (интерактивное) электронное издание, параметры, содержание и способ взаимодействия с которым прямо или косвенно устанавливаются самим пользователем в соответствии с его интересами, целями, уровнем подготовки и тому подобное на основе вспомогательной информации и с помощью определённых алгоритмов, указанных в инструкции по эксплуатации издания;

7) по структуре – издание, состоящее из нескольких файлов;

8) по периодичности – непериодическое электронное издание, не имеющее продолжения.

II. Структура мультимедийного учебного пособия выстроена в соответствии с особенностями реализации принципа эргономичности в рамках семантивной, сигнативной, синтактивной, материальной составляющих электронного издания.

1. *Семантивная (содержательная) составляющая* издания представлена в гипертекстовой интерактивной форме и включает сведения о буквах английского алфавита, особенностях их произношения и употребления в речи. Кроме этого, в содержание включены учебные задания проблемного характера, видео- и аудиоин-

формация, сведения дидактического плана, помогающие осуществлять контроль над процессом усвоения знаний.

Дидактический аппарат издания представлен в интерактивной мультимедийной форме, что, во-первых, облегчает восприятие учебного материала, во-вторых, способствует оптимизации усвоения знаний. В электронное учебное пособие включены игровые интерактивные контрольные задания, соответствующие рабочей программе основного учебника и рабочей тетради «Счастливый английский.ру». К ним относятся:

– чтение английских слов, начинающихся на определённую букву. Например: «Перед тобой английские слова на букву Nn. Потренируйся в чтении этих слов:

NO NEW NOW NUT NAME NEAR NEXT NICE NIGHT NATURE».

Совет: «Нажми на любое слово, оно прозвучит, а ты повтори»;

– поиск слова по его транскрипции (задание предполагает выбор одного варианта ответа). Например: «В транскрипции [ˈno] буква Nn загадала своё любимое слово. Попробуй найти это слово среди других:

NEED NEVER NEW NOSE NOT **NOISE** NORTH».

Совет: «Воспользуйся словариком»;

– поиск звука, обозначенного определённой буквой, в нескольких словах (задание предполагает выбор нескольких вариантов ответа). Например: «Перед тобой английские слова. Буква Nn запуталась, в каких из этих слов она произносится как звук [ŋ]. Помоги букве Nn разобраться. Найди слова, в которых буква Nn читается как звук [ŋ]:

DRINK THINK HUNGRY **SONG** NOTE NUMBER **YOUNG**».

Подсказка: «Нажми на любое из этих слов, и оно “прозвучит”».

Совет: «Воспользуйся словариком» и т.д.

В электронном приложении применяется приём постепенного раскрытия обучающих игр: от простых к сложным. В случае правильного выбора ответа открывается дополнительная, скрытая, страница со словом, окрашенным в зелёный цвет, а в случае неверного выбора открывается дополнительная, скрытая, страница

со словом, окрашенным в красный цвет, и подпись: «Попробуй поискать ещё».

Сигнативная (знаковая) составляющая электронного учебного пособия содержит средства различных знаковых систем: алфавитные знаки, мультимедиа, видео- и аудиозаписи. Их выбор и сочетание производились с опорой на принцип эргономичности и осуществлялись с учётом следующих положений:

1) алфавитные знаки составляют основу обучающего материала, поскольку обеспечивают развитие навыков чтения на родном и иностранном языках, способствуют развитию мышления, воображения. Посредством алфавитных знаков переданы информация об английских буквах, особенностях их произношения, содержание игровых обучающих заданий. Фрагменты текста составлены в соответствии с особенностями возрастной категории 7–9 лет и отличаются конкретностью и лаконичностью;

2) мультимедиа (видео о буквах, с английскими словами и соответствующими им рисунками) обеспечивают динамику восприятия обучающего материала, способствуют запоминанию английской лексики на основе соединения слова и образа;

3) аудиозаписи («звучащие» английские слова в рассказах о буквах и в игровых обучающих заданиях, детские английские песенки) способствуют развитию восприятия языкового материала на слух, формированию навыка воспринимать английскую речь и запоминать английские слова на основе повторения за аудиозаписью.

В рамках *синтаксивной составляющей*, характеризующей структуру издания, принцип эргономичности применялся с целью: 1) композиционной организации текста; 2) определения наиболее эффективных способов взаимосвязи его элементов; 3) создания интерфейса; 4) выделения элементов и специфики представления инфраструктуры.

Электронное учебное пособие имеет следующую *структуру*: 1) заставка (изображение статичное); 2) основной титульный экран (текст); 3) дополнительный титульный экран (текст); 4) инструкция по использованию учебного пособия (текст); 5) содержание (текст, статичные изображения для обозначения ссылок на тот или

иной раздел и для условных обозначений); 6) от автора (текст, динамичное изображение (2 видео), изображение статичное (2 схемы)); 7) 26 слайдов, расположенных последовательно в алфавитном порядке, каждый соответствует одной букве английского алфавита и содержит текст, статичное изображение, динамичное изображение (видео), аудиозапись текста английской песенки, игровое обучающее задание с интерактивными элементами; 8) заключение (текст); 9) словарь (текст); 10) таблица английских звуков (текст, статичное изображение); 11) приложение (текст).

Взаимосвязь частей учебного пособия осуществляется с помощью локальных ссылок «вперёд», «назад», «к содержанию», которые являются двунаправленными. С их помощью организуется навигация по электронному изданию, которая присутствует на внешнем и внутреннем уровнях.

Организация элементов вспомогательного аппарата (инфраструктуры) учебного пособия представлена: 1) заставкой издания; 2) двумя титульными экранами (основным и дополнительным); 3) вступлением «От автора»; 4) содержанием издания; 5) разделом «Словарик»; 6) заключением; 7) переменным колонтитулом на каждой электронной странице и содержащим сведения о наименовании раздела; 8) колонцифрой.

Основная и вспомогательная части мультимедийного учебного пособия объединяются с помощью элементов управления «кнопка», расположенных на каждой странице. С их помощью организован переход к логически связанному с данной страницей материалу (игровому обучающему заданию, словарю, таблице с английскими звуками, приложению с переводом английских песен), к содержанию, следующей странице, а также возврат к предыдущей странице. На заставке присутствует один элемент управления для перехода к основному титульному экрану. Основной титульный экран имеет элементы управления для перехода к дополнительному титульному экрану и содержанию. Электронная страница «Содержание» имеет элементы управления, обеспечивающие переход ко всем разделам основной части и аппарата издания.

Состав выходных сведений и их расположение были определены в соответствии с государственным стандартом и требованиями к оформлению электронного издания, содержащимися в некоторых учебно-методических работах [24].

В процессе разработки интерфейса в соответствии с принципом эргономичности были выбраны цветовое оформление, начертание, цвет и размер шрифта, контрастность и другие особенности взаимодействия издания с читателем:

1) выбор цвета фона электронной страницы и шрифта осуществлялся с учётом цветового и шрифтового оформления основного учебника и рабочей тетради, таким образом был сохранён единый дизайн всех учебных материалов. Фон электронной страницы выполнен в светло-жёлтых и светло-голубых тонах. Шрифт SchoolBook является специальным для школьных учебных изданий, его начертание без засечек, что способствует облегчению восприятия экранного текста; это нейтральный шрифт, сбалансированный по пропорции и насыщенности, кегль – от 16 пунктов и выше, что соответствует размеру шрифтов в детских учебных изданиях;

2) выбран синий цвет шрифта, так как чёрные знаки на электронных страницах, выполненных в светло-жёлтых и светло-голубых тонах, вызывают быстрое утомление [26];

3) размер ссылок-кнопок оптимальный для сенсорного экрана, выбраны «выпуклые» модели кнопок, чтобы вызвать желание нажать на них;

4) количество знаков на электронной странице не более 50, что соответствует психофизиологическим особенностям младшего школьного возраста;

5) для большинства иллюстраций выбран формат «png», так как иллюстративные данные, хранящиеся в этом формате, занимают немного места в памяти компьютерного устройства, это ускоряет процесс загрузки файла с электронным приложением. При сжатии этого формата отсутствуют потери в качестве цвета;

6) электронное учебное пособие создано в формате PDF с интерактивной версией, включающей мультимедиа и аудиозаписи,

так как в этом случае: а) не меняется расположение элементов документа при его воспроизведении на другой платформе; б) сохраняется компактность; в) обеспечивается безопасность: документ можно заблокировать и предоставлять доступ с помощью пароля.

Материальная составляющая (носитель информации) учебного пособия характеризуется тем, что оно может быть прочитано на различных электронных носителях: дисковом, флеш-карте, ПК, планшете. Для его разработки и просмотра необходим комплект программ от компании Adobe: Adobe InDesign – для редактирования и вёрстки учебного материала, его экспорта в PDF-файл с интерактивной версией; Adobe Acrobat XI Pro – для редактирования PDF-файлов, она позволяет добавлять интерактивный материал, видео- и аудиозаписи; Adobe Illustrator – для создания и обработки векторных изображений; Adobe Photoshop – для создания и обработки растровых изображений; Adobe Reader на компьютере или приложение на планшете, поддерживающее формат PDF, – для просмотра и чтения PDF-файлов.

С позиции прагмативной (ценностной) составляющей электронное учебное пособие характеризуется как оригинальное, не имеющее печатного аналога. Доступ к содержанию пособия не ограничен и защищён антивирусным программным обеспечением. Оно соответствует календарно-тематическому плану рабочей программы учебника (2 части) и рабочей тетради (2 части) «Счастливый английский.ру», а также требованиям Федерального государственного образовательного стандарта нового поколения (ФГОС).

Особенности *темпоральной составляющей*, характеризующей существование издания во времени и пространстве, заключаются в том, что электронное учебное пособие является непериодическим изданием, может быть использовано в качестве онлайн-ового и офлайн-ового, а также имеет возможность к обновлению без переиздания.

Мультимедийное приложение было применено в образовательном процессе младших школьников в течение первого этапа изучения учащимися 2-го класса английского языка. Результаты обобщающего наблюдения показали, что разработанная на основе

принципа эргономичности мультимедийная учебная книга, при формировании которой были учтены как дидактические, так и книговедческие требования, эффективно выполняет все функции, свойственные учебной литературе, вызывает большой интерес учащихся, формирует их мотивационную сферу. Кроме того, реализация книговедческих требований обеспечивает учёт психофизиологических особенностей пользователей, формирует навыки правильного оформления текста.

Результаты исследования, предпринятого с целью создания концепции мультимедийного учебного пособия, доказывают также, что разработчиками подобных учебных материалов должны быть не только преподаватели, но и издатели, специалисты по ИТ-технологиям, веб-дизайнеры. Только совместный поиск методов и приёмов представления учебного материала в мультимедийной среде поможет преодолеть существующие недостатки, эффективно применить преимущества компьютерной коммуникации в процессе обучения и в конечном итоге реализовать подходы, на которых в настоящее время базируется российское образование.

Литература

1. Головлёва С.М. Компоненты образовательной среды объектно-ориентированного типа педагогического процесса // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 4. С. 18–22.
2. Бородовская А.Б. Дизайн электронных образовательных ресурсов в контексте когнитивного восприятия текста читателями : дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2016. 220 с.
3. Беспалов В.М. Психология чтения : учеб. пособие. М., 2010. С. 17–19.
4. Вуль В.А. Электронные издания : учеб. М. ; СПб. : Петербургский институт печати, 2001. 308 с.
5. Mayer R.E., Alexander P.A. Handbook of research on learning and instruction. New York; London : Taylor & Francis, 2016. 480 с.
6. Issa N., Mayer R.E., Schuller M., Wang E. Shapiro M.B., DaRosa D.A. Teaching for understanding in medical classrooms using multimedia design principles // Medical education. 2013. Т. 47, № 4. С. 388–396.
7. Fiorella L., Mayer R.E. Learning as a Generative Activity. Cambridge University Press, 2015. 236 с.
8. Leutner D. Motivation and emotion as mediators in multimedia learning // Learning and Instruction. 2014. Т. 29. P. 174–175.

9. Чудинова В.П. Тенденции и содержание чтения подростков: возможности коррекции // Чтение. XXI век. Челябинск: Челябин. гос. академия культуры и искусств, 2014. С. 108–123.

10. N. Carr *The Shallows: What the internet is doing to our brains*. N. Y. : W.W. Norton and Co, 2011. 259 p.

11. Зими́на О.В. Печатные и электронные учебные издания в современном высшем образовании: Теория, методика, практика. М. : Изд-во МЭИ, 2003. 335 с.

12. Босова Л.Л. Электронный учебник: вчера, сегодня, завтра // Образовательные технологии и общество. 2013. Т. 16, № 3. С. 697–712.

13. Сергеева Н.М., Зюкин Д.А. Использование электронных учебных пособий в образовательном процессе // Современная педагогика. 2016. № 8. URL: <http://pedagogika.snauka.ru/2016/08/5929> (дата обращения: 07.05.2018).

14. Аленичева Е., Монастырёв Н. Электронный учебник (Проблемы создания и оценки качества) // Высшее образование в России. 2001. № 1. С. 123.

15. Коваленко И.Н. Технология мультимедиа с точки зрения когнитивной психологии. URL: <http://pravmisl.ru/index.php/> (дата обращения: 25.05. 2018).

16. Динер Е.В. Теоретические аспекты формирования коммуникативной компетенции бакалавров издательского дела. Москва : Изд-во МГУКИ ; Киров : Изд-во ВятГГУ, 2012. 110 с.

17. Динер Е.В., Мосунова Л.А. Развитие воображения в процессе чтения электронной книги // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. № 2. С. 34–48.

18. Динер Е.В. Теоретико-методологические подходы к обоснованию электронной книги как категории книговедения : дис. ... д-ра пед. наук. М., 2016. 451 с.

19. Динер Е.В. Электронная книга как категория книговедения. Киров : Радуга-ПРЕСС, 2017. 245 с.

20. Кауфман К.И., Кауфман М.Ю. *Happy English.ru* : учебник для 2-го класса : в 2 ч. М., 2012.

21. ГОСТ 7.60–2003. Издания. Основные виды. Термины и определения // Основные стандарты по издательскому делу : сб. М., 2009. 326 с.

22. ГОСТ 7.0.83–2013. СИБИД. Электронные издания. Основные виды и выходные сведения. Введён 2014-03-01. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200104766> (дата обращения: 21.01.2018).

23. Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Российская газета. 2010. 31 дек. URL: rg.ru/2010/12/31/deti-inform-dok.html (дата обращения: 19.04.2018).

24. ГОСТ 7.0.83–2013 СИБИД. Электронные издания. Основные виды и выходные сведения. Введён 2014-03-01. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200104766> (дата обращения: 21.01.2018).

25. Козлова Е.И. Электронные учебные издания в современном вузе. М. : Форум, 2013. 208 с.

26. Галкин С.И. Техника и технология СМИ. Художественное конструирование газеты и журнала. М. : Аспент-Пресс, 2008. 210 с.

ON DEVELOPING THE CONCEPT OF A MULTIMEDIA EDUCATIONAL TEXTBOOK FOR SECONDARY SCHOOLS (A CASE STUDY OF AN ELECTRONIC APPLICATION TO THE ENGLISH LANGUAGE TEXTBOOK FOR ELEMENTARY SCHOOL)

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2018, № 18, pp. 152–168.

DOI: 10.17223/23062061/18/8

Diner Elena V., Vyatka State University (Vyatka, Russian Federation).

E-mail: sautinalina@yandex.ru

Key words: multimedia technologies, multimedia teaching aid, computer environment, bibliographic aspects of e-learning book, conceptual model of multimedia teaching aid.

The author uses the completed research in psychological, pedagogical, bibliological aspects of the electronic textbook publishing to investigate the problem of implementing bibliological principles in modern multimedia textbooks. Nowadays, these principles are far from being always followed, which leads to an inefficient use of the computer environment advantages, a violation of didactic principles of the textbook and, as a result, a decrease in the quality of e-learning products. The practical material is used to demonstrate how bibliological approaches are implemented in creation of multimedia textbooks for secondary schools. The author reveals the conceptual characteristics of such a publication, as well as the specificity of the application of the principle of ergonomics in electronic educational books.

References

1. Golovleva, S.M. (2015) Educational environment components of the subject-focused type of the pedagogical process. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 4. pp. 18–22. (In Russian).
2. Borodovskaya, A.B. (2016) *Dizayn elektronnykh obrazovatel'nykh resursov v kontekste kognitivnogo vospriyatiya teksta chitatel'nyami* [Design of electronic educational resources in the context of cognitive perception of the text by readers]. Pedagogy Cand. Diss. Kazan.
3. Beshpalov, V.M. (2010) *Psikhologiya chteniya* [Psychology of Reading]. Moscow: Moscow State University of Culture and Arts. pp. 17–19.
4. Vul, V.A. (2001) *Elektronnye izdaniya* [Electronic editions]. Moscow; St. Petersburg: Petersburg Institute of Printing.
5. Mayer, R.E. & Alexander, P.A. (2016) *Handbook of Research on Learning and Instruction*. New-York; London: Taylor & Francis.
6. Issa, N., Mayer, R.E., Schuller, M., Wang, E. Shapiro, M.B. & DaRosa, D.A. (2013) Teaching for understanding in medical classrooms using multimedia design principles. *Medical Education*. 47(4). pp. 388–396. DOI: 10.1111/medu.12127

7. Fiorella, L. & Mayer, R.E. (2015) *Learning as a Generative Activity*. Cambridge University Press.
8. Leutner, D. (2014) Motivation and emotion as mediators in multimedia learning. *Learning and Instruction*. 29. pp. 174–175. DOI: 10.1016/j.learninstruc.2013.05.004
9. Chudinova, V.P. (2014) Tendentsii i sodержanie chteniya podrostkov: vozmozhnosti korrektsii [Tendencies and content of juvenile reading: Possibilities of correction]. In: Askarova, V.Ya. (ed.) *Chteniyе. XXI vek* [Reading. The 21st Century]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. pp. 108–123.
10. Carr, N. (2011) *The Shallows: What the internet is doing to our brains*. New York: W.W. Norton and Co.
11. Zimina, O.V. (2003) *Pechatnye i elektronnye uchebnye izdaniya v sovremen-nom vysshem obrazovanii: Teoriya, metodika, praktika* [Printed and electronic textbooks in modern higher education: Theory, methods, practice]. Moscow: MEI.
12. Bosova, L.L. (2013) Elektronnyy uchebnik: vchera, segodnya, zavtra [The electronic textbook: yesterday, today, tomorrow]. *Obrazovatel'nye tekhnologii i obshchestvo*. 3(16). pp. 697–712.
13. Sergeeva, N.M. & Zyukin, D.A. (2016) Using electronic study guides in the educational process. *Sovremennaya pedagogika – Modern pedagogy*. 8. [Online] Available from: <http://pedagogika.snauka.ru/2016/08/5929>. (Accessed: 7th May 2018). (In Russian).
14. Alenicheva, E. & Monastyr'ov, N. (2001) Elektronnyy uchebnik (Problemy sozdaniya i otsenki kachestva) [Electronic textbook (Problems of creation and quality assessment)]. *Vysshее obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 1. pp. 123.
15. Kovalenko, I.N. (n.d.) *Tekhnologiya mul'timedia s tochki zreniya kognitivnoy psikhologii* []. [Online] Available from: <http://pravmisl.ru/index.php/>. (Accessed: 25th May 2018).
16. Diner, E.V. (2012) *Teoreticheskie aspekty formirovaniya kommunikativnoy kompetentsii bakalavrov izdatel'skogo dela* [Theoretical aspects of the formation of the communicative competence in bachelors of publishing]. Moscow; Kirov: Moscow State University of Culture and Arts; Vyatka State University for the Humanities.
17. Diner, E.V. & Mosunova, L.A. (2017) Imagination development in the process of reading e-books. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2. pp. 34–48. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1702.03
18. Diner, E.V. (2016) *Teoretiko-metodologicheskie podkhody k obosnovaniyu elektronnoy knigi kak kategorii knigovedeniya* [Theoretical and methodological approaches to the substantiation of the electronic book as a category of bibliography]. Pedagogy Dr. Diss. Moscow.
19. Diner, E.V. (2017) *Elektronnaya kniga kak kategoriya knigovedeniya* [Electronic Book as a Category of Bibliology]. Kirov: Raduga-PRESS.
20. Kaufman, K.I. & Kaufman, M.Yu. (2012) *Happy English.ru: uchebnik dlya 2-go klassa* [Happy English.ru: Textbook for 2nd Grade]. Moscow: Titul.

21. Russian Federation. (2009) GOST 7.60–2003. Izdaniya. Osnovnye vidy. Terminy i opredeleniya [GOST 7.60–2003. Editions. Main types. Terms and definitions]. In: Dzhigo, A.A. & Kalinin, S.Yu. (eds) *Osnovnye standarty po izdatel'skomu delu* [Basic Publishing Standards]. Moscow: Universitetskaya kniga.
22. Russian Federation. (2014) GOST 7.0.83–2013. SIBID. *Elektronnyye izdaniya. Osnovnye vidy i vykhodnye svedeniya. Vveden 2014-03-01* [GOST 7.0.83–2013. SIBID. Electronic editions. Main types and imprint. Introduced March 1, 2014]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/1200104766>. (Accessed: 21st January 2018).
23. Russian Federation. (2010) Federal Law No. 436-FZ of the Russian Federation of December 29, 2010, “On Protection of Children from Information Harmful to their Health and Development”. *Rossiyskaya gazeta*. 31st December. [Online] Available from: rg.ru/2010/12/31/deti-inform-dok.html. (Accessed: 19th April 2018). (In Russian).
24. Russian Federation. (2014) GOST 7.0.83–2013 SIBID. *Elektronnyye izdaniya. Osnovnye vidy i vykhodnye svedeniya. Vvedon 2014-03-01* [GOST 7.0.83–2013. SIBID. Electronic editions. Main types and imprint. Introduced March 1, 2014]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/1200104766>. (Accessed: 21st January 2018).
25. Kozlova, E.I. (2013) *Elektronnyye uchebnye izdaniya v sovremennom vuze* [Electronic educational editions in modern high school]. Moscow: Forum.
26. Galkin, S.I. (2008) *Tekhnika i tekhnologiya SMI. Khudozhestvennoe konstruirovaniye gazety i zhurnala* [Technique and technology of mass media. Artistic design of the newspaper and magazine]. Moscow: Aspent-Press.

УДК 81.42

DOI: 10.17223/23062061/18/9

А.В. Курьянович

**СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ
ЛИНГВОСЕНСОРИКИ: СЕМАНТИКА ВОСПРИЯТИЯ
И СПОСОБЫ ЕЕ ЯЗЫКОВОГО ВОПЛОЩЕНИЯ
В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
ПОЭТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ
КАТЕГОРИИ ПЕРЦЕПТИВНОСТИ / СИМОНА КОРЫЧАН-
КОВА, ЛАРИСА КРЮКОВА, АННА ХИЗНИЧЕНКО. BRNO:
MASARYKOVA UNIVERZITA, 2016. 236 с.**

Аннотация. Коллективная монография обобщает результаты современных исследований специфики языковых средств репрезентации перцептивных процессов. Основное внимание авторов сосредоточено на изучении проблемы вербализации индивидуально-авторского восприятия в поэтическом дискурсе. Обосновывается суждение о том, что совокупность языковых маркеров, создающих перцептивные образы в поэтических текстах, формирует семантическую структуру последних, отражает особенности авторского идиостиля и идиолексикона, воплощает определенные фрагменты национальной картины мира. В качестве материала рассматриваются произведения представителей Серебряного века: В. Соловьева, Б. Пастернака, М. Цветаевой, А. Ахматовой, О. Бржезины. Книга является результатом плодотворного сотрудничества кафедры русского языка и литературы Университета им. Масарика (Брно, Чехия) и кафедры русского языка Томского государственного университета (Томск, Россия).

Ключевые слова: лингвосенсорика, семантика восприятия, категория перцептивности, поэтическая картина мира, поэтический дискурс, Серебряный век.

Рецензируемая книга посвящена рассмотрению проблемы вербализации перцептивности – структурно-семантической и гносеологической категории, позволяющей осуществлять комплексный и разноаспектный анализ речевой структуры текста с точки зрения особенностей ее выражения и функционирования в поэтическом тексте. Выявление специфики «восприятия объектов окружающего мира во всей полноте чувственных впечатлений» (с. 77), проявляющейся в языковой картине мира авторов, – вот что является ос-

новным объектом изучения в данной монографии. Функционирование языковых средств выражения перцептивной семантики в поэтическом тексте, как справедливо отмечают авторы монографии, имеет ряд особенностей в силу того, что, во-первых, восприятие осуществляется сквозь «двойную» призму – автора и лирического героя, во-вторых, в поэтическом тексте наблюдается «приращение» смыслов, «повышенная содержательность и плотность» (с. 62), поскольку вырастает функциональная значимость каждого слова.

Предметом исследования в монографии является речевой строй произведений представителей Серебряного века, рассматриваемый в проблемном поле лингвосенсорики. В. Соловьев, Б. Пастернак, М. Цветаева, А. Ахматова, О. Бржезина – авторы, чей индивидуальный стиль ярок, узнаваем. Это признанные мастера художественной детали, находящей свое текстовое воплощение, в частности, в описании субъективного опыта человека, полученного в результате деятельности пяти органов чувств, часто – проявляющих себя совокупно (явление синестезии). Для поэтов Серебряного века крайне важна опора именно на сенсорный канал передачи информации, что отмечается многими исследователями их творчества. Как справедливо пишут авторы работы, в поэзии Серебряного века чувственному восприятию подвергается не только «реальная» действительность, но и «область снов, воображения, воспоминаний, эмоций» (с. 48). В связи с этим в процессе текстовой коммуникации возрастает роль «метафоризации окружающей действительности, транспозиционных переносов, тенденции к использованию различных средств художественной выразительности, к раскрытию тех или иных тем, идей, лирических образов» (там же). Особое внимание в связи с этим уделяется анализу окказиональной лексики, авторских метафор и синестетизмов (с. 78).

Глубина и сложность предмета исследования определили многоаспектную актуальность рецензируемой книги, в которой осмысляются проблемы, значимые для целого ряда научных направлений современной лингвистики. Для *семасиологии* и *прагматики* важным является рассмотрение диктумно-модусного зна-

чения лексических и синтаксических единиц во всех типах дискурсивных практик, в данном случае – в рамках художественно-эстетической сферы коммуникации. В аспекте *теории текста* исследование интересно своей нацеленностью на изучение способов выражения авторской интенции, репрезентации картины мира автора и анализ структуры поэтического текста. *Психолингвистический подход* в работе становится очевидным в связи с рассмотрением речевых особенностей конкретных субъектов восприятия, выбор которых определяет специфику лингвистических средств выражения чувственного восприятия в поэтическом дискурсе, а также необходимостью типологизации и научного описания вариантов лирических героев как субъектов восприятия. С точки зрения положений *коммуникативной стилистики текста* работа актуальна углублением представления о специфике идиостиля автора, проявляемой посредством анализа языковых единиц с перцептивной семантикой. Проблематика монографии лежит также в плоскости *лингвокогнитивных* исследований: языковые средства экспликации чувственного восприятия определяются авторами не только в качестве значимых для семантической организации текста единиц, но и активно участвующих в текстообразовании и формировании картины мира автора. Более того, языковые средства с перцептивной семантикой участвуют в создании национальной картины мира на уровне отдельных ее фрагментов.

В своем исследовании авторы монографии исходят из базовых методологических принципов анализа высказываний с позиций *семантического синтаксиса* (Ш. Балли, Э. Бенвенист, Г.А. Золотова, Е.В. Падучева, Т.В. Шмелева и др.). При этом обнаруживают интересные закономерности смысловой организации поэтических текстов авторов – представителей Серебряного века, проявляющиеся в соотнесенности с основными положениями активно развивающейся сегодня науки *лингвосенсорики* (О.Ю. Авдеевнина, А.В. Двизова, И.Ю. Колесов, Л.Б. Крюкова, И.Г. Рузин, Е.В. Урысон, В.К. Харченко и др.). В частности, в работе находят свое подтверждение неоднократно высказываемые специалистами тезисы о неравномерной представленности различных типов восприятия в рус-

ской языковой картине мира, приоритете зрительного канала в когнитивной системе перцепции, распространенности случаев синестезии.

Новизна издания заключается в актуализации идиостилевого аспекта в рассмотрении перцептивной картины мира поэтов – представителей Серебряного века, как значимого фрагмента их индивидуальной картины мира.

Очевидна хорошая проработанность методологии исследования, позволяющей верифицировать его результаты и представить их во всей полноте. Логика размышлений авторов репрезентируется на определенных этапах работы с поэтическими текстами. Основным приемом выступает моделирование. Анализируя заявленную проблематику в рамках идиосистемы конкретного поэта, каждый автор выделяет доминантный канал восприятия (зрительное, слуховое и другое восприятие) и обосновывает свой выбор. Далее на основании критерия частотности выявляется преобладающий способ вербализации образа (зрительного, звукообраза и др.) сквозь призму данного канала восприятия. В итоге делается вывод об идиостилевых и идиолексических особенностях авторской перцепции, воплощенной в поэтическом дискурсе.

Например, в разделе монографии, посвященном рассмотрению способов и средств создания перцептивных образов в поэтических текстах М. Цветаевой, учеными предлагается структурно-семантическая модель дискурсивного развертывания зрительного восприятия (выражение глаз и направление взгляда), характерная для индивидуальной манеры данного автора. В качестве языковой особенности обосновывается предпочтение в выборе лексем-номината зрительного образа – «глаза». В поэзии Цветаевой, по мнению исследователей, содержится «большое количество конструкций, включающих лексику *глаза* в разных синтаксических позициях...» (с. 47). При этом отмечается, что, «сохраняя свое основное значение (“орган зрения”), лексема получает массу контекстуальных наращений, превращаясь в «субъективное» авторское слово» (там же). Модель зрительной перцепции, представленной в поэтическом дискурсе Цветаевой на уровне анализа лексических

средств, включает также такие составляющие, как характер субъекта / объекта восприятия (эксплицитированный или имплицитированный), способ выражения перцептивной семантики (предикативный, непредикативный), характер семантики слова-маркера (прямое или переносное значение).

Работа характеризуется безусловной теоретической и практической значимостью. Авторы делают акцент на рассмотрении семантических и функциональных свойств языковых единиц с перцептивной семантикой, что отвечает требованиям антропоцентричности, текстоориентированности и мультидисциплинарности современной научной парадигмы. Не вызывают сомнений высказанные автором утверждения о тексто- и смыслообразующей функции перцептивной лексики и ее участии в моделировании картины мира поэтов. Исследователи расширяют представление об идиостиле автора речевого произведения за счет приобщения к общему перечню маркеров индивидуальной специфики языковых репрезентантов перцепции, участвующих в создании картины мира автора. Самым непосредственным образом сказанное относится на счет авторов – представителей Серебряного века, являющихся, по мнению большинства исследователей, одними из наиболее сенсороцентричных русских поэтов-классиков.

Использование изложенных в монографии результатов возможно в научно-исследовательской работе для дальнейшего развития предложенной концепции, например, в лексикографическом и коммуникативно-прагматическом направлениях. Ее материалы могут найти применение в сфере высшего образования при подготовке курсов по лексикологии, синтаксису и стилистике русского языка, текстоведению, филологическому анализу художественного текста, спецкурсов и факультативов, связанных с изучением особенностей поэтики и стилистики произведений авторов Серебряного века.

На наш взгляд, издание коллективной монографии «Поэтическая картина мира сквозь призму категории перцептивности» в силу актуальности рассматриваемой в ней проблематики вносит вклад в развитие теории и методологии современной теории линг-

восенсорики, имеет несомненную значимость для целого ряда направлений фундаментальной и прикладной лингвистики и будет востребована в кругу специалистов.

MODERN RESEARCH IN THE FIELD OF LINGUOSENSORICS: SEMANTICS OF PERCEPTION AND WAYS OF ITS LINGUISTIC EMBODIMENT IN THE POETIC TEXT. BOOK REVIEW: POETIC PICTURE OF THE WORLD THROUGH THE PRISM OF THE CATEGORY OF PERCEPTIVITY / KORYCHANKOVA SIMONA, KRYUKOVA LARISSA, KHIZNICHENKO ANNA. BRNO: MASARYKOVA UNIVERZITA, 2016.

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2018, 18, pp. 169–174.

DOI: 10.17223/23062061/18/9

Kuryanovich Anna V., Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru

Key words: linguosensorics, semantics of perception, category of perceptivity, poetic picture of the world, poetic discourse, Silver Age.

The book summarises modern studies of the specificity of linguistic means of perceptual processes representation. The researchers focus on the verbalisation of the poet's individual perception in the poetic discourse and argue that the totality of linguistic markers creating perceptual images in poetic texts forms its semantic structure and reflects the poet's individual style and lexicon, thus embodying certain fragments of the national picture of the world. The research is based on works of the Silver Age poets: V. Soloviev, B. Pasternak, M. Tsvetaeva, A. Akhmatova, O. Březina. The book is the result of a fruitful cooperation between the Department of Russian Language and Literature of the Masaryk University (Brno, Czech Republic) and the Russian Language Department of Tomsk State University (Tomsk, Russia).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Безрогов Виталий Григорьевич – доктор педагогических наук, доцент, главный научный сотрудник Центра истории педагогики и образования ФГБНУ «Институт стратегии развития образования Российской академии образования».
E-mail: bezrogov@mail.ru

Горенинцева Валентина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии Национального исследовательского Томского государственного университета.
E-mail: anamol_valaya@mail.ru

Динер Елена Васильевна – доктор педагогических наук, профессор кафедры журналистики и интегрированных коммуникаций Вятского государственного университета.
E-mail: sautinalina@yandex.ru

Есипова Валерия Анатольевна – доктор исторических наук, заведующая сектором изучения и раскрытия фонда Научной библиотеки Национального исследовательского Томского государственного университета.
E-mail: esipova_val@mail.ru

Карташова Татьяна Петровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-хранительского отдела Томского областного краеведческого музея им. М.Б. Шатилова.
E-mail: kartashova67@yandex.ru

Курьянович Анна Владимировна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории языка и методики обучения русскому языку Томского государственного педагогического университета.
E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru

Олицкая Дарья Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии Национального исследовательского Томского государственного университета.
E-mail: d.olitskaya@mail.ru

Перевалова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций Высшей школы печати и медиаиндустрии Московского политехнического университета.
E-mail: helenpv@yandex.ru

Подчиненов Алексей Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

E-mail: A.V.Podchinenov@urfu.ru

Ромашина Екатерина Юрьевна – доктор педагогических наук, профессор, декан факультета искусств, социальных и гуманитарных наук Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого.

E-mail: katerinro@yandex.ru

Снигирева Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

E-mail: tas0905@rambler.ru

Шарафадина Клара Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов.

E-mail: belkaklara@mail.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ В НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ»

Редакция принимает статьи, набранные в текстовом редакторе WinWord. Статьи должны быть представлены в электронном и распечатанном виде (формат А4). Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно предоставляются в отдельных файлах, вложенных в авторскую электронную папку.

Все рисунки выполняются только в черно-белой гамме, полноцветные иллюстрации не допускаются.

В начале статьи указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК), приводятся (каждый раз с новой строки):

- 1) инициалы и фамилия автора;
- 2) название статьи (строчными буквами, например: Идеологический контекст «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году»);
- 3) краткая аннотация (500 знаков), которая выделяется курсивом и отделяется от текста статьи пропуском строки;
- 4) ключевые слова (3–5).

Текст набирается шрифтами Times New Roman, размер шрифта – 14 кеглей, межстрочный интервал – полуторный, поля (все) – 1,5 см, абзацный отступ – 0,5 см.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи такие шрифты должны быть представлены в редакцию в авторской электронной папке.

Нумерация страниц сплошная, с 1-й страницы, внизу по центру.

Ссылки на использованные источники приводятся после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования, тома и страницы, например: [1. Т. 2. С. 25]. При повторном обращении к одному и тому же источнику в пределах страницы ссылка оформляется следующим образом: [Там же. С. 100] – если источник на русском языке, или [Ibid. P./S. 100] – если на английском/немецком. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера), предваряется словом «Литература» и оформляется в порядке упоминания или цитирования в тексте статьи (не в алфавитном порядке!). Под одним номером допустимо приводить только один источник. Обязательно указание количества страниц в используемых источниках.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок. Если в примечаниях присутствуют ссылки на используемую литературу, номер этих источников в списке литературы должен быть соотнесён с нумерацией источников в основном тексте статьи, после которых (перед которыми) вставлено примечание со ссылкой на источник. Примеры оформления можно посмотреть на сайте журнала (<http://vestnik.tsu.ru/book/>) в разделе «Архив».

Двумя отдельными файлами (а также в виде распечаток) обязательно предоставляются:

1. Англоязычный блок:

- английский вариант инициалов и фамилии автора;
- перевод названия своей организации;
- перевод названия статьи (например: Ideological context of "Collection of Poems Relating to the Unforgettable 1812");

– автореферат статьи на английском языке (2 500–3 000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке;

– перевод ключевых слов на английский язык.

2. Сведения об авторе по форме:

– фамилия, имя, отчество (полностью);

– учёная степень, учёное звание;

– должность и место работы / учёбы (кафедра / лаборатория / сектор, факультет / институт, вуз / НИИ и т.д.) без сокращений, например: **Киселев Виталий Сергеевич** – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: kv-uliss@mail.ru

Кроме того, отдельно в том же файле указываются:

– Ф.И.О., должность и место работы научного руководителя (для студентов, аспирантов и соискателей);

– специальность (название и номер по классификации ВАК);

– телефоны (рабочий, сотовый).

Статья и сведения об авторе заверяются подписью автора (и научного руководителя – в случае, если автор не имеет учёной степени).

Всего оформляется и подаётся три электронных и бумажных документа:

1) текст статьи с аннотацией на русском языке;

2) английский вариант имени и фамилии автора, названия своей организации; перевод названия статьи и ключевых слов; автореферат статьи на английском языке (2 500–3 000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке;

3) сведения об авторе.

Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора в латинской графике (например, Ivanov1.doc, Ivanov2.doc, Ivanov3.doc) и вложены в папку, названную аналогично (например, Ivanov). При передаче электронной папки обязательно использование архиваторов WinZip или WinRar (например, Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Авторы должны представить в редакцию заполненный бланк, в котором указывается согласие автора на публикацию статьи и размещение её в Интернете. Письмо должно быть подписано автором и заверено в организации, в которой работает или обучается автор. В случае соавторства каждый из авторов подписывает и заверяет отдельное письмо.

Статьи принимаются по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет (ГУ), филологический факультет, редакция журнала «Текст. Книга. Книгоиздание», Воробьевой Татьяне Леонидовне*.

Электронные версии материалов обязательно размещаются в «личном кабинете» автора на сайте журнала <http://vestnik.tsu.ru/book/>

После регистрации и прикрепления статьи авторы имеют возможность отслеживать изменение её состояния (получение бумажного варианта, результат рецензирования и т.д.).

---

* По желанию автора бумажные варианты могут быть заменены сканированными PDF-файлами и представлены в редакцию в отдельной заархивированной папке посредством прикрепления на сайте параллельно с электронными вариантами материалов.

Научно-практический журнал

ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ

TEXT. BOOK. PUBLISHING

2018. № 18

Редакторы Н.А. Афанасьева, Ю.П. Готфрид

Редактор-переводчик В.Н. Горенинцева

Оригинал-макет А.И. Лелююр

Подписано в печать 25.12.2018 г. Формат 60×84¹/₁₆.

Печ. л. 11,2; усл. печ. л. 10,4.

Тираж 50 экз. Заказ № 3601. Цена свободная

Дата выхода в свет 18.01.2019 г.

Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома

Томского государственного университета,

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49

<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru